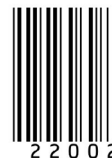

ISSN 2409-336X

9 772409 1336004

2 2 0 0 2

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (60)
2022

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А. У. Коласаў (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Вальнец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 503, т. +375 44 716 34 97, vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**2 (60)
2022**

Editorial Board:

Lavrinovich D.S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Vishnevsky M.I., Deputy Chief Editor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Riyer Y.G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kolosov A.V., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

History:

Duk D.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K.M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Karako P.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Punchenko O.P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Odessa, Ukraine)
Konokh N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Kamenskoye, Ukraine)
Starostenko V.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O.V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

Makarevich A.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Volynets T.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T.G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A.S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dovgal A.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
room 503, tel. +375 44 716 34 97, vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

КЛИМУТЬ Л. Я. Правление Филиппа II в Нидерландах	7
РЫТОВА Н. Н. Жизнь белорусских горожанок в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата)	12
ГАЛЫНСКИ Р. Д. Працоўная штодзённасць жыхароў Быхава ў XIV–XVIII стст.	17
КРАВЧЕНКО И. В. Польско-литовские унии XIV–XV вв. в исследованиях преподавателей высшей школы Российской империи	22
АПЕКУНОВ В. А. Прошлое и настоящее белорусского народа в работах П. А. Кулаковского ...	27
БЕЛЯЕВА Г. Н. Характеристика материалов «Русского провинциального некрополя» великого князя Н. М. Романова	32
ГОЛОВАЧ Е. И. Участие представителей либеральных и правых партий в деятельности земских органов самоуправления на территории Беларуси (1911–1914 гг.)	38
БУРАКОВ В. Н. Становление и развитие жилищно-строительной кооперации в Белорусской ССР (1924–1929 гг.)	43
ИГНАТОВИЧ А. Е. Образы Великой Отечественной войны в плакатах 1941–1945 гг.: историко-культурный анализ	49
ЕЛИЗАРОВ С. А. Белорусская номенклатура 1953–1964 гг.: система организации и состав	56
ВАН ЧУНХУА. Китайско-американские отношения 1979–1984 гг. в контексте тайваньской проблемы	61
БЕЛЯЕВА А. В. Стратегии национальной безопасности США в отношении КНР в XXI в.	67
КОЛАСАЎ А. У. Праблемы крыніцзнаўства мезаліту Верхняга Падняпроўя	73
РИЕР Я. Г. Новые археологические исследования средневековой деревни в зарубежной Европе	78
ПИВОВАРЧИК С. А. Археологическое изучение гродненской архитектурной школы XII в.	84
НАСТУСЕВИЧ С. В. Теоретико-методологические проблемы исторической биографики	89
СТАРОСТЕНКО В. В. Конфессиональная специфика регионов Республики Беларусь: религиозная структура и динамика развития	95
БАГАРАДАВА Т. Р. Формы рэпрэзентацыі ваеннага кантэксту ў аповесцях А. Адамовіча 1980–1990-х гг.	101
ЧАЛОВА О. Н. Тактико-стратегическая организация дискурса Covid-19 (на материале новостных интернет-статей коронавирусной тематики)	106
ЖУКОВА А. О. К проблеме исследования многозначности предлогов (на материале английского языка)	112
КАМПАДЕЛЛИ Р. А. Ядерное значение концепта <i>Италия</i> 'страна' в публицистических текстах национального корпуса русского языка	118
ПАЛАМАРЧУК А. И. Глаголы речи: лексическая представленность, словообразовательные и стилистические особенности (на материале романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы»)	124

ПЕРСАНАЛІІ

СТРЕЛЕЦ М. В. Дмитрий Владимирович Карев – выдающийся ученый в области историографии	129
--	-----

CONTENTS

KLIMUT L. Y. The Reign of Philip II in the Netherlands.....	7
RYTOVA N. N. The Life of Belarusian Townswomen in the XVI–XVIII Centuries (According to the Registers of Mogilev Council).....	12
GALYNSKY R. D. Daily Labour of Bykhov Residents in the XIV–XVIII Centuries	17
KRAVCHENKO I. V. The Polish-Lithuanian Unions of the XIV–XV Centuries in the Studies of Higher School of the Russian Empire.....	22
APEKUNOV V. A. The Past and Present of the Belarusian People in P. A. Kulakovsky’s Works.....	27
BELYAEVA G. N. Characteristics of the Materials of the «Russian Provincial Necropolis» by Grand Duke N. M. Romanov.....	32
GOLOVACHE I. I. Participation of Liberal and Right-Wing Parties in the Activities of Zemstvo Self-Government Bodies on the Territory of Belarus (1911–1914).....	38
BURAKOV V. N. Formation and Development of Housing and Construction Cooperation in the BSSR (1924–1929).....	43
IGNATOVICH A. E. Images of the Great Patriotic War in Posters of 1941–1945: Historical and Cultural Analysis.....	49
YELIZAROV S. A. Belarusian Nomenclatura in 1953–1964: the System of Organization and Composition.....	56
WANG CHONGHUA. Sino-American Relations in 1979–1984 in the Context of the Taiwan Problem.....	61
BELYAEVA A. V. The U.S. National Security Strategies related to China in the XXI Century	67
KOLOSOVA V. The Issues of the Source Study of the Mesolithic Period in the Upper Dnieper Region.....	73
RIER Y. G. New Archaeological Studies of Medieval Village in Western Europe.....	78
PIVOVARCHYK S. A. Archaeological Study of the Grodno Architectural School of the XII Century.....	84
NASTUSEVICH S. V. Theoretical and Methodological Problems of Historical Biographical Research.....	89
STAROSTENKO V. V. Confessional Specificity of the Regions of the Republic of Belarus: Religious Structure and Dynamics of Development.....	95
BAGARADAVA T. R. Forms of Military Context Representation in A. Adamovich’s Novels of the 1980–1990s.....	101
CHALOVA O. N. Strategic and Tactic Organization of the COVID-19 Discourse (Based on News Internet Articles about Coronavirus).....	106
ZHUKOVA A. O. The Problem of the Research of Polysemous Prepositions (Based on the Material of the English Language).....	112
CAMPADELLI R. A. The Core Meaning of the Concept <i>Italy</i> ‘Country’ in Publicistic Texts of the Russian National Corpus.....	118
PALAMARCHUCK A. I. Verbs of Speech: Lexical Presentation, Word Formation and Stylistic Features (Based on the Material of Dina Rubina’s Novel «On the Sunny Side of the Street»).....	124
PERSONALIA	
STRELETS M. V. Dmitry Vladimirovich Karev – Outstanding Scholar in the Field of Historiography.....	129

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(492)«1556/1581»

ПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА II В НИДЕРЛАНДАХ

Л. Я. Климуть

кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья характеризует личность и правление Филиппа II в Нидерландах. Особое внимание уделяется тем чертам и событиям, которые привели к отчуждению нидерландских подданных от правителя.

Ключевые слова: Филипп II, Испанские Нидерланды, Маргарита Пармская, монархия Габсбургов.

Введение

Статья посвящена правлению Филиппа II в Нидерландах, в ней не рассматриваются причины Нидерландской революции, они лишь упоминаются в необходимой связи. В Нидерландах при Бургундском правлении уже наблюдалась некоторая степень автономии в том, что провинции могли назначать своих штатгальтеров и советников. В целом Нидерланды представляли собой довольно непрочную конфедерацию весьма свободомыслящих граждан.

Испанское правление изменило здесь многое. В XVI в. короли Испании приступили к укреплению и усилению своей империи, в частности в том, что касается роли центрального правительства в налогообложении и внедрении законов. Но это была не столько особая политика для Нидерландов, сколько общее направление политики испанских королей.

Основная часть

Филипп в исследованиях историков предстает как поборник абсолютной монархии, но Дж.Д. Трейси говорит также о том, что изначально он хотел управлять своими землями в Нидерландах с помощью совета и при согласии подданных [1, с. 176]. И это был плодотворный период, потому что сотрудничество разных провинций ближе подвело их к будущему существованию в качестве единой нации с общим пониманием целей и идентичности.

В советской историографии образ Филиппа подается достаточно стереотипно: он изображается мрачным тираном и ярким католиком. В отечественной историографии на сегодня

нишний день не делалось попыток рассмотреть личность Филиппа II в качестве правителя Нидерландов. И, хотя личность правителя не была единственной причиной восстания подданных против него, личные качества Филиппа II сказывались на его политических решениях.

Филипп стал герцогом Нидерландов в 1555 г., но в 1559 г. уехал в Испанию, продолжая управлять этими территориями до 1581 г. через назначаемых им генеральных штатгальтеров.

Каким же был Филипп? Его описание оставил нам Гроций. Он описывает Филиппа как в целом приятного человека, хотя и не такого умного, как отец, но этот недостаток он компенсировал энергией и сильной рабочей этикой. Главной мотивацией Филиппа Гроций считал жажду власти. Согласно Гроцию, Филипп был сам по себе добрым человеком, но безжалостным, когда дело касалось его власти, и в таких случаях он не заботился о своей репутации. Он умел распоряжаться деньгами, понимал идею государственного блага, одинаково выдерживал испытания богатством и несчастьями, хорошо умел скрывать под внешним спокойствием гнев и недовольство, был очень фанатичным во внешних аспектах религии, а в отношении искусства управления был не лучше и не хуже правителей своего времени [2].

Гроций пишет о двух существовавших мнениях о правлении Филиппа. Первое указывает, что Филипп жил в такое время, когда добродетели и удача редко сочетались в одном человеке, но конкурентами и противниками Филиппа были женщины, дети и тусы. Этим как будто объясняется недостаток славы в его правление. Второе суждение обличает Филиппа в жестокости, с которой он восстанавливал порядок в Испании и Нидерландах, и его печальный конец считают наказанием за его жестокость и враждебность истинной вере и свободе, хотя Гроций справедливо замечает, что многие великие умы умерли от той же болезни.

С одной стороны, в образе Филиппа вырисовывается этакий макиавеллиевский пра-

витель, с другой стороны, интересно замечание Гроция о том, что Филипп не замечал того негативного эффекта, который жажда власти оказывала на его публичный образ. В результате получается более сложный, живой и поучительный образ правителя.

Гроций выделяет такие качества Филиппа, как настойчивость, бережливость, католическое религиозное рвение, жестокость, упорство, негибкость, лукавство, лживость и высокомерие [2, с. 281]. Филипп глух к обращениям знати Нидерландов. Он не желает принимать советы принцев. Главный его приоритет – целостность земель под его управлением.

Филипп отличался патологической подозрительностью даже в отношении своих самых верных слуг. Однако «черная легенда» протестантских стран, представляющая его жестоким чудовищем, тоже не полностью верна. Он был приятен и элегантен, любил книги и картины. При этом он вел аскетичную жизнь. Он не был фанатиком в полном смысле этого слова. Его отношение к религии характеризует его знаменитая фраза о том, что он не намерен и не желает быть правителем еретиков. Филипп считал, что Бог повелел ему сохранить его подданных в истинной католической религии, и ради выполнения этой предписанной Богом задачи он часто считал обязанностью использовать всю полноту королевской власти, что могло доходить до безжалостной политической тирании, как это было в Нидерландах.

Филипп выбирал слуг, похожих на себя: высокомерие и предрассудки в отношении голландцев, слепота в отношении политической и моральной культуры Нидерландов, жестокость, жажда мести. Однако вполне вероятно, что это голландцы так воспринимали испанский национальный характер и проецировали это восприятие на всех его представителей [2, с. 283].

Историки часто пишут, что назначение на должность наместника в Нидерландах было итогом борьбы между фракциями при испанском дворе. Безусловно, такая борьба существовала, но нельзя считать ее главным фактором, поскольку Филипп II в своих назначениях руководствовался династическими соображениями. К тому же в случае Нидерландов следует упомянуть и борьбу дворянских кланов на этой территории, которая тоже вносила свою лепту в выбор администраторов. И, наконец, Филипп II всегда искал наиболее подходящего кандидата для существовавших условий администрации в рамках того, что могла предложить его композитная монархия.

За его манерой править Нидерландами скрывались недостаток знания этих территорий и недостаток гибкости. Филипп не понимал местной политической и моральной культуры страны, ее регионального характера. Например, он не воспринимал серьезно возражений своих подданных против преследования еретиков. Его политика, не только религиозная, но и экономическая, привела к тому, что жители Нидерландов видели в Филиппе не защитника, а врага. И, когда он не принимал их возражения всерьез, только провоцировал сопротивление. Гроций подчеркивает, что в Голландии и других провинциях у Филиппа был титул графа или герцога, но не короля [2, с. 282].

Филипп не прислушивался к советам. Так, в 1567 и 1573 гг. он назначил управлять в Брюсселе испанских дворян, а не членов своей семьи, хотя лояльная оппозиция считала, что назначение принцев крови может предотвратить восстание [3, с. 5]. Тем не менее перед отъездом в Испанию он назначил Маргариту Пармскую генеральным штатгальтером всех Нидерландов (наместницей, или регентом, в качестве взаимозаменяемых терминов). Маргарита была незаконнорожденной, но она была признана Габсбургами, и Филипп предпочитал ее остальным родственникам. Среди разных кандидатов Маргарита подходила лучше всего потому, что она родилась и часть жизни воспитывалась в Нидерландах, знала языки этой страны [3, с. 7].

Одной из первых неудачных мер Филиппа стал указ 1550 г. по совету епископа Арасского. Этот указ запрещал печатать, продавать, покупать, хранить и читать книги Лютера, Кальвина и других «еретиков», наносить вред образам Девы Марии и канонизированных святых. Также всем светским особам было запрещено тайно или открыто обсуждать Священное Писание, проповедовать и распространять мнения «еретиков». Неповиновение этому указу жестоко каралось. Если кто-то не выдал подозреваемых, то его тоже наказывали, как и тех, кто предоставлял кров и пищу еретикам или иным образом поддерживал его. А донесший информатор, наоборот, получал половину собственности осужденного.

Ошибкой Филиппа II стало и продвижение своего доверенного лица Гранвелля. К 1558 г. ситуация ухудшилась, и провинции начали выступать против желаний короля.

При Маргарите Пармской после отъезда Филиппа действовал Государственный совет,

включавший виднейших дворян, таких как Вильгельм Оранский, штатгальтер Голландии и Зеландии, и Ламорал ван Эгмонт, представитель знатнейшего нидерландского рода. Филипп инструктировал Маргариту Пармскую сотрудничать с Генеральными штатами «в старой, а не в новой манере», т.е. не позволять депутатам разных провинций действовать сообща [1, с. 177]. Также он дал Маргарите инструкции по поддержанию католической веры. Но в южных провинциях уже распространился кальвинизм, особенно во франкоязычных регионах приграничных областей. Северные же провинции и без того трудно было контролировать. Именно желанием эффективно подавлять ересь объясняется причина того, почему Филипп решил создавать новые епископства в Нидерландах. В мае 1560 г. вышла папская булла *Super Universas*.

Известие об этом вызвало резкие споры. Вильгельм Оранский и граф Эгмонт в июле 1561 г. написали королю письмо с протестом. Это было начало противостояния в Совете Гранвелля и верных королю людей, с одной стороны, и большинства знати – с другой. Таким образом, сформировалась оппозиция плану усиления кампании церкви против ереси, ведь в папской булле прямо указывалось, что двое из девяти каноников для каждого нового диоцеза будут действовать в качестве инквизиторов. Вильгельм Оранский выступал от имени дворянства, поскольку высшие церковные должности традиционно предназначались для младших сыновей знатных семей. Возражения Антверпена основывались на том, что усиление инквизиции помешает торговле с иностранцами. Поэтому понятно решение короля в апреле 1563 г. отложить назначение епископа в Антверпене. Остальные города формально признали новых епископов, однако по-настоящему они вступили в должность только после появления на политической арене герцога Альбы.

В Государственном совете оппозиция выступала особенно против Гранвелля, который был назначен архиепископом Мехелена и примасом Нидерландов. После месяцев споров по разным другим вопросам представители знати в Совете предложили создать Генеральные штаты для обсуждения государственных дел. Однако Филипп ясно и четко запретил Маргарите делать это. Тогда она созвала капитул рыцарей Золотого руна в мае 1562 г. Этим воспользовался Вильгельм Оранский и пригласил их в свой дворец в Брюсселе для неофициальной встречи. Так была сформирована лига против Гранвелля, куда вошла большая часть

высшей знати. После этого Вильгельм Оранский, граф Эгмонт и граф Горн написали письмо королю в марте 1563 г., извещая его, что они не могут заседать в Государственном совете, пока там находится Гранвелль [4, с. 52].

В конце концов Филипп II приказал Гранвеллю покинуть Нидерланды в феврале 1564 г.; это задумывалось как временный отъезд, но Гранвелль больше не вернулся.

При Маргарите Пармской по-новому складывались отношения и в Государственном совете, и в провинциях. Начинает утверждаться индивидуальное лидерство таких людей, как Эгмонт и Вильгельм Оранский. Это был новый опыт для Нидерландов, когда влияние высшей знати конкурировало с королевской властью. Под лидерством Вильгельма Оранского Голландия была вовлечена в движение оппозиции: сначала против Гранвелля, а затем против «плакатов».

Внедрение плакатов против ереси вызвало многочисленные протесты в Голландии. Самый серьезный из инцидентов произошел в Роттердаме 28 марта 1558 г., когда были казнены трое мужчин и две женщины [1, с. 204].

Между регентом и Советом существовала определенная напряженность. Совет находил способы не делать того, что приказывала регент, но без прямого отказа, а Маргарита притворялась, что относится к советникам как к верным представителям ее воли. В деле внедрения законов против ереси Маргарита могла полагаться только на недавно назначенных епископов, но ни один из них полностью не подходил для ее целей. Ньюланд был алкоголиком, и у него было прозвище Ник-пьяница. Он не поддерживал драконовские меры, а это в глазах Филиппа было проверкой лояльности [1, с. 205]. Линданус был назначен инквизитором Голландии, но его не впустили в город, где он был епископом. Информаторы доносили Маргарите, что Линдануса не уважают в Голландии. О его деятельности инквизитора трудно судить, потому что не сохранилось корреспонденции на этот счет. Но известно, что к 1565 г. наблюдались трения между Линданусом и Советом. Ухудшалось положение и то, что епископ связался с теми, кто использовал обвинения в ереси в качестве тайного оружия против своих противников [1, с. 206].

Необходимо отметить, что из представителей знати на этот момент практически никто, даже Вильгельм, не перешел в протестантизм, но их и все население Нидерландов возмущала жестокость преследования еретиков. Так, в Антверпене палач даже едва смог сбежать от

разъяренной толпы [1, 179]. В декабре 1564 г. Эгмонта направили в Испанию с официальной просьбой к королю смягчить карательные законы. Эгмонт добился лишь назначения комиссии теологов для обсуждения этого вопроса. К этому времени среди мелкого дворянства некоторые перешли в кальвинизм и на своих собраниях начали обсуждать, что делать, если король не согласится на уступки. В своем письме в октябре 1565 г. Филипп заявил, что законы против еретиков должны применяться без всякого смягчения. Тогда началось то, что Дж. Паркер назвал первым восстанием в Нидерландах [4, с. 54].

На протяжении регентства Маргариты Пармской наблюдалась растущая автономия провинциальных институтов Голландии. Особенно это было заметно в финансовой сфере.

В Голландии люди на ответственных постах не имели желания подрывать авторитет короля Испании, но они не были и настолько глупыми, чтобы внедрять указы, которые подданные короля считают незаконными. А Филипп II в тишине своего кабинета в далеком Мадриде не видел разницы между сохранением католической религии и введением плакатов [1, с. 207].

После 1563 г. штатгальтер Вильгельм Оранский способствовал альянсу Генеральных штатов с крупной знатью. При Филиппе II дворяне посещали их заседания в больших количествах; это был как бы обмен: их участие в этом органе взамен на те правительственные должности, которые когда-то занимали их предки. Депутаты часто добровольно следовали за лидерством дворян, так как они обладали определенным моральным авторитетом и вносили большой вклад в экономическое развитие Нидерландов, в частности в проекты рекламации земли. До марта 1563 г. у Генеральных штатов не было единоличного лидера, а с этого времени начинается возвышение Вильгельма Оранского.

Активное преследование еретиков в Голландии практически остановилось после отбытия Филиппа II в Испанию. Маргарита столкнулась с трудной ситуацией: ей нужно было внедрять законы, которые ее подданные находили слишком жестокими и противоречащими их интересам.

Доходы от провинции едва покрывали расходы на ее управление, но Генеральные штаты отказывали Маргарите Пармской во введении чрезвычайных налогов. На экономику Голландии отрицательно повлияла Семилетняя война между Данией и Швецией

(1563–1570). Тем не менее Генеральные штаты ввели дополнительный налог для выплаты долгов провинции. Соответственно, они собирали деньги для собственных нужд, но были равнодушны к нуждам центрального правительства. Генеральные штаты стали все более самостоятельным органом.

Филипп прекрасно понимал, что он потерял контроль над этими провинциями. Единственное, что ему оставалось, – это отправить армию на подавление бунта. 22 августа 1567 г. Фернандо Альварес де Толедо, третий герцог Альба, вступил в Брюссель во главе десяти тысячной армии. Он получил неограниченные полномочия в Нидерландах и сменил Маргариту Пармскую в качестве наместника короля. Альба сразу же приступил к делу: повсеместно были созданы суды, чтобы судить тех, кто был в оппозиции королю.

Альба создал трибунал, который вскоре получил прозвище «Кровавый совет». За шесть лет было осуждено и казнено множество людей. Тем не менее, несмотря на эту жестокость, восстание не утихло. В этом смысле можно сказать, что непродуманная политика с применением жестоких репрессий косвенно стала фактором будущей независимости Нидерландов.

Непродуманность заключалась еще и в том, что испанское правосудие затрагивало не только протестантов. Альба приказал заключить в тюрьму графа Эгмонта и графа Горна, которые были католиками. Они были популярными лидерами недовольного дворянства, и их арест и казнь не прибавили симпатий к правительству. Но еще до этого произошло событие, потрясшее Нидерланды и направившее их на путь восстания: 1 июня 1568 г. были обезглавлены 22 брюссельских дворянина. Общество особенно потрясло то, что к смерти их приговорил не суд, а правивший от имени короля наместник. Это возмутило и католиков, и протестантов.

Главной целью герцога Альбы было подавить восстание любыми средствами. Но его действия объединили людей против испанской короны. Своими действиями он оттолкнул даже верных сторонников Испании.

После неудачи Альбы в 1573 г. его заменил Луис де Рекесенс. Рекесенс выбрал для Нидерландов политику умеренности, во всяком случае, он так считал. Он решил наказать бунтовщиков, но не преследовать тех, кто поклянется в верности королю. Его политика в целом была неудачной, и к моменту его смерти в 1576 г. от нее отказались.

Также следует упомянуть, что из-за финансовых трудностей Испания не могла платить наемникам, и это имело катастрофические последствия. Печальную известность приобрело разграбление Антверпена. В результате даже критики восстания стали его сторонниками. Испания потеряла верные ей провинции и города после этого акта жестокости.

При этом никто не оспаривал, что суверен обладает властью превыше существующих законов и привилегий. Проблемой Филиппа было то, что он предпочел показать свою власть в том вопросе, в котором не было поддержки населения. И чем больше король не уступал в вопросе плакатов, тем больше людей собиралось вокруг Вильгельма Оранского. Именно своим требованием повиновения непопулярному закону Филипп дал возможность своим подданным почувствовать их собственную силу [1, с. 207].

Благодаря усилиям Вильгельма Оранского религиозный вопрос был вынесен за рамки общественных споров. «Гентское умиротворение» стало первым выражением голландского национального самосознания. Оно разозлило короля. Его возмущало, что какие-то выскочки из низов могут чего-то требовать у короля. Для него ответ мог быть только один – уничтожить всех. Для этого был направлен Алессандро Фарнезе, герцог Пармский.

В свою очередь, Генеральные штаты искали замену Филиппу. При этом они были намерены отстаивать свои права от имени голландского народа и выбрать такого правителя, который в своих действиях будет отвечать перед ними.

Генеральные штаты официально низложили Филиппа в 1581 г. В документах записано в качестве аргумента, что он не смог стать отцом для своего народа [2, с. 280].

Заключение

Наверное, правильно будет сказать, что цепь событий с ненамеренными последствиями привела к восстанию против Филиппа II. Организованная волна иконоборчества, распространившаяся из Фландрии по Голландии летом 1566 г., бездействие городских правительств, когда толпы крушили церкви, и решение Филиппа направить Альбу с армией, несмотря на уверения Маргариты Пармской в том, что элита поддерживает правительство, – все эти события, на взгляд Дж. Паркера, привели к взрыву [4].

Безусловной тактической ошибкой короля было нежелание оказывать уступки протестантизму. Это только укрепило сопротивление его правлению. И это же легитимировало

сопротивление ему в глазах части населения Нидерландов.

Филипп серьезно уменьшил свои шансы на сохранение власти в Нидерландах и выбором на должности не понимавших ситуацию людей, что сильно снизило шансы на успех. Не зная и не уважая местные обычаи, права и интересы своих различных территорий, Филипп потерял доверие своих подданных в Нидерландах. Они начали воспринимать его личность и его правление как враждебные и нелегитимные с точки зрения их прав и обычаев.

Таким образом, Филипп II дает нам пример правителя, который, не сумев оценить реальную ситуацию, полагался на силу в сохранении своей власти. В достижении этой цели он игнорировал интересы своих подданных и, по сути, обрек себя на поражение. Филипп не сумел здраво оценить обстановку и настроения своих подданных, что в итоге и привело к потере им власти, которую он так стремился удержать. Такое противостояние не понимающего умонастроения и устремлений своего народа правителя и населения, защищающего собственные представления о надлежащем порядке вещей, неизбежно ведет к революционному взрыву, что и произошло в Нидерландах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Tracy, James D.* Holland Under Habsburg Rule, 1506–1566: The Formation of a Body Politic / James D. Tracy. – Berkeley : University of California Press, 1990. – 330 p.
2. *Waszink, J.* Hugo Grotius on the agglomerate polity of Philip II / J. Waszink // *History of European Ideas*, 2020. – 46:3. – P. 276–291.
3. *Soen, V.* Philip II's Quest. The Appointment of Governors-General during the Dutch Revolt (1559-1598) / V. Soen // *Low Countries Historical Review*. – 2011. – Volume 126. – Issue 1. – P. 3–29.
4. *Parker, G.* The Dutch Revolt / G. Parker. – Penguin Books, 1990. – 336 p.

Поступила в редакцию 23.01.2022 г.

Контакты: kaleid30@yahoo.com

(Климуть Лада Ярославовна)

Klimut L. Y. THE REIGN OF PHILIP II IN THE NETHERLANDS

The article analyzes the personal traits and the rule of Philip II in the Netherlands. Particular attention is paid to the features and events that alienated the Dutch subjects from the ruler.

Keywords: Philip II, Spanish Netherlands, Margaret of Parma, Habsburg monarchy.

ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКИХ ГОРОЖАНОК В XVI–XVIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА)

Н. Н. Рытова

кандидат исторических наук, доцент
Белорусско-Российский университет

Статья посвящена изучению повседневной жизни белорусских горожанок в XVI–XVIII вв. Анализ источников по данной теме позволяет выделить следующие этапы жизнедеятельности представительниц прекрасного пола: детство и девичество (с момента рождения и до вступления в законный брак), жена и мать, вдова, каждому из которых присущи свои особенности. Изменение социального статуса женщины оказывало огромное влияние на ее права и обязанности.

Ключевые слова: повседневная жизнь горожанки в XVI–XVIII вв., права и обязанности горожанок, белорусский город в XVI–XVIII вв., опека мужа, экономическая деятельность горожанок.

Введение

Представленная статья посвящена изучению повседневной жизни белорусских горожанок в XVI–XVIII вв. Белорусские исследователи практически не обращались к проблеме повседневной жизни горожанок. Они рассматривали положение представительниц шляхетского сословия как в семейном кругу, так и за его пределами, в обществе (Н.С. Гордиенко, Л.Я. Климутъ, Д.Н. Скютте, Н.В. Слиж) [1–5]. Имеются также работы, характеризующие правовую сторону семейно-брачных отношений (Г. Дербина) [6]. Некоторый свет на положение горожанок проливают труды И.А. Марзалюка, в которых автор затрагивает отдельные аспекты межличностных взаимоотношений в семьях белорусского мещанства [7–9]. В то же время повседневная жизнь белорусских горожанок остается практически неизученной.

Основная часть

Анализ архивных материалов позволяет выделить в жизни белорусских горожанок следующие этапы: девичество (с момента рождения и до вступления в брак), жена-мать, вдова. Каждой из этих фаз были присущи свои особенности и характерные черты.

С момента своего рождения девочка, как, впрочем, и любой несовершеннолетний ребенок, находилась на попечении родителей, прежде всего, матери [10, с. 219]. В случае смерти одного из родителей ей назначался опекун. В случае смерти матери в качестве опекуна выступал отец [11]. В случае кончины главы семейства эту роль на себя брала мать (мачеха) [10]. Однако чаще всего подобная ситуация наблюдалась при отсутствии иных родственников мужского пола [10, с. 226]. Несмотря на приведенную выше норму закона, женщина все же имела возможность обратиться к опекунам с просьбой передать ей на воспитание дочь, что нашло воплощение в реальной практике. Как и поступила в 1577 г. Овдотья, вдова Василия Поненка, могилевского мещанина. В результате ее дочка, Евгения, была передана матери под опеку [12, с. 38–39]. Подобные случаи были нечастым явлением, тем более что даже для вдовы назначался опекун.

В начале XVIII в. в актовых книгах Могилевского магистрата зафиксированы случаи передачи опеки над несовершеннолетними не состоящим в браке горожанкам: «*Мария Микитовна Возувна в стане паненском будучая <...> зезанье свое добровольное до Актов места могилевского теми словами учинила, иж по теперешнем зле военном <...> не имея себя, как и Семена Микитинича, Парасьи и Аксюты Микитиничи брата и сестр своих в летах недорослых будущих чем кормить <...> для тех причин продала моргк сеножатный...*» (1709 г.) [13, л. 109 об.]. Данная практика выходила за правовые нормы и, скорее всего, была обусловлена сложной обстановкой, связанной с событиями Северной войны.

Девушка находилась на попечении ровно до того времени, пока не вступит в законный брак. Если мальчиков, когда им исполнялось 7 лет, белорусские горожане старались обучить грамоте либо ремеслу, которое в последующем позволит обеспечить им существование [14, с. 339], то девочек приучали заниматься домашними делами. Некоторые из них помогали родителям по дому [14, с. 94–96], неко-

торых отправляли в служение к чужим людям, например, чтобы те помогали присматривать за маленькими детьми: «*Постановишце очевисто учтивая Федора Волковъна Гармолиная <...> жаловала на Улюту Адамовую мещаньку Могилевскую о то ижъ она девчину а цорку свою которую водила на службу до воскресения <...> за пол комці и гроши чотыри для пилнования дитяти...*» [15, л. 19 об.].

Вступить в брак белорусская горожанка могла только достигнув брачного возраста. В соответствии со Статутами ВКЛ в начале XVI в. брачный возраст для девушки составлял 15 лет, а к концу этого же века был снижен до 13 [10 с. 225; 16, с. 38; 17, с. 142].

Важную роль при формировании новой семьи играли родители. Они обязаны были позаботиться о судьбе своих детей, в особенности это касалось девушек. Отец и мать выбирали будущую партию и устраивали брак. Заключение брачного союза без согласия родителей будущих супругов считалось недопустимым [18, л. 85]. Ослушание со стороны дочери наказывалось: родители могли лишить ее наследства [16, с. 137]. В то же время в актовых книгах Могилевского магистрата зафиксированы случаи, когда отец, желая счастья своей дочери, интересовался ее мнением. Так поступил в 1579 г. Сенко Ботвиневич: «*<...> ач дей я отдаючи дочку свою замуж, пытал ее, если бы хотела за того доброго человека...*» [14, с. 182–183].

Помимо этого, родители обязаны были дать за своей дочерью приданое. Следуя этой традиции, белорусские горожане, даже составляя завещание, учитывали этот момент [14, с. 198–199]. Следует отметить, что если у главы семьи было несколько дочерей, то они наследовали одинаковым приданым, причем вне зависимости от материального благосостояния родственника (опекуна), который выдавал девушку замуж: «*Кгда Улита, сестра моя, шла замуж, тогда я ей почал упоминат то, иж ее з достаткомъ великимъ выдат не могучы, за тым, же самъ должон, але по убожству за ведромъ пива, нижли сама просила мене, же ямъ, дей еси першую сестру замуж выдал, так и мене выдай...*» [14, с. 550–551].

Приданое могло состоять из различного рода вещей, скота, определенной денежной суммы: «*Аврамъ Яковлевич оповедал <...> иж што <...> за тестаментом дочки свое Аннуши <...> обжаловал был мещанина государьского Могилевского Увара Василевича, бывшего зятя своего <...> о спадки, внесена ее, которые*

была она, идучи за него в стан малженский <...> внесла, то ест меновите: асиан лионский чирвоный з оксамитамъ <...> сіан мышинский серый <...> чепец золотый <...> брашка перловая <...> корова одна доморослая, скатерть, а меду пудов пять...» [12, с. 156–157]. Временами в качестве приданого выступало недвижимое имущество: «*Евлан и Отрошко, перед судом <...> сознали то, иж кгда Овсей дочку свою в малженство за Мишка Лукіановича довал, тогда вместо посагу готовыхъ грошей, то ест водлугъ звычайу тутошнего краю, у приданстве за дочкою своею тот дом <...> ему на вечность дал...*» [12, с. 75]. Размер «посага» во многом зависел от материального благосостояния родителей: «*Учтивы Андрей Похобович чинил оповедане и светчене на учтывого Андрея Атрошъковича, штож дей дал есми был за него в стан светы малженски дочку свою, по которой дал есми сукъню порпурияновую, черную корову, узголове и перину, скриню...*» [14, с. 15–16]; Павел Капуста дал за своей дочерью следующее приданое «*Напирвей сукна синего люнского сукна, у которую управил гр(о)ши копъ тры, шапъку акъсамитную, купленую за две копе гр(о)ши, сорочокъ добрых тонкихъ десет, чепъцовъ з седмъ, перины и узголове з наволочками тонкими, гр(о)ши готовыхъ копъ пят, свиню одну, овцу одну, теллицу одну...*» [14, с. 88–89].

После заключения брачного союза, согласно нормам магдебургского права, женщина и все ее имущество оказывались под «опекой» мужа: «*Если муж берет жену, то он берет в свое владение все ее имущество в порядке правомерной опеки <...>. Муж не может приобрести никакого другого права владения на имущество жены, кроме того, которое он приобрел с самого начала в силу его права на опеку*» [11, с. 31]. Подобная опека накладывала некоторые ограничения на действия замужней горожанки в отношении ее имущества: «*Иванова Максимова через прятеля и опекуна своего <...> жаловала на учтывого Тишъка Зенов(ова), мещанина Могилевского, о томъ, ижъ купилъ у мене полотна локот чотырнадцат, за которое учинит, гриши дводцать два п(е)н(я)зи чотыри, нижли, не ведаат зачымъ, гр(о)ши отдати не хочет. В учтивы Тишъко поведил, иж она з мужомъ своимъ сторговали у мене домъ опрочъ пляцу, за которы задатку тое полотно мне она дала была. А сторона поводовая поведеила, иж у него я дому някого не торговала и о томъ не ведаю. А мы, выслушавши жалобы и отпору стороны, обачаючы*

иж жона без ведомости мужа своего дому торговат не могла, с тей причины сказали, абы Тишко той Ивановой за тое полотно тую твадцет два гр(о)ши п(е)н(я)зи чотыры за дву недели досыт учинил» [14, с. 285]. Таким образом, горожанка лишалась возможности самостоятельно заключать сделки по купле-продаже недвижимого имущества. Однако в актовых книгах городских магистратов XVI–XVII вв. данного рода сделки не только зафиксированы, но имели законную силу: «...Маря Леоновая Кондратовича через опекуна (...) оповедала тыми словами, иж дей продала есми пляц свой властный (...) учтивому Максиму Опанасовичу, мещанину места Могилевского, за певную, а мне от него взятую суму пен(я)зей...» [14, с. 286].

Опека со стороны мужа не ограничивала экономическую активность замужних горожанок. Они достаточно часто являлись владелицами питейных заведений: «Ставишы очевисто Мишко Орель, жаловал на Пеклу Гришковую, иж будучи у нее, яко у дому корчомном, казал есми собе дат меду за гр(о)шей пят, а болей не казал, доват, нижли она на мене нанезши меду над то, штом, ей казал, а сукно з мене зела, менечи, же за полкопы напиш, а тепер сукни отдати не хочет. А Пекла Гришковая поведила (...) же он казал дават меду, поки б самъ хотел и жолнеров честоваль, и напивши пол копы гр(о)шей, сукню свою дал...» [14, с. 605–606]; выступали в качестве кредиторов, причем как по отношению к своим родственникам: «Настася Озаровая, мещанка могилевска(я), жаловала и оповедала на учтивога Кондрата Ошурковичи, брата своего (...) о томъ, иж дей у мене позычил чотырок копъ гр(о)ши...» [14, с. 81], так и для посторонних людей: «Арина Тимошкова, через приятеля и опекуна з уряду приданог(о) (...) чынила сознание о томъ, иж што был винен десет коп гр(о)шей монеты и личбы литовской водлуг книг описанног(о) головног(о) учтивый Тишко Пртемович, мещанин Могилевский, за тую суму пн(я)зей досыт учинил и заплатил...» [14, с. 471].

В то же время супруг, являясь законным представителем своей жены, нередко выступал в качестве истца в суде: «Семень Мацькович именемъ жоны своей Варки Семеновой жаловаль и оповедалъ на учтивога Марка а Сашка Яковлевичовъ, мещанъ Могилевскихъ, о томъ ижъ они обадва (...) остави винни на опис свой властны копъ чотыры безшести гр(о)шей монеты и личбы литовской...» [14,

с. 166]. В данном случае Семен защищал интересы своей супруги без ее участия. Бывали также случаи, когда мужчина выступал в суде вместе со своей женой: «Федя жаловала через мужа Федора Демьяновича...» [14, с. 423]. Как видим, с иском обращается сама женщина, мужу скорее отводится функция человека, который придает словам женщины большую весомость. Подобная практика была связана с тем, что, согласно городскому праву, муж являлся опекуном жены [11]. В том случае, если муж по каким-либо причинам не мог отстаивать интересы своей супруги в суде, а также в случае его смерти это делал опекун-мужчина, которого выбирала женщина сама: «Маря Костюкова, мещанка Могилевская, жаловала через приятеля и опекуна своего...»; «Оришля через приятеля и опекуна (...) жаловала на Васка Кучу...» [14, с. 407, 495], либо таковой назначался магистратом: «Марина Жидкая жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого...»; «Маря Костюшкова, мещанка Могилевск(а) через приятеля и опекуна з уряду приданог(о)...» [14, с. 369, 499]. Однако, следует отметить, что жительницы городов не всегда следовали данному предписанию. Например, 28 ноября 1579 г. в суде Могилевского магистрата Анна Мишковна Волкова самостоятельно подала иск в суд: «Ганя Мишковна Волкова жаловала на учтивога Гарасима Васковича Стрелникова о томъ, иж был винен на цырокграфъ свой коп девяностя, на который цырокграфъ свой не заплатилъ мне еще деветнацать гр(о)шей...» [14, с. 446].

Таким образом, в XVI–XVII вв. горожанка, состоящая в браке, обладала довольно значительной экономической самостоятельностью, хотя и сохранялись внешние признаки «опеки» со стороны родственников.

В рассматриваемое время довольно самостоятельной женщиной в экономическом плане могла быть и вдова-горожанка, хотя, в соответствии с законодательством, должна находиться под опекой мужчины [19, с. 53]. Наследуя за своим усопшим супругом, вдова не только получала право собственности на наследственную массу, которой имела возможность распоряжаться по своему усмотрению («Евдокия Прекотиха (...) сознание свое до Актв места могилевского учинила, что продала пляц с домом (...) себе по малжонку своим спадковым правом принадлежащий...» [20, л. 129]), но приобретала целый ряд прав. В частности, реальная практика фиксирует случаи, когда вдова подает иск в суд с целью

взыскания долгов: «*Мещанка Могилевска(я) Адаря Гритковая Ивановича <...> жаловала на учтывого Пантелея Даниловича <...> иж онъ водлугъ листу и запису своего, которы дей дал был небощику мужу моему Гритку Ивановичу на две копе гр(о)ши, которых позычил у небощика, якож небощикъ, зсходечи сего света, вжо на остаточной воли своей отписаль тестаментом своимъ на томъ кликуне копу гр(о)ши, а другую ему отпустил, якожь и листъ поклала перед урядомъ тог(о) кликуна на две копы даны позычонымъ обычаемъ у небощика мужа ее...» [14, с. 66–67]; получения доли в военной добыче супруга: «*Малая, жо-на позосталая небожчыка Санка, а Вася, позосталая теж жона Андрея, жаловали через приятелей и опекунов своих <...> на учтывого Парфена о томъ, иж онъ, Парфен, будучы в одномъ товаристве за границую Московскую под Рославлемъ, нижли тамъ мужов н(а)шых побило, а добычи части, что на нихъ прийдет, отдати намъ не хочет и у себе ее ховаеть...» [14, с. 382]. В то же время она, как наследница, обязана была погасить все долги, которые оставил ее муж: «*Явгиня, мещанка Могилевска(я) <...> сознала <...> иж маючи пилну потребу выплачывати долги небосчика мужа своего Овтуха, продадемъ комору на риньку в месте Могилевскомъ <...> которая мне дей досталасе по небосчику мужу моемъ...» [14, с. 35].***

В рассматриваемое время вдова-горожанка обладала большей свободой действий, чем любая другая представительница слабого пола. Она участвовала в сделках, касающихся недвижимости: приобретала и продавала недвижимость, дарила объекты недвижимости, арендовала землю [14, с. 33, 462; 21, л. 755], предоставляла денежные средства в долг («*Авдотя Гордеевна позосталая жена небожчыка Ероша <...> жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого <...> на учтывого Федка Санковича, мещанина Могилевског(о), о томъ ижъ он остал винен на цырокграфъ свой коп три гр(о)шей под певными варунками и обликгацыями, в томъ цырокграфе его описанными, которые мел отдат в року семьдесят осмом на страстной недели, нижли рокъ давно минул, а мне тых грошей отдати не хочет...» [14, с. 395–396]). Нередко, вдовствующие горожанки содержали питейные заведения: «*...Марина жаловала через приятеля и опекуна своего <...> на учтывого Карна Озаровича, подскарбега, о томъ, иж онъ у мене попил меду за петдесят без трех гр(о)шей, которых отдати не хочет...» [14, с. 340].**

Заключение

Таким образом, в XVI–XVII вв. женщина должна была находиться под опекой либо родственников-мужчин (незамужняя девушка в редких случаях попадала под опеку матери). Однако в повседневной жизни о реальной опеке, наиболее приближенной к статьям законов, можно говорить лишь в отношении незамужней девушки. Горожанка же, состоящая в браке, а также вдова обладали довольно значительной экономической самостоятельностью, хотя и сохранялись внешние признаки «опеки» со стороны родственников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гардзіенка, Н. С.* Становішча жанчыны-шляхцянки ў Вялікім княстве Літоўскім у XVIII стагоддзі : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Н. С. Гардзіенка ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2003. – 20 с.
2. *Клімуць, Л. Я.* Жаночы вобраз у шляхецкай культуры ВКЛ / Л. Я. Клімуць // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. – 2003. – № 2–3. – С. 22–35.
3. *Скютте, Д. Н.* О правовом положении женщины по статуту ВКЛ 1588 г. / Д. Н. Скютте // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зб. навук. артык. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2007. – С. 95–99.
4. *Сліж, Н.* Статус жанчыны-шляхцянки ў ВКЛ (XVI–XVIII стст.) / Н. Сліж // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 4. – С. 47–63.
5. *Сліж, Н. У.* Сямейнае і штодзённае жыццё Гальшкі Гаслаўскай / Н. У. Сліж // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час : зб. навук. артык. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2007. – С. 270–277.
6. *Дзербіна, Г.* Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. Дзербіна. – Мн. : Тэхналогія, 1997. – 175 с.
7. *Марзалюк, І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
8. *Марзалюк, І. А.* Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы / І. А. Марзалюк. – Мн. : Веды, 1998. – 260 с.
9. *Марзалюк, І. А.* Матрыманіяльнасць і сэкс у Беларусі XI–XVIII стст. / І. А. Марзалюк // Terra Alba. Т. 2 : Homo venerius: Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С. І. Даніленкі; Магілёўскае таварыства інтэлектуал. і культур. ініцыятыў «Брама». – Мн. : Экаперспектыва, 2001. – С. 122–138.

10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.
11. Эйке из Репкова. Саксонское зеркало : в 3 ч. Ч. 1 : Земское право. Кн. 1 / пер. Л. И. Дембо. – М. : Наука, – 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frametext1.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007.
12. Историко-юридические материалы : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 30 : Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592 – 1796 гг. / под ред. Д. И. Довгилло. – 1903. – 360, 164 с.
13. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 47 : Актовая книга Могилевского магистрата: 1 января 1710 г. – 31 декабря 1710 г. – 590 л.
14. Акты Виленской археографической комиссии : в 39 т. – Вильна : Типограф. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
15. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 18 : Актовая книга могилевского магистрата: 2 января 1649 г. – 31 декабря 1649 г. – 919 л.
16. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К. И. Яблонска – Мн. : Академия наук БССР, 1960. – 253 с.
17. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / рэдкал. : Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мн. : Тэсей, 2003. – 315 с.
18. РГБ. МК – Номаканон. – Киев, 25.11.1624. – 180 л.
19. Bogucka, M. Białogłowa w dawnej Polsce : Kobieta w społeczeństwie polskim XVI–XVIII wieku na tle porównawczym. / M. Bogucka. – Warszawa : «Trio», 1997. – 252 s.
20. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 39 : Актовая книга Могилевского магистрата: 1 января 1702 г. – 30 декабря 1702 г. – 749 л.
21. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 41 : Актовая книга Могилевского магистрата: 1 января 1704 г. – декабрь 1704 г. – 655 л.

Поступила в редакцию 23.06.2021 г.

Контакты: annatasha@list.ru

(Рытова Наталья Николаевна)

Rytova N. N. THE LIFE OF BELARUSIAN TOWNSWOMEN IN THE XVI–XVIII CENTURIES (ACCORDING TO THE REGISTERS OF MOGILEV COUNCIL)

The article is devoted to the study of the Belarusian townswomen's life in the XVI–XVIII centuries. The analysis of archival documents enables the author to single out the following phases in women's life: childhood and girlhood (since the moment of birth till marriage), wifehood, motherhood and widowhood. Each of these phases had its own peculiarities. The change of social status influenced women's rights and duties.

Keywords: daily life of townswomen in the XVI–XVIII centuries, rights and duties of townswomen, Belarusian town in the XVI–XVIII centuries, husband's custody, economic activity of townswomen.

УДК 4(476.4)«13/17»

ПРАЦОЎНАЯ ШТОДЗЁННАСЦЬ ЖЫХАРОЎ БЫХАВА Ў XIV–XVIII стст.

Р. Д. Галынскі

магістр гістарычных навук

Быхаўскі раённы выканаўчы камітэт

Адным з асноўных крытэрыяў, якія звычайна вылучаюць горад сярод іншых тыпаў паселішчаў, акрамя наяўнасці сістэмы абарончых умацаванняў, з'яўляецца спецыфіка заняткаў гараджан, а менавіта галоўныя іх заняткі – рамесніцтва і гандаль. Акрамя іх існаваў шэраг іншых заняткаў, якія фарміравалі разнастайныя працоўныя спецыяльнасці. Менавіта яны вылучалі працоўную штодзённасць і частку рэчаіснасці гарадскога жыцця насельнікаў горада.

Ключавыя словы: штодзённасць, працоўная спецыялізацыя, сярэднявечны горад, Быхаў, прылады працы, прафесійныя заняткі гараджан.

Уводзіны

Жыццё феадальнага горада залежала ад гандлю, грашовага абароту і рамеснай вытворчасці. Менавіта рамесная вытворчасць разам з гандлем з'яўляліся часткай штодзённага жыцця мяшчан. У гарадах існавалі разнастайныя прафесійныя спецыялізацыі, што забяспечвалі горад палівам, мяшчан харчаваннем, майстроў сыравінай і іншым. Уплывовае месца займалі яшчэ медыцына і транспартнае забеспячэнне. Гэта шматгранная прафесійная дзейнасць мяшчан і жыхароў горада Быхава XIV–XVIII стст. (як і шэрагу іншых сярэднявечных гарадоў) фарміравала працоўнае штодзённае жыццё насельнікаў пункта.

Пад тэрмінам «штодзённасць» ці «штодзённае жыццё» намі разумеюцца жыццёвая прастора, заняткі і навакольная рэчаіснасць, у якіх пражывалі быхаўчане. За аснову ўзяты ідэі заходнееўрапейскіх гісторыкаў, прадстаўнікоў школы «аналаў» і перш за ўсё Фернана Брэдэля – класіка французскай гістарыяграфіі, які і ўвёў гэты тэрмін у навуковы дыскурс заходнееўрапейскай гістарыяграфіі.

Асноўная частка

На жаль, кола крыніц, якія ўтрымліваюць звесткі пра прафесіі і заняткі насельнікаў горада Быхава, абмежаваныя як храналагічна, так і колькасна. Між тым мы маем як пісьмовыя, так і іконаграфічныя крыніцы, пэўны аб'ём інфармацыі па гэтым пытанні дае нам

і археалогія. Больш за ўсё інфармацыі пра рамеснікаў і спецыялістаў мы маем з крыніц XVI–XVIII стст.

Рэдка выпадае выявіць падчас археалагічных раскопак рамесніцкія майстэрні. Быхаў не з'яўляецца выключэннем. Гэта звязана з тым, што ўсе вытворчыя аб'екты, у якіх выкарыстоўваўся адкрыты агонь (кузні, гуты, горны і інш.), імкнуліся будаваць на максімальнай адлегласці ад жылой забудовы (калі гэта дазваляла гарадская прастора). Сыравіна і адходы вытворчасці з майстэрняў, у якіх апрацоўвалі дрэва, тканіны, скуру і іншую сыравіну, вельмі дрэнна захоўваюцца.

Асноўнымі археалагічнымі крыніцамі, пры адсутнасці слядоў майстэрняў, выступаюць знаходкі прылад працы, паўфабрыкатаў і нарыхтовак, запасаў сыравіны, адходы вытворчасці і брак. Часткова пра наяўнасць пэўных майстроў сведчыць і гатовая прадукцыя. Акрамя археалагічных крыніц, значную ролю ў вырашэнні пытання наяўнасці рамеснай вытворчасці адыгрываюць пісьмовыя і іконаграфічныя крыніцы.

Пры аглядзе масавага археалагічнага матэрыялу, якім з'яўляюцца кераміка і некаторыя артэфакты з металаў, можна ўпэўнена адносіць яго да мясцовых вырабаў.

Зыходзячы з гэтага, адной з найдакладнейшых крыніц выступаюць пісьмовыя. Пэўныя звесткі пра рамяство дапаўняе іконаграфія, калі яна адлюстроўвае пэўныя рамесніцкія будынкі ці саміх рамеснікаў за працай.

Усе згаданыя катэгорыі крыніц даюць пэўнае ўяўленне пра развіццё рамяства ў Быхаве. На падставе археалагічных матэрыялаў (знойдзеных падчас археалагічных даследаванняў аўтара, І.А. Марзалюка і артэфактаў, апублікаваных у артыкулах І. І. Сінчука) [1–12] і пісьмовых крыніц у дачыненні да Быхава адназначна можна вылучыць ганчарства, кавальства, гарбарства, шкларобства, збройніцтва, ліцейную і ювелірную справы. Малюнак Куўро (XVII ст.) фіксуе наяўнасць вадзянога млына на прылеглай да горада тэрыторыі [13].

Самай распаўсюджанай катэгорыяй рамеснікаў выступаюць ганчары, а самая масавая катэгорыя артэфактаў – керамічны комплекс. Керамічныя майстэрні ні археалагічна, ні ў пісьмовых крыніцах не зафіксаваны, але адмаўляцца ад прысутнасці гэтых рамеснікаў у горадзе нельга. Цэглу і кафлю маглі вырабляць як у горадзе, так і ў навакольных мястэчках.

Канкрэтнае месца размяшчэння майстэрняў па вырабе керамічных артэфактаў археалагічна не прасочваецца, а пісьмовыя крыніцы не згадваюць іх. Але цэглу і кафлю маглі вырабляць як у горадзе, так і ў навакольных вёсках, тады як посуд і дробную пластыку (цацкі, люлькі, падсвечнікі і інш.) хутчэй за ўсё выраблялі непасрэдна ў Быхаве.

Акрамя кафлі, знойдзены шматлікія фрагменты цэгля-пальчаткі і дахоўкі. Ніжняя мяжа бытавання «грубай», шурпатай дахоўкі не выходзіць за XVIII ст., а «гладкая» характэрна для XIX – сярэдзіны XX ст. Падчас раскопак І.І. Сінчука была знойдзена плоская зялёна-паліваная і непаліваная дахоўка XVII ст. з паўцыркульным наском і «кубічным» мацавальным шыпам, цэгла-пальчатка з прамымі і касымі барознамі і інш. [12, с. 134].

Сярод матэрыялаў прысутнічае бутэлькавы «медальён» (кляймо) з выявай герба роду Сапегаў – «Ліс». Знаходка пэўных шкляных артэфактаў, цындры і клінкера ўскосна пацвярджае магчымасць мясцовага вырабу шкляной тары. Гуты (майстэрні па выплаўцы шкла і першаснай апрацоўцы балотнай руды) хутчэй за ўсё знаходзіліся на тэрыторыі сучаснай Ліпецкай грывы, на якой магла размяшчацца Лявонаўская слабада [14, с. 81].

З металамі працавалі кавалі, слесары, ювеліры, ліцейшчыкі. Наяўнасць у горадзе спецыялістаў па здабычы балотнай руды ні ў пісьмовых крыніцах, ні археалагічна не высветлена.

Большасць даследчыкаў салідарна з наўнасцю ў Быхаве людвісарні. На нашу думку, быхаўская людвісарня ўяўляла сабой не канкрэтнае збудаванне, а цэх майстроў, якія маглі працаваць і за межамі горада. Між тым М.А. Волкаў адзначае падтапленне людвісарні падчас паводкі (згодна з прыватнай перапіскай Я.К. Хадкевіча (крыніцы з рукапіснага аддзела бібліятэкі Акадэміі навук Літвы)) [13, с. 183].

Зброеўніцтва залежала ад цэлага комплексу спецыялістаў. Выраб гарматных лафетаў і лож да стрэльбы пацвярджае наяўнасць спецыялістаў па дрэваапрацоўцы – токараў і цесляроў.

Прадукты металаапрацоўкі – кроплі і аплаўкі свінцу са медзьмяшчальнага сплаву і

так званая «цындра». Цындрай (гэты лексічны выраз захаваўся на Украіне і Падняпроўі) называлі ў XVIII–XIX стст. шлак, брак пры ліцці бронзы або перапаленую медзь. Знаходка цындры дэманструе магчымасць як плаўкі і апрацоўкі каляровых металаў, так і выраб паліў для побытавай і будаўнічай керамікі, а значыць, і саміх керамічных вырабаў.

У Быхаве мелася вялікая колькасць майстроў «навадной справы» (ювеліраў). Маглі быць у Быхаве і слесары – спецыялісты па зборцы складаных механізмаў і па падгонцы металічных дэталей, у тым ліку і пры вырабе зброі.

З пісьмовых крыніц дакладна вядома пра быхаўскую людвісарню, тартак і браварню, а з іконаграфічных – пра вадзяны млын. Трэба адзначыць, што пры пэўным пераабсталяванні вадзяны млын мог выконваць функцыі тартака, а магчыма, і кузні.

Апрацоўка арганічнай сыравіны выступае як жыццёвая неабходнасць, бо яна ўключае ў сябе забеспячэнне базавых патрэб чалавека. Сюды адносіцца апрацоўка дрэва, скуры, тканін, сюды ж намі размеркаваны і рамеснікі, якія забяспечвалі гараджан харчаваннем і выконвалі розныя паслугі.

Разнастайныя матэрыялы сведчаць пра майстроў, якія працавалі з тканінай або скурай (гарбары, шорнікі, седляры, краўцы, шаўцы), а таксама пра плотнікаў, цесляроў, сталяроў, бондараў.

Наяўнасць вадзянога млына на рацэ Макранцы сведчыць пра самазабеспячэнне горада мукой і крупамі, што, канешне, не адмаўляе імпартавання іх з іншых гарадоў і мястэчак. Вадзяны млын мог перарабляцца ў тартак, пераабсталявацца для свідравання, а, магчыма, выконваць і іншыя функцыі. У інвентары Быхаўскага графства 1797 г. згадваецца млын на рацэ (верагодна, гэта апісанае збудаванне) [15, л. 2-1].

У замкавым інвентары згадваецца бровар, збудаваны на палях на рацэ Макранцы. Згадваюцца пілы да тартака [16]. Тут гаворка можа ісці пра згаданы вадзяны млын, а можа і пра асобны тартак.

У нашым распараджэнні адсутнічаюць звесткі пра быхаўскіх гандляроў. Між тым можна вылучыць купцоў, гандляроў рыбай, соллю, карабейнікаў, шынкароў і інш. Дакладна існавалі дзве канкурэнтныя катэгорыі купцоў – купцы-яўрэі і купцы-мяшчане [17, с. 134–135, 170].

Першыя згадкі пра гандляроў і купцоў з Быхава адносяцца да 1529 г.: быхаўскі меш-

чанін Аляксандра Хадкевіча Іван Бык вёў за межны гандаль [18, с. 169]. Дарэчы, гэта і першая згадка Быхава як «места».

У XIV–XVIII стст. Стары Быхаў мог мець гандлёвыя сувязі з вялікай колькасцю гарадоў і рэгіёнаў Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай і Еўропы, але дакладных звестак аб гэтым, на жаль, пакуль што няма. Дакладна вядома, што гандлёвыя стасункі былі з Магілёвам і Масквой. Ускосна вядома – з Вільняй і гарадамі Падняпроўя. Аперацыі закраналі набыццё і збыт прадуктаў харчавання, сыравіны і зброі з рыштункам. Наяўнасць «каменнага тавару» ўказвае на стасункі з заходнееўрапейскімі рэгіёнамі, што не адмаўляе і пасрэднай дзейнасці купцоў Рэчы Паспалітай.

А.П. Ігнаценка адзначаў, што Быхаў у 1780-я гг. быў адным з пакупнікоў тытуню Гарадзенскай тытунёвай фабрыкі разам з Глушам, Лоевам і Клецкам [19, с. 247; 20, с. 24].

Абапіраючыся на малюнак Л. Куўро, можна гаварыць пра сплаў лесу па Дняпры, пра што сведчыць выява пльэтагона. Там жа намаляваны грузаны крыты байдак – рачнае судна для перавозкі грузаў – сведчанне пасрэднага гандлю.

М.А. Волкаў адзначаў, што на будаўніцтва замка набывалася жалеза, бо мясцовае не задавальняла сваёй якасцю, яшчэ набывалі свінец і шкло ў Каралёўцы (сучасны Калінінград). Акрамя таго, закуплялася сыравіна для вырабу зброі (жалеза, бронза і салетра) [4].

Быхаў выступаў як цэнтр латыфундыі, гэта быў пункт збыту сельскагаспадарчай прадукцыі мясцовых сялян [21, с. 229, 236].

На тэрыторыі горада былі знойдзены вагавая гірка і медныя і свінцовыя гандлёвыя пломбы [5].

Да сферы паслуг мы адносім сістэму медыцынскага (лекары, аптэкары, цырульнікі і каты) [22, с. 5–8] і транспартнага забеспячэння, адукацыю, баўленне вольнага часу, харчаванне.

Найбольшая колькасць згадак медыцынскага абслугоўвання датычыцца пісьмовых крыніц XVII ст. [22, с. 5–8].

Сфера адукацыі паўнаважна не адлюстравана ў пісьмовых крыніцах. Ад 1675 г. пры касцёле функцыянавала школа ланкастарскага тыпу (навучалася да 30 дзяцей шляхцічаў і сялян) [23, с. 23–25].

Да сферы паслуг, што забяспечвала штодзённае жыццё быхаўчан, трэба адносіць вадозаў, пльэтагонаў, паромшчыкаў [13].

Адным з відаў адыходных промыслаў выступала возніцтва. З Быхаўскага графства вывозілі значную колькасць дубу (у 1776 г. тут працавалі на адвозе лесу 2240 падвод) да Бешанковіцкай прыстані [21, с. 217]. Гэта дэманструе і факт адыходу на лесанарыхтоўкі.

У горадзе былі прафесійныя музыкі. На малюнку Л. Куўро намаляваны дудар. Музыка трымае ў руках беларускую дуду, ці казу (духавы музычны інструмент). Жаўнеры з замкавага гарнізона мелі яшчэ і барабаны [13, с. 45–74].

Корчмы і шынкі забяспечвалі харчаванне і пастой падарожнікам, сезонным рабочым, самім мяшчанам. Іх дзейнасць таксама трэба адносіць да сферы паслуг [24, л. 4-1].

Адзначым, што ў 1747 г. у Быхаве ўжо мелася бібліятэка, лазня і астрог [25, с. 106; 26, с. 28].

Асноўнымі крыніцамі атрымання інфармацыі пра промыслы з’яўляюцца малюнак Л. Куўро [13, с. 16–24]. На малюнку ёсць выява агародаў, якія размяшчаліся па ўсходняй частцы горада, на балонні. На плане ж пазначаны палаткі і сады вакол горада.

На малюнку адлюстраваны працэсы рыбнай лоўлі і палявання на качак. Гэтыя заняткі таксама адыгрывалі пэўную ролю ў забеспячэнні мяшчан прадуктамі харчавання.

Быхаў у канцы XVI–XVIII ст. з’яўляўся горадам-крэпасцю і адным з мілітарных цэнтраў, у якім выраблялі зброю.

У спісе рэчаў, набытых маскоўскім баярынам А. С. Мацвеевым у 1675 г. у беларускага купца Ісаева, адзначаны: «40 копий быховских позолоченных, цена за копые по 40 алтын, 10 обушков быховских позолоченных, цена за обушок по 1,5 рубля, наручий быховских позолоченных с мисюрками 6 пар, пара по 5 рублей, 6 буздыганов быховских же позолоченных, цена за буздыган по 5 рублей, да 4 винтовки быховские ж, позолоченные, цена за винтовку по 5 рублей» [27, с. 39]. У манаграфіі «Белорусы в Москве» Л. С. Абэцэдарскі згадвае быхаўскіх рамеснікаў, якія спецыялізаваліся на вырабе зброі [27, с. 27, 39; 28, с. 18, 28].

У 1656–1657 гг. маскоўскія ўлады накіроўвалі ў гарады Рэчы Паспалітай ўпаўнаважаных асоб, якія павінны былі заклікаць і вербаваць на работы ў Маскву майстроў, у першую чаргу збройнікаў і пішчальнікаў [28, с. 27].

У XVII ст. тут выраблялі дробавыя гарматы, гарматы калібрам ад 1 да 10 фунтаў, разнастайныя марціры, шматствольныя ўстаноўкі.

Быхаўская людвісарня рабіла таксама ядры, карцечныя зарады, артылерыйскія і ручныя металічныя гранаты. У 1697 г. быхаўскія людвісары былі запрошаны ў Магілёў, дзе адлівалі магістрату вялікую бронзавую гармату [14, с. 360].

Развіццё ліцейнай справы ў Быхаве даследаваў М. А. Волкаў. Ён паказаў, што пры Я. К. Хадкевічу і Я. С. Сапегу ў Быхаве працаваў людвісар, які адліваў гарматы і званы для мясцовага арсенала і Ляхавічаў [18, с. 182–183].

Ускосныя звесткі, што прыводзіць М. М. Рубцоў, дазваляюць выказаць меркаванні, што людвісарня хутчэй за ўсё працавала ўжо ў сярэдзіне XVI ст. Так, у людвісарні працаваў Кашир Ганусов, ягоную гармату, датаваную 1555 годам, прыслалі з Быхава ў Маскву ў 1568 г. [29, с. 360]. Докладна невядома, ці была згаданая пішчаль выраблена ў Быхаве, ці толькі пэўны час у ім захоўвалася. Пры Хадкевічах былі адліты ў Быхаве званы, што дазваляе выказаць меркаванні пра пачатак функцыянавання людвісарні ўжо ў канцы XVI ст.

У 1659–1660 гг. у Маскву з Быхава прыбылі «наводного дела мастера» – ювеліры. Верагодна, яны маглі вырабляць і самі даспехі [27–28].

Заклучэнне

Зыходзячы з наяўнай інфармацыі можна меркаваць пра наступныя працоўныя спецыялізацыі жыхароў Быхава: апрацоўка керамікі, шкла, чорных і каляровых металаў, арганічнай сыравіны (дрэва, косць, скура, тканіна), харчовае забеспячэнне, гандлёвыя маніпуляцыі, працаўнікі сферы паслуг (медыцына, адукацыя, перавозка грузаў і людзей, нарыхтоўка сыравіны і паліва, промыслы), збройніцтва і ліцейная справа.

Дакладных звестак пра рамесныя спецыяльнасці, акрамя археалагічных матэрыялаў, пра перыяд XIV – сярэдзіну XVI ст. мы не маем. На міжнародны гандлёвы рынак Быхаў выйшаў у 1530-х гг., што дазваляе ўпэўнена сцвярджаць пра развіццё ў горадзе кавальства, ганчарства, апрацоўку дрэва, косці, скуры і выраб адзення ў гэты перыяд.

Асноўная рамесная спецыялізацыя Быхава была арыентавана на выраб зброі. У вольны ад вырабу зброі час рамеснікі-збройнікі працавалі ў “мірным” рэчышчы (адлівалі званы, займаліся ліцейнай справай і вырабам рэчаў побытавага і штодзённага ўжытку).

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Галынскі, Р. Дз.* Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб’екце «Строительство сетей теплоснабжения к зданию прихода храма Святой Живоначальной Троицы г. Быхова» ў 2013 г. : дамова Ін-та гіст. НАН Беларусі з настояцелем храма Святой Жываначальнай Тройцы г. Быхава ад 26 снежня 2013 г. / Р. Дз. Галынскі // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 3156.

2. *Галынскі, Р. Дз.* Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб’екце «Текущий ремонт водопроводной сети по адресу г. Быхов, ул. Советская, 2» у г. Быхаве Магілёўскай вобласці : дамова Ін-та Гісторыі НАН Беларусі з Быхаўскім раённым спажывецкім таварыствам г. Быхава ад 19 чэрвеня 2015 г. / Р. Дз. Галынскі // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 3755.

3. *Галынскі, Р. Дз.* Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб’екце «Аптымізацыя схемы цеплазабеспячэння кацельнай «РДК» у г. Быхава» / Р. Дз. Галынскі. – Быхаў, 2018. – [Рукапіс].

4. *Галынскі, Р. Дз.* Справаздача аб археалагічных разведках 2012 г. / Р. Дз. Галынскі. – Магілёў, 2013. – [Рукапіс].

5. *Галынскі, Р. Дз.* Справаздача аб археалагічных разведках і раскопках у гістарычным цэнтры г. Быхава Магілёўскай вобласці ў 2013 г. Магілёў, 2014 г. / Р. Дз. Галынскі // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 3155.

6. *Галынскі, Р. Дз.* Справаздача аб археалагічных разведках і раскопках у гістарычным цэнтры г. Быхава і разведках на тэрыторыі Быхаўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2014 г. / Р. Дз. Галынскі // Быхаў. – [Рукапіс].

7. *Галынскі, Р. Дз.* Справаздача аб археалагічных разведках і раскопках у гістарычным цэнтры г. Быхава Магілёўскай вобласці ў 2016 г. / Р. Дз. Галынскі // Быхаў. – [Рукапіс].

8. *Марзалюк, І. А.* Отчёт об археологических разведках на территории Быховского замка в 2011 г. / И. А. Марзалюк. – [Рукопись].

9. *Марзалюк, І. А.* Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі замка ў г. Быхаве Магілёўскай вобласці ў 2013 г. / І. А. Марзалюк. – 354 с. – [Рукапіс].

10. *Сінчук, І. І.* Крученые ручки кувшинов 17 в. (Могилев) / И. И. Синчук // Магілёўшчына. – Магілёў : Магілёўск. абл. краязнаўч. музей імя Е. Р. Раманава, 1994. – Вып. V. – С. 26–27.

11. *Сінчук, І. І.* Находки единичных монет во время раскопок в исторических центрах городов Могилевской области / И. И. Синчук // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя : рэгіянал. навук. канф. – Магілёў : Магілёўск. абл. узбуіненая друк., 1995. – Ч. I : Археалогія. – С. 189–195.

12. *Сінчук, І. І.* Быхаў / І. І. Сінчук // Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. : Т. У. Бяло-

- ва (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1 : А–К. – С. 134.
13. **Волкаў, М. А.** Панарама Старога Быхава другой паловы XVII ст. / М. А. Волкаў // Беларус. гіст. час. – 2013. – № 5. – С. 16–24.
14. **Ткачоў, М. А.** Замкі і людзі / М. А. Ткачоў ; пад рэд. Г. В. Штыхава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 184 с. : іл.
15. Інвентар Быхаўскага графства // Бібліятэка Чартарыйскіх у Кракаве / Klucz bychowski (Bychów). – 9118 Pol. 1785. 32,5×20 cm. К. 73. Org. plsk.
16. Інвентар Быхаўскага графства // Бібліятэка Чартарыйскіх у Кракаве / Klucz bychowski (Bychów). – 9119 Pol. 1797. 42,5×33 cm. К. 82. Org. sk.
17. **Грыцкевіч, А. П.** Частновладельцкія гарады Беларусіі в XVI–XVIII вв. / А. П. Грыцкевіч. – Мінск : Наўка і тэхніка, 1975. – 248 с.
18. **Волкаў, М. А.** Быхаў у першай палове XVII ст. / М. А. Волкаў // Сапегі: асобы, кар’еры, маёнткі : зб. наўк. арт. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – С. 167–194.
19. **Бохан, Ю. М.** Мясцэчкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. / Ю. М. Бохан ; уклад. М. А. Волкаў. – Мінск : Беларус. наўка, 2018. – 292 с. : іл.
20. **Игнатенко, А. П.** Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв. / А. П. Игнатенко. – Минск : Изд-во Мин-ва высш., средн.-спец. и проф. образования БССР, 1963. – 87 с.
21. **Мялешка, В. І.** Сувязі сялянства з рынкам / В. І. Мялешка // Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да 1996 г. : у 3 т. / Я. К. Анішчанка [і інш.] ; рэдкал.: В. І. Мялешка [і інш.]. – Мінск : НАН Беларусі, 1997. – Т. 1 : Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. – С. 228–234.
22. **Грыцкевіч, В. П.** Беларускія лекары ў Маскоўскай дзяржаве XVII ст. / В. П. Грыцкевіч // Магілёўская даўніна : рэгіянал. наўк. канф. – Магілёў : Магілёўск. абл. узбуйненая друк., 1997. – С. 5–8.
23. **Прасаловіч, А. В.** Быхаўскі кляштар рэгулярных канонікаў латэранскіх і ягоныя ўладанні на тэрыторыі Быхаўшчыны / А. В. Прасаловіч // Быховские краеведческие чтения – VIII : сб. ст. регионал. наўч.-исслед. конф. – Могилев : ГУК «Быхов. район. ист.-краевед. музей», 2019. – С. 23–25.
24. Інвентар Быхаўскага графства // Бібліятэка Чартарыйскіх у Кракаве / Klucz bychowski (Bychów). – 9113 Pol. XVIII w. 39,5 x 24 cm. К. 86. Org. sk.
25. **Татарінов, Ю.** Цифры, касаючыся росту горада / Ю. Татарінов // Города Беларуси в некоторых интересных исторических сведениях. Могилевщина / Ю. Татарінов. – Минск : И. П. Логвинов, 2007. – С. 106–107.
26. Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Быхаўскага раёна / Беларус. Сав. Энцыкл. ; І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. А. М. Хількевіч. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 576., [8] л. : іл.
27. **Абцедаарскі, Л. С.** Белоруссия и Россия : очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII вв. / Л. С. Абцедаарскі. – Минск : Выш. шк., 1978. – 256 с.
28. **Абцедаарскі, Л. С.** Белорусы в Москве XVII в. : из истории белорусско-русских связей / Л. С. Абцедаарскі. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1957. – 62 с.
29. **Ткачоў, М. А.** Быхаўская людвісарня / М. А. Ткачоў // Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. З. Э. Герасімовіч. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 1 : Абаленскі–Кадэнцыя. – С. 360.

Паступіў у рэдакцыю 13.04.2022 г.
Кантакты: galunskyroman@gmail.com
(Галынскі Раман Дзмітрыевіч)

Galynsky R. D. DAILY LABOUR OF BYKHOV RESIDENTS IN THE XIV–XVIII CENTURIES

One of the main features differentiating city from other types of settlements, in addition to the system of defensive fortifications, is the specificity of craft and trade. There were a number of other activities that formed various specialties. They determined the picture of daily labour and everyday life of city residents.

Keywords: everyday life, labour specialization, medieval city, Bykhov, tools of labour, professions and occupations.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ УНИИ XIV–XV вв. В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И. В. Кравченко

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена рассмотрению исторических взглядов преподавателей высшей школы Российской империи на польско-литовские унии XIV–XV вв. Автором определены подходы преподавателей высшей школы Российской империи XIX – начала XX в. к предпосылкам, причинам заключения уний, их содержанию и историческим последствиям для Великого Княжества Литовского, в том числе восточнославянских земель, входивших в его состав. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период историками существенно расширились представления по проблеме польско-литовских отношений, оформились целостные научные концепции.

Ключевые слова: историография, высшая школа Российской империи, Великое Княжество Литовское, Королевство Польское, уния, концепция.

Введение

На сегодняшний день в государствах восточноевропейского региона прослеживается стремление к изложению событий прошлого с позиций национальной историографии. К числу актуальных проблем отечественной исторической науки относится проблема польско-литовских уний XIV–XV вв. Обстоятельное изучение данной проблемы невозможно без учета российского историографического опыта XIX – начала XX в.

К настоящему времени по данной проблеме имеются отдельные публикации польских историков Д. Шульца и Р. Яворского [1], российских исследователей А.М. Столярова [2] и М.Е. Мегема [3]. В работах последних подчеркивается, что активизация интереса к польско-литовским униям, их содержанию и их последствиям в Российской империи произошла после восстаний 1830–1831, 1863–1864 гг. Однако специальные исследования в белорусской исторической науке, посвященные российской дореволюционной историографии польско-литовских уний XIV–XV вв., отсутствуют.

Основная часть

Проблема истории польско-литовских уний XIV–XV вв. приобрела актуальность в

© Кравченко И. В., 2022

российской исторической науке в начале XIX в. и была связана с разделами Речи Посполитой. Значимую роль в проведении научных исторических исследований после реформы образования 1803 г. стали играть университеты. Первые научные интерпретации проблемы отношений Королевства Польского и ВКЛ появились в стенах Императорского Виленского университета и Королевского университета в Варшаве.

Активизация исследовательского интереса повлекла за собой введение в широкий научный оборот значительного количества архивного материала. Открытый доступ к источникам, а также научные контакты российских исследователей с польской гуманитарной научной средой активизировали изучение польско-литовских отношений XIV–XV вв. в учреждениях высшего образования империи. К их числу относились Московский, Санкт-Петербургский университеты, а также Императорский университет Св. Владимира в Киеве – ведущие научные центры изучения польско-литовских уний после закрытия Виленского и Варшавского университетов в результате событий восстания 1830–1831 гг.

Проблема польско-литовских уний рассматривалась российскими историками второй половины XIX в. в контексте общероссийской истории. Такой подход соответствовал официальной идеологии Российской империи. Общественности необходимо было преподнести прошлое ВКЛ как «своей», исконной территории и закрепить данную оценку в массовом сознании. Важным представлялось также научно доказать необоснованность претензий со стороны поляков на территории ВКЛ.

Историки высшей школы Российской империи XIX – начала XX в., освещая проблему сближения ВКЛ и Польского Королевства, попытались охарактеризовать и дать оценку Кревской (1385 г.), Виленско-Радомской (1401 г.) и Городельской (1413 г.) униям.

Важное место в разработке проблемы польско-литовских уний XIV–XV вв. занимала Кревская уния. Исследователи, прежде

всего, пытались разобраться в причинах заключения унии, а также в последствиях, к которым она привела. Виленско-Радомская уния в работах исследователей показана как закономерный этап в развитии польско-литовских отношений и является прямым продолжением Кревской унии. Следует отметить, что условиям подписания Городельской унии в работах историков того периода уделено значительно большее внимание, чем Виленско-Радомской унии.

Авторскую концепцию истории польско-литовских отношений XIV–XV вв. предложил преподаватель Виленского университета Т. Нарбут. Историк полемизировал с Н.Г. Устряловым о «западнорусском характере» ВКЛ, подчеркивая литовскую основу данного государства. При этом Кревская уния оценивалась им как событие, способствовавшее дальнейшему сближению ВКЛ и Польского государства. По мнению Т. Нарбута, Ягайло являлся «...деятелем с новым политическим мышлением, образованным законодателем» [4, с. 254]. Двустороннее сотрудничество подкреплялось борьбой с общими врагами – рыцарями Тевтонского ордена и Сигизмундом Люксембургским. Последние, понимая силу данного союза, пытались путем интриг ликвидировать унию ВКЛ и Польского государства. Заключение Городельской унии закрепило уже достигнутые договоренности между двумя государствами. Таким образом, Т. Нарбут сформулировал концепцию, согласно которой сближение Польши и ВКЛ соответствовало стратегическим замыслам великих князей литовских, а польско-литовские унии XIV–XV вв. были важной частью антитевтонской политики Гедиминовичей.

Аналогичной точки зрения придерживался профессор Виленского университета И. Лелевель, который считал, что заключение Кревской унии было обусловлено угрозой со стороны немецких рыцарей, ставшей решающим фактором в сближении Польши и ВКЛ. В результате заключения унии католицизм пришел на земли ВКЛ мирным путем, а не с помощью вооруженного вмешательства тевтонцев во внутреннюю жизнь региона. По мнению историка, Кревская уния стала фундаментальным событием в истории ВКЛ, после которого началось интенсивное сближение с Польским королевством, [5, с. 158]. В отличие от Т.М. Нарбута И. Лелевель дал более полную характеристику событиям 1413 г. Он отметил, что православные феодалы по Городельскому

привилею не получили равных прав с феодалами-католиками, однако привилей не получил фактической силы в период правления Витовта. Схожесть взглядов Т. Нарбута и И. Лелевеля на историю польско-литовских уний показывает, что учеными Императорского Виленского университета польско-литовские отношения XIV–XV вв. оценивались в целом положительно и рассматривались ими как закономерный процесс, обусловленный рядом объективных внешних факторов.

Историк, преподаватель Варшавского Королевского университета В.-А. Мацеёвский, анализируя Кревскую унию, отмечал, что данный шаг являлся следствием субъективного решения Ягайло и обусловил изменение цивилизационной принадлежности ВКЛ в направлении вестернизации [6, с. 75].

Рассмотрение причин заключения Кревской унии нашло отражение в труде заслуженного ординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича «Чтения по истории Западной России». В числе основных он выделил династический кризис в Польше, стремление удельных князей ВКЛ к расширению личных свобод и властных полномочий, личные амбиции Ягайло, а также внешнюю угрозу со стороны немецких рыцарей-крестоносцев. М.О. Коялович утверждал, что подписание Кревской унии было ошибкой, политическим просчетом со стороны ВКЛ. Значимое внимание историк уделит Городельской унии. Он подчеркнул, что инициатором подписания была польская сторона, а предлогом послужило отсутствие наследников у Ягайло и Витовта. М.О. Коялович считал, что Городельская уния способствовала отдалению ВКЛ от Руси, начало которому послужила Кревская уния. К негативным последствиям подписания Городельской унии он добавил неравное правовое положение католиков и схизматиков в ВКЛ, а также утрату «русской самобытности» вследствие насаждавшихся польских порядков.

Историк Санкт-Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин при изучении проблемы заключения Кревской унии акцентировал внимание на аспекте добровольного согласия литовских удельных князей заплатить 200 тысяч флоринов бывшему жениху королевы Ядвиги. Князя Ягайло историк показал как честолюбивого человека, который согласился поменять веру с целью получения польской короны. Вместе с тем историк подчеркивал, что для князя в числе приори-

тетных стояла задача обеспечения безопасности границ ВКЛ от фактора внешней угрозы со стороны крестоносцев. В данном аспекте К.Н. Бестужев-Рюмин был близок к взглядам М.О. Кояловича. Факт избрания Ягайло королем польским К.Н. Бестужев-Рюмин считал началом традиции выборности королей в Польском государстве, а подписание Виленско-Радомской унии стало возможным благодаря настойчивости поляков в вопросе сближения ВКЛ и Польши, а также бедственному положению Витовта после поражения в битве на Ворскле [7, с. 32].

По мнению ординарного профессора Московского университета И.Д. Беляева, подписание Кревской унии было выгодно исключительно польской стороне, так как этим договором польские феодалы обезопасили Польшу, ее границы от угрозы со стороны ВКЛ. В свою очередь, удельные князья и народ ВКЛ объединения с Польшей не желали, вследствие чего Ягайло заключал данную унию по собственному усмотрению [8, с. 112].

Доктор богословия Киевской духовной академии И.И. Малышевский отмечал, что, решившись на союз с Польшей, Ягайло хотел укрепить свои позиции в ВКЛ, где у него были враги из числа удельных князей, обезопасить границы ВКЛ от Московского государства и тевтонцев. Польская сторона посредством заключения унии с ВКЛ уберегала от литовских набегов восточную границу Польши, а также устрашала рыцарей Тевтонского ордена. Более того, польское панство стремилось получить владения в обширных, богатых и плодородных литовско-русских землях, а католическое духовенство Польского королевства надеялось распространить католицизм среди местного населения в регионе, подчинив его римской церкви. Постановления Городельского сейма 1413 г. историк считал основой правовой дискриминации православного населения княжества. По мнению И.И. Малышевского, польская сторона одобрила заключение польско-литовских уний XIV–XV вв., тогда как «русское» население ВКЛ отнеслось к ним негативно [9, с. 39–45].

Историк русского права Ф.И. Леонтович считал, что Кревская уния стала началом распространения «польских порядков» на землях ВКЛ, под которым он подразумевал привилегии для магнатов и шляхты, а также для католического духовенства. По мнению исследователя, заключение Кревской унии повлекло за собой изменения в религиозной

жизни ВКЛ, полонизацию княжества, династические перемены, а также трансформацию социально-политического устройства. Приоритетное внимание историка было уделено привилею 1387 г. и Городельскому привилею 1413 г., вследствие которых расширились имущественные и другие права польской и литовской католической шляхты. Ф.И. Леонтович утверждал следующее: «В Польше и Литве сложился своеобразный, сословный тип территориально-административного состава государства параллельно с развитием и упрочением сословных вольностей командующего класса – шляхты... Наконец, шляхетским становится все государство, именно в последней фазе его развития – в форме Речи Посполитой» [10, с. 35–36].

В процессе работы над историей польско-литовских уний XIV–XV вв. М.С. Грушевский пришел к выводу о том, что обещания, данные польским панам Ягайло накануне заключения Кревской унии, носили популистский характер, вследствие чего в полной мере не были реализованы даже с заключением Люблинской унии 1569 г. По сути, «триумф» польской дипломатии остался лишь на бумаге. «Политическая самостоятельность ВКЛ, уничтоженная (чисто теоретически, конечно) Кревским актом, была восстановлена и утверждена другими трактатами (особенном Городельским актом 1413 г.)» [11, с. 101].

В 1897 г. был напечатан исторический очерк М.В. Довнар-Запольского «Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г.», в котором автор упрекнул российских исследователей в необъективном отображении событий, связанных с литовско-польскими отношениями. Историк отмечал, что начало польско-литовским униям было положено в 1385 г., когда польские магнаты предложили великому князю Ягайло жениться на наследнице польской короны Ядвиге и занять польский престол. Однако данный союз ВКЛ и Польского Королевства не привел ВКЛ к потере самостоятельности [12, с. 2]. Условия Виленско-Радомской и Городельской уний историк в очерке не анализировал, лишь отметив, что данные привилеи 1401 и 1413 гг. остались «... мертвой буквой, не повлиявшей на развитие Литовско-Русского государства» [12, с. 1].

Ординарный профессор Московского университета М.К. Любавский среди причин заключения Кревской унии отметил кризис великокняжеской власти в ВКЛ, который мог

привести к потере государственности. Для деэскалации кризиса Ягайло предпринял попытку поиска помощи за пределами княжества и в качестве союзника выбрал Польское королевство. Сближению двух государств способствовала угроза со стороны немецких рыцарей-крестоносцев, которые пользовались нестабильной ситуацией внутри ВКЛ: «Как велика была нужда в этой помощи, показывают письменные обязательства, данные Ягайло польским послам в Крево 14 августа 1385 г.» [13, с. 45]. Примечательно, что М.К. Любавский отметил факт наличия письменных обязательств со стороны Ягайло польским феодалам, в то время как историки, писавшие о Кривской унии, ссылались только на устные обещания. Историк по-новому интерпретировал данные князем Ягайло обязательства: заключение брака с Ядвигой и сближение с Польским государством являлись не личной прихотью, а были обусловлены государственной целесообразностью. К данному шагу великого князя подталкивали и советчики в лице матери княгини Ульяны и братьев Корибута и Скиргайло. М.К. Любавский охарактеризовал унию следующим образом: «Уния 1385–1386 гг. не была ни персональной, ни династической, а инкорпорацией Великого княжества в королевство Польское» [13, с. 46]. Виленско-Радомская уния подтверждала объединение государств даже при условии смены династии на польском престоле. При этом Витовт был признан по условиям унии пожизненным правителем ВКЛ. Новой фазой в отношениях ВКЛ и Польского Королевства, по мнению М.К. Любавского, стало подписание Городельской унии. Последняя была связана с ростом международного авторитета ВКЛ и боязнью польской стороны утратить союзника в лице Витовта. Историк выделил предусмотренные Городельским привилеем гарантии того, что ВКЛ останется особым государством после смерти Витовта под суверенитетом короля Польского [13, с. 53]. По замыслу составителей унии в перспективе самостоятельное существование ВКЛ должно было прекратиться, вместе с Польшей оно должно было составить «единое политическое тело». Однако на деле подобного объединения двух государств в XIV–XV вв. не произошло.

Заключение

Таким образом, интерес к изучению польско-литовских уний XIV–XV вв. в Российской империи повысился после польских

восстаний 1830–1831 гг., 1863–1864 гг. в контексте изучения истории западнорусских земель в составе ВКЛ. Значимый вклад в разработку проблемы внесли представители высшей школы Российской империи, в числе которых историки Императорского Виленского, Варшавского Королевского, Московского, Санкт-Петербургского университетов, Университета Св. Владимира в Киеве. Благодаря их исследованиям в широкий научный оборот в XIX – начале XX в. были введены ранее не изученные архивные материалы, осуществлен их научный анализ, выработаны концептуальные подходы, которые помогли глубже разобраться не только в причинах сближения ВКЛ и Польского Королевства, но и проанализировать исторические последствия в развитии двусторонних отношений, их значения для ВКЛ и для всего Восточно-европейского региона.

Следует отметить, что в работах историков польского происхождения в качестве основной причины политического сближения Польского Королевства и ВКЛ выдвигалась угроза со стороны рыцарей Тевтонского ордена, а рассмотрение внутривосточных причин сближения государств отходило на второй план. В свою очередь, российские историки среди причин заключения польско-литовских уний выделяли как внутривосточные, так и внешнеполитические факторы. Также следует подчеркнуть, что до 1880-х гг. общепринятой в научном сообществе являлась точка зрения, согласно которой польский король Ягайло выступал инициатором сближения ВКЛ и Польши. В последующие десятилетия был сделан вывод о том, что двустороннее сближение держав было обусловлено взаимными интересами.

Рассуждая о последствиях уний, историки Т. Нарбут, И. Лелевель, В.-А. Мацеёвский отмечали, что унии предопределили цивилизационный выбор ВКЛ в пользу западноевропейского вектора развития. Вместе с тем значительная часть российских исследователей (в частности, М.О. Коялович, И.Д. Беляев, И.И. Малышевский) в рамках концепции западнорусизма подчеркивала негативное отношение основной массы восточнославянского населения ВКЛ к униям и их последствиям. В работах данных авторов акцентировалось внимание на ограничительных мерах государства по отношению к православным верующим, что обусловило тяготение последних к Российскому государству.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Яворский, Р.** Польско-литовские отношения 1385–1569 гг. в польской историографии XIX–XXI вв. / Р. Яворский, Д. Шульц // Исторический вестник. – 2014. – № 7. – С. 114–135.
2. **Столяров, А. М.** Кревская уния 1385 года в русской историографии XIX – начала XX века / А. М. Столяров // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 1. – С. 170–175.
3. **Мегем, М. Е.** Образ Кревской унии в дореволюционной российской историографии XIX – начала XX века / М. Е. Мегем // Lietuvos istorijos studijos. – 2015. – № 36. – С. 27–46.
4. **Narbutt, T.** Dzieje starożytne narodu litewskiego : w 9 t. / T. Narbutt. – Wilno : w drukarni A. Marciniowskiego, 1839. – Т. 5. – 691 s.
5. **Lelewel, J.** Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej / J. Lelewel. – Poznań : nakładem i drukiem W. Stefańskiego, 1844. – 202 s.
6. **Maciejowski, A.** Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajów i wycieczek w czterech częściach opisana : w 3 t. / A. Maciejowski. – Sankt Petersburg, 1842. – Т. 2. – 295 s.
7. **Бестужев-Рюмин, К. Н.** Русская история: в 2 т. / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : типография А. Траншеля, 1885. – Т. 2. – 324 с.
8. **Беляев, И. Д.** Очерк истории Северо-Западного края России / И. Д. Беляев. – Вильно : типография А. Сыркина, 1867. – 123 с.
9. **Малышевский, И. И.** Западная Русь в борьбе за веру и народность / И. И. Малышевский. – СПб. : Синодальная типография, 1897. – 414 с.
10. **Леонтович, Ф. И.** Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины / Ф. И. Леонтович. – СПб. : типография В. С. Балашева и К°, Фонтанка, д. 95, 1895. – 56 с.
11. **Грушевский, М. С.** Очерк истории украинского народа / М. С. Грушевский. – Киев : Лыбидь, 1990. – 400 с.
12. **Довнар-Запольский, М. В.** Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г. / М. В. Довнар-Запольский. – Москва, 1897. – 28 с.
13. **Любавский, М. К.** Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – 2-е изд. – Москва : Художественная типография, 1915. – 405 с.

Поступила в редакцию 08.03.2022 г.

Контакты: ir.crawchenko2011@yandex.ru
(Кравченко Ирина Витальевна)

Kravchenko I. V. THE POLISH-LITHUANIAN UNIONS OF THE XIV–XV CENTURIES IN THE STUDIES OF HIGHER SCHOOL OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article considers historical views of the representatives of the higher school of the Russian Empire on the Polish-Lithuanian unions of the XIV–XV centuries. The author determines the approaches of the representatives of the higher school of the Russian Empire to the premises and reasons for the formation of the unions, as well as the historical consequences for the Grand Duchy of Lithuania and East Slavic lands. It is concluded that by the beginning of the XX century the ideas of the researchers of the higher school of the Russian Empire evolved into consistent and formalized concepts.

Keywords: historiography, higher school of the Russian Empire, The Grand Duchy of Lithuania, The Kingdom of Poland, union, conception.

УДК 94(476):80:39

**ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
В РАБОТАХ П. А. КУЛАКОВСКОГО****В. А. Апекунов**

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Данная статья посвящена ученому-слависту конца XIX – начала XX в. П. А. Кулаковскому, его исследованиям по «белорусскому вопросу» на страницах журнала «Окраины России» за 1906–1912 гг., а также в отдельных изданиях. Приводится краткая характеристика этих работ, а также раскрываются взгляды самого ученого на прошлое и настоящее белорусского народа. Кулаковский рассматривал «белорусский вопрос» с позиции западнорусизма. В соответствии с данным течением ученый доказывал, что белорусский народ является частью триединого этноса, наряду с русскими и украинцами, а белорусский язык – наречием, а не самостоятельным языком. Будущее белорусских земель Кулаковский неразрывно связывал с Россией. Более того, он считал возможным объединение всего славянского мира под эгидой Российской империи как единственного суверенного оплота славянства на тот момент времени.

Ключевые слова: славяноведение, «Окраины России», «белорусинство», «белорусский вопрос», национальное движение, западнорусизм.

Введение

Платон Андреевич Кулаковский принадлежит к числу тех ученых-славистов Российской империи, которые внесли значительный вклад в развитие славяноведения как отрасли научного знания. Среди его многочисленных работ стоит обратить внимание на его обширные монографии, посвященные истории, развитию языка и литературы южнославянских народов в период их национального подъема. В общей сложности Кулаковский является автором более 120 научных и публицистических работ.

Кроме того, Кулаковский являлся видным общественным деятелем Российской империи конца XIX – начала XX в. Этому способствовали его научные и общественно-политические взгляды, которые оформились у П. А. Кулаковского еще в бытность студентом Московского университета. Ученый придерживался как славянофильских взглядов на устройство России, так и панславистских, а также запад-

норусских убеждений. Он искренне считал возможным объединение всего славянского мира под эгидой Российской империи как единственного суверенного оплота славянства на тот момент времени.

В последнее десятилетие своей жизни П. А. Кулаковский постепенно отходит от научной работы, активно при этом занимаясь деятельностью публицистического характера. В данной сфере он известен, прежде всего, как главный редактор еженедельной газеты «Окраины России», издававшейся с 1906 по 1912 г. Немало статей этого издания посвящено в том числе тем или иным аспектам нахождения белорусских земель в составе Российской империи.

Основная часть

Творчество Кулаковского в заключительный период его жизни ограничивалось несколькими небольшими работами, а основной сферой его деятельности постепенно становилась именно общественно-политическая проблематика. Еще в 1902 г. Кулаковский был назначен главным редактором газеты «Правительственный вестник». Данную должность он занимал до 1905 г. С 1903 г., когда вышла его последняя научная работа на историческую тематику «Начало русской школы у сербов в XVIII веке», и вплоть до конца своей жизни Кулаковский больших и серьезных трудов на историческую тематику не писал.

Тем не менее деятельность П. А. Кулаковского в поздний период его жизни была довольно активной, тем более что ученый пользовался значительным авторитетом в консервативно-монархических кругах.

При рассмотрении проблематики «белорусского вопроса» в работах Кулаковского нужно принять во внимание тот факт, что данная проблема рассматривается у ученого в общем контексте так называемого «польского вопроса». При этом какие-либо специальные работы, посвященные конкретно истории белорусского народа, у ученого отсутствуют. Таким образом, сведения, подчеркнутые из его

работ по «польскому вопросу» представляют особенно ценными.

К числу основных работ Кулаковского, в которых затрагивались белорусские земли, можно отнести брошюру «Поляки и вопрос об автономии Польши», изданную в 1906 г., очерк «Польский вопрос в прошлом и настоящем», изданный в 1907 г. в Санкт-Петербурге. Также внимания заслуживает брошюра, изданная ученым в 1910 г., под названием «Славянские съезды и польский вопрос», где автор дает характеристику Славянского съезда, проведенного в мае 1909 г. в Санкт-Петербурге, где обсуждались проблемы белорусского национального движения, явление «белорусинства», а также деятельность газеты «Наша Ніва», о которой приводится на страницах брошюры.

Не стоит забывать и о его работе издателем газеты «Окраины России», на страницах которой Кулаковский печатал множество статей, посвященных тем или иным аспектам жизни белорусских земель в составе России. К их числу можно отнести такие статьи П.А. Кулаковского, как «Новый вид сепаратизма – белорусофильство», «Русские сепаратизмы» и др. Газета «Окраины России» издавалась с 5 марта 1906 по декабрь 1912 г. В редакционной статье было заявлено, что это политическая, общественная и литературная газета, которая будет выходить один раз в неделю. Целевую аудиторию газеты составляли преимущественно жители крупных городов, центров губерний, но при этом для редакции было важно, чтобы газета распространялась среди русского населения и в тех регионах, где национальный вопрос стоял достаточно остро (в первую очередь речь идет о Царстве Польском, а также Северо-Западном крае).

П.А. Кулаковский формулирует основные положения, которые в итоге стали идеологической основой издания: «Россия – это территориально единое государство. Русский народ и по историческому праву, и по численности дает стране облик и характер. Россия – это русское государство, но оно не ущемляет права тех народов, которые не посягают на ее единство. Окраины необходимы для процветания и жизни государства и всех народов, входящих в состав империи. Окраины должны стремиться к сближению с центром России, а не к отделению» [1].

Всего же за время существования «Окраин России» Кулаковским было написано 53 статьи. Среди них были статьи о русско-польских отношениях, сюжеты по славянскому вопро-

су, в частности об отношении поляков к идее объединения славян в теории и на практике, во время проведения многочисленных Славянских съездов, за которыми Кулаковский очень внимательно следил. На одном из таких съездов, среди прочих, затрагивался вопрос о белорусах и белорусском языке.

Публикации Кулаковского за 1906–1912 гг. позволяют сделать вывод о том, что проблематика белорусских земель вызывала у него широкий интерес, что было обусловлено событиями первой русской революции 1905–1907 гг. и, как следствие, активизацией национальных движений, в том числе и на белорусских землях. В этом отношении стоит отметить деятельность Белорусской Социалистической Громады (БСГ) – первой белорусской национальной политической партии, которая в начале своей деятельности выдвигала требования национально-культурной автономии с сеймом в г. Вильно. Со временем и под влиянием революционных событий, происходивших в России уже в 1917 г., требования БСГ расширились до предоставления национально-территориальной автономии в составе Российской республики.

Кроме того, белорусский регион имел немаловажное значение для ученого, поскольку здесь активно действовало «Русское окраинное общество», в руководящие органы которого он входил. Образованное в Санкт-Петербурге 27 апреля 1908 г., данное общество провозгласило своей целью «содействие укреплению русской государственности, культуры и народности на окраинах, а также в тех местностях, где такое содействие может оказаться необходимым» [2, с. 90–91].

При анализе работ Кулаковского, так или иначе затрагивавших проблемные вопросы, связанные с белорусскими землями, первостепенное значение приобретают взгляды самого ученого на данную проблему. Активное изучение истории белорусских земель в Российской империи началось во второй половине XIX века, причем первопроходцами в данном направлении в то время были историки и этнографы консервативного толка. Ведущим направлением в этой связи являлась концепция западно-русизма, главная суть которой заключалась в том, что белорусы являются не самостоятельным этносом, а частью триединого народа, в состав которого входят, помимо белорусов, великороссы и малороссы (украинцы). И в этой связи жизненно важным для приверженцев данной концепции являлось стремление

доказать, что «западный край всегда был исконно русским, однако совращенный узурпаторами-поляками» [3, с. 92]. Беларусь в трудах ученых, придерживавшихся западнорусских убеждений, изображалась в качестве края, который веками пребывал под «иноверным и иноплеменным владычеством» и только в результате включения в состав Российской империи вернулся к своим историческим корням. Иначе говоря, включение белорусских земель в состав России рассматривалось ими как благо для населения данного региона. Этих взглядов в полной мере придерживался и П.А. Кулаковский, что нашло свое отражение в его публицистической деятельности.

В работе под названием «Польский вопрос в прошлом и настоящем», изданной в 1907 г., Кулаковский, приводя свои рассуждения по поводу современного ему положения польского народа, а также требований, которые они выдвигали, параллельно высказывает свою точку зрения в отношении характера Великого Княжества Литовского. Так, он пишет о «литовско-русском» характере этого государства, а княжества, вошедшие разными путями в состав данного государственного образования, он определяет как «западнорусские» [4, с. 8]. Интересно, что сам термин «белорусские земли» (или «Беларусь») в работе нигде не встречается.

В работе затрагивается проблематика разделов Речи Посполитой. Кулаковский дает развернутую оценку действиям России во время данных событий. По словам Кулаковского, Россия вернула себе «исконно русские земли», то есть то, что «принадлежало ей по природе, старой истории и по праву» [4, с. 17]. Более того, Кулаковский выказывает сожаление по поводу того, что не все «русские земли» удалось вернуть в состав Российской империи, поскольку, как известно, в разделах участвовали также Австрия и Пруссия, к которым также отошла часть земель Древней Руси.

Ко всему прочему, он категорически отвергал мысль об автономии Польши. Дело в том, что в начале XX в. поляки не скрывали своих намерений возродить Речь Посполитую «от моря до моря». Требование автономии, исходившее от представителей польской элиты, рассматривалось как переходный этап к тому, чтобы в конечном счете предоставить независимость Польше.

Позиция Кулаковского относительно белорусского региона вполне объяснима. Для Кулаковского как убежденного монархиста, а, ко всему прочему, человека, придерживав-

шегося концепции «западнорусизма», была неприемлема мысль о так называемом «белорусинстве». В этой связи он систематически вел полемику с газетой «Slowo», выпускаемой в Варшаве. Издание обвиняло «Окраины России» в требованиях от правительства репрессий против «белорусинства» [5, с. 295]. Редакция «Окраин России» отрицала обвинения, однако четко высказала позицию: если «белорусинство» «не простая забава», а национальное движение наподобие «украинства», то «несомненно каждый... голос русской печати должен желать, чтобы сильная рука власти задержала развитие сепаратизма» [5, с. 295].

Резкой критике со стороны редакции «Окраин России» подвергались не только различные аспекты белорусского национального движения, но и даже некоторые стороны жизни белорусов. Так, в статье «Русские сепаратизмы» за 1912 г. особое внимание уделялось рассмотрению календаря для широких народных масс, который содержал в себе три рубрики, разделенные по религиозному признаку, в чем редакция «Окраин России» видела преграду в деле объединения белорусов [6]. Кулаковский был противником разделения белорусов по религиозному признаку. Он был убежден, что нельзя разделять православных белорусов и белорусов-католиков, поскольку они говорят на одном языке и придерживаются одних «обычаев и взглядов». Запись белорусов-католиков в польскую курию по проекту земской реформы 1911 г., по его мнению, означала допущение их колонизации. А подобное разделение по религиозному признаку могло, так или иначе, привести к волнениям среди крестьян [2, с. 100].

В брошюре «Славянские съезды и польский вопрос» за 1910 г. Кулаковским описывается пятый Славянский съезд, проходивший в мае 1909 г. в Санкт-Петербурге. Несмотря на наличие множества проблемных вопросов, все же на первый план был выдвинут именно «польский вопрос». Однако впоследствии участниками съезда стали выдвигаться вопросы «украинства», а также «белорусинства». В поддержку так называемого «белорусинства», как пишет Кулаковский, выступил филолог-славист А. Л. Погодин, по мнению которого, тот факт, что в Вильно в то время издавалась белорусская газета «Наша Ніва», являлся знаменательным событием в этом отношении. К точке зрения Погодина, а также к самому белорусскому языку Кулаковский относился если не отрицательно, то скорее скептически

и даже пренебрежительно, характеризуя речи Погодина в поддержку «украинства» и «белорусинства» не иначе как «комические». Кулаковский приводит в защиту своей точки зрения несколько аргументов. Он подчеркивал, что газета выходила тиражом в три тысячи экземпляров, что, по его словам, никак не могло говорить о наличии «великого белорусского движения, подобного украинскому», о чем заявлял Погодин [7, с. 38].

Центральное место в борьбе с белорусским национальным движением занимала именно борьба с газетой «Наша Ніва». Как прием подавления, неприятия в отношении данного печатного издания употреблялся термин «газетка», который употреблял в том числе и сам Кулаковский, а статьи определялись как «коварные песни о сепаратизме», «грустное явление белорусского сепаратизма». В статье «Новый вид сепаратизма – белорусофильство», опубликованной в журнале «Украины России» за 1907 г., Кулаковский писал о разрешении правительством издания данного печатного органа как о желании «пагубы белорусов» [8]. При этом он отмечал, что в «Нашей Ніве» есть статьи против ополячения, где «догадается в ней и польским панам, но как-то мягко, нежно...». Кулаковский расценивал это как популизм, так как, по его мнению, «народ... читать не станет, если не будет чего-либо против поляков» [8, с. 307].

П.А. Кулаковский также писал о том, что «Наша Ніва», издаваясь якобы при «несомненной польской помощи», издавалась «русской и польской азбукой на невероятном белорусском наречии». Вот как сам Кулаковский доказывал свое суждение: «Чтобы читатели могли сами судить, что это за язык, приведем образец из номера от 18 июня: “Ad polskaj postupowaj pressy (hazet) skazau T. Michalski, szto progressiunaja czasc polskaho hramadzianstwa zabyła nacionalnuju niepryjazn i dauno uzo na swwaim sztandary napisala: za nasza I wasza wolnosc”, т.е. “От польской прогрессивной печати сказал г. Михальский, что прогрессивная часть польского общества забыла национальную неприязнь и давно уже на своем знамени написала: за нашу и вашу свободу”» [7, с. 38].

Наконец, Кулаковский пытается доказать, что «белорусинство» есть не что иное, как инструмент для достижения поляками своих целей, что сами поляки и создали это самое «белорусинство». При этом он же далее пишет о том, что заявление польских политиков о белорусском наречии как о разновидности

польского языка «не выдерживает никакой критики» [7, с. 51].

Особое негодование Кулаковского как редактора «Окраин России» вызвала позиция «Нашей Нівы», доказывающая существование белорусского языка. Кулаковский не считал газету «Наша Ніва» тем фактором, который бы доказывал, по его мнению, существование белорусского языка. По этому поводу он ссылался на работы Е. Ф. Карского, когда заявлял о наличии всего лишь белорусского наречия, но никак не целого языка, о чем утверждал следующее: «Первым признаком любого сепаратизма является требование признания особых прав в школе и в литературе для местного языка. В последнее время заговорили об особом белорусском языке. Выражение «белорусский язык» начало употребляться даже в некоторых официальных актах Министерства народного просвещения. Но мы смеем утверждать, что белорусский язык существует только теоретически. Достаточно заглянуть в капитальный труд нашего авторитетного ученого Е. Карского, чтобы стало ясно, что существует только белорусский диалект (наречие), а не белорусский язык» [2, с. 91].

Заключение

Исходя из приведенных работ и публикаций П.А. Кулаковского, можно сделать следующие выводы. Во-первых, белорусские земли ученый считал исконно русскими землями, тем самым считая процессы, происходившие с белорусскими землями в ходе разделов Речи Посполитой, именно воссоединением с Россией. Во-вторых, Кулаковский считал белорусский народ частью триединого русского этноса. Отсюда вытекает и третий вывод: белорусский язык Кулаковский признавал только лишь в качестве диалекта, но никак не языком самостоятельного славянского этноса. Из всего этого следует, что будущее белорусских земель он связывал исключительно с Российской империей, не допуская возможности отделения или обособленности данного региона. Более того, он считал возможным объединение всего славянского мира под эгидой Российской империи как единственного суверенного оплота славянства на тот момент времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. П. К. [П. А. Кулаковский] Значение русского племени в России // Окраины России. – 1906. – 5 марта. – С. 6.

2. **Бондаренко, К. М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века : монография / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.

3. **Карев, Д. В.** Западноруссизм и его представители // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1. – 2009. – № 2. – С. 90–102.

4. **Кулаковский, П. А.** Польский вопрос в прошлом и настоящем / П. А. Кулаковский. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1907. – 58 с.

5. Из польской печати // Окраины России. – 1912. – № 19. – С. 295.

6. **Кулаковский, П. А.** Русские сепаратизмы / П. А. Кулаковский // Окраины России. – 1912. – № 7. – С. 97–99.

7. **Кулаковский, П. А.** Славянские съезды и польский вопрос / П. А. Кулаковский. – СПб. : Тип. В.Д. Смирнова, 1910. – 55 с.

8. **Кулаковский, П. А.** Новый вид сепаратизма – белорусофильство / П. А. Кулаковский // Окраины России. – 1907. – № 20. – С. 305–308.

Поступила в редакцию 24.12.2021 г.
Контакты: foxarcher5@gmail.com
(Апекунов Владислав Александрович)

Apekunov V. A. THE PAST AND PRESENT OF THE BELARUSIAN PEOPLE IN P.A. KULAKOVSKY'S WORKS

The article is dedicated to the Slavist of the late 19th – early 20th centuries P.A. Kulakovsky and his research in the field of the «Belarusian issue» published in the magazine «Okrainy Rossii» («Outskirts of Russia») in 1906–1912, as well as in separate editions. A brief description of these works is given, and the views of the scientist on this issue are shown. The article draws attention to the fact that for the scholar the «Belarusian issue» was of considerable interest, which was conditioned by the number of publications on this topic. Kulakovsky examined the «Belarusian issue» from the standpoint of Western Russianism. In accordance with this trend, the scientist proved that the Belarusian people were part of a triune ethnic group, along with the Russians and Ukrainians, and the Belarusian language was a dialect, and not an independent language. Kulakovsky inextricably linked the future of the Belarusian lands with Russia. Moreover, he considered it possible to unite the entire Slavic world under the auspices of the Russian Empire, as the only sovereign stronghold of the Slavs at that time.

Keywords: Slavic studies, «Outskirts of Russia», «Belarusianism», «Belarusian question», national movement, Western Russianism.

УДК 296(476.4)

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ «РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НЕКРОПОЛЯ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Н. М. РОМАНОВА**Г. Н. Белява**

соискатель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В настоящей статье впервые в белорусской историографии предпринимается попытка комплексного анализа материалов, сохранившихся в фондах Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), представленных Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Полоцкой консисториями в 1908–1912 гг. для публикации 4-го тома «Русского провинциального некрополя» великого князя Н. М. Романова. Изучены 4 701 эпитафия с территории 846 некрополей белорусских епархий, определены принципы отбора эпитафий, методика работы над «Русским провинциальным некрополем», выявлены ценность и недостатки «Некрополя» как исторического источника по некрополистике белорусских земель XIX – начала XX в.

Ключевые слова: исторический источник, некрополь, эпитафии, консистория, епархия, надгробия, рапорт.

Введение

В 1908–1914 гг. по инициативе великого князя Н. М. Романова в Российской империи был реализован широкомасштабный научный проект. Все епархии получили задание представить списки погребенных в церквях и на кладбищах духовных лиц, дворян и наиболее крупных общественных деятелей [1, с. 5-6]. Часть собранных материалов была представлена в изданиях «Московский некрополь» (1907–1908 гг.), «Петербургский некрополь» (1912–1913 гг.), в первом томе «Русского провинциального некрополя» (1914 г.). Списки Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Полоцкой епархий должны были войти в четвертый том «Русского провинциального некрополя». Первая мировая война, Октябрьская революция не позволили реализовать проект. В 1919 г. Николай Михайлович Романов был расстрелян. Архив, не соответствующий идеологии новой власти, чудом сохранился в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного литературного музея (ГЛМ). Материалы «Некрополя» представляют научный инте-

рес, поскольку содержат сведения по истории Беларуси XIX – начала XX в. Однако ни в отечественной, ни в зарубежной историографии исследования в данном направлении не проводились.

Основная часть

Несмотря на то что указ о предоставлении материалов для публикации четвертого тома «Русского провинциального некрополя» поступил от Святейшего Синода 29 ноября 1908 г., белорусским консисториям понадобилось значительное время для сбора информации. Быстрее всех была проведена работа Гродненской консисторией, которая представила сводный список 22 декабря 1909 г.: эпитафии с православных храмов и кладбищ [2, л. 7–10, 30–32; 3, л. 9–78]; иудейские кладбища [3, л. 3–4, 37, 82–84; 4, л. 132–135; 5, л. 29]; эпитафии с костелов и католических кладбищ [4, л. 26–27; 5, л. 261–262, 294, 359–363, 365–366, 369–370; 6, л. 183–184, 187–188, 212, 217–221, 223–225, 231–232; 7, л. 7–10, 16, 41, 47–48]. В результате удалось провести анализ 693 захоронений с территории 217 некрополей. Самой ранней эпитафией является надпись Сынковичского храма «Multis ille bonis flebi lis occidit. A.D. 1368» (Он умер, оплакиваемый многими хорошими (людьми). Лета Господня 1368. – Б.Г.) [3, л. 11]. Виленская епархия дослала затребованные сведения 2 января 1910 г.; православные [5, л. 36–57, л. 58–79, 149, 157–260; 6, л. 28–35; 8, л. 37–43, 45]; католики [5, л. 287–289, 296–301, 362–366, 369–370; 6, л. 203–210, 219–220, 226–227, 233–236; 7, л. 2–6, 43–46; л. 180–188; 9, л. 255–256, 320]; протестанты [10, л. 50]; иудеи [11, л. 2, л. 19]; караимы [11, л. 39]. Анализ 1719 эпитафий 151 некрополя показал, что самой ранней эпитафией является надмогильная надпись, расположенная в Маломожейковской церкви: «Год от Рождества Христова 1469. Христов раб Иерей Авраам» [5, л. 59].

10 августа 1910 г. списки эпитафий, сделанные с 1194 надгробий 213 храмов и кладбищ: православные [12, л. 1–90, 98–99]; лютеране [13, л. 1], иудеи [12, л. 92–95], до-

слала Минская консистория. Самой ранней эпитафией является надпись за 1560 г., сделанная на камне у порога Успенской церкви, приписной к Смиловичской приходской церкви Игуменского уезда [13, л. 35]. К XII в. относится запись Ильинской церкви м. Туров: «При кладбище Борисо-Глебской церкви по преданию погребен святой Кирилл, епископ Туровский, живший в XII в. Место его могилы не известно» [12, л. 44]. 12 октября 1910 г. Полоцкая епархия представила донесения раввинов [14, л. 4–12, 15–30], а 25 января 1912 г. – сводный список православных погребений [2, л. 111–112; 6, л. 24, 25; 7, л. 51–52; 14, л. 14, 33–44]. Документы сопровождалось письмом епископа Полоцкого и Витебского Никодима [14, л. 14]. В исследовании проведен анализ 443 захоронений с территории 87 некрополей. Самой ранней эпитафией является надгробная надпись Витебского Марков Троицкого монастыря, принадлежавшая похороненному внутри Троицкой церкви Радзкевичу [14, л. 43].

Могилевская консистория дослала сводный список погребений с сопроводительным письмом епископа Могилевского и Мстиславского Стефана (№ 805 от 13 октября 1911 г.) [15, л. 128]. После письма составителей от 25 октября 1911 г. 3 ноября 1911 г. Могилевская консистория дослала и подлинные донесения: православные [7, л. 122–123; 16, л. 1–112]; иудеи [16, л. 113–127]. Общий объем материалов составляет 652 эпитафии. Самым ранним захоронением являлось надгробие при Вознесенской церкви г. Могилева Марии Тимофеевны Рони, «щурка Тимофея Рони в паненском стане». Умерла 27 апреля 1644 г. [15, л. 41].

В результате изучения материалов фондов Н. М. Романова были распределены по благочиниям 4 701 эпитафия с 846 некрополей Виленской, Гродненской, Могилевской, Минской, Полоцкой епархий.

Не все благочиния представлены в списках. Например, отсутствуют материалы 1-го, 2-го, 5-го округов Гомельского уезда, 1-го, 2-го Чериковского уезда. 1-е благочиние Климовичского уезда представлено исключительно захоронениями с. Петровичи. В дела фонда по Могилевской епархии ошибочно внесены списки, составленные по надгробиям воинов 99-го пехотного Ивангардского полка Двинского крепостного кладбища Полоцкой епархии [15, л. 7]. Не удалось определить месторасположение Дерлянской, Дугаевской, Моровской, Отрешевской церквей, материалы о которых со-

держатся среди документов 2-го благочинного округа Речицкого уезда Минской епархии [12, л. 72] и др. Благодаря «Некрополю» мы определили, что современное «Старосеменовское кладбище г. Витебска» в начале XX в. фигурировало как Николаевское гарнизонное кладбище г. Витебска [6, л. 24], Оршанское кладбище г. Горки Могилевской области в списках называется Успенским [15, л. 142–143].

Разнится оформление списков. Например, сводный список Могилевской и Полоцкой епархий представлен в виде таблицы, набранной на пишущей машинке, с указанием благочиний, уездов, населенных пунктов, описанием эпитафий, мест погребения усопших. Материалы остальных епархий представлены в виде разрозненных рапортов протоиереев.

Поскольку инструкция о предоставлении необходимых данных поступила от инициаторов издания лишь в 1910 г., до этого момента сбор информации происходил в соответствии с приоритетами и способностями священников. Как результат – рапорты священников значительно отличаются по своему содержанию. Так, сведения с захоронений могилевских кладбищ, женского монастыря г. Орши были даны кратко: фамилия, имя, отчество, даты жизни, наличие памятника [15, л. 107–109], а в материалах кладбища 62-го Суздальского полка Гродненской губернии в списках указаны ряд и номер погребения, зачастую причина смерти [5, л. 31–32].

Практически все списки сделаны на русском языке. Надписи с погребений иудеев присланы на языке оригинала – иврите (с переводом и характеристикой личных качеств усопших) [15, л. 113–127].

Из 4 701 эпитафии 711 содержали информацию о конфессиональной принадлежности усопших: 527 (74 %) – католики, 163 (23 %) – иудеи, 14 (2 %) – лютеране, 7 (1 %) – униаты. В 3 989 эпитафиях религиозная принадлежность указана не была, что позволяет предположить, что протоиереи не смогли ее определить, или захороненные были православными, поскольку усопшие были погребены на территории православных храмов и кладбищ.

Наибольшее количество надгробных надписей на польском языке приведено в списках Виленской епархии – 408 эпитафий.

Рапорты Полоцкой епархии отличаются многочисленным списком в 110 эпитафий с надгробий иудеев (однако это лишь 24,8 % от 443 представленных консисторией погребальных надписей). В 1861 г. на территории Мо-

гилевской губернии проживало 123 243 иудея [17, с. 74–75], однако в фондах представлено лишь 4 захоронения с еврейского кладбища г. Могилева. И даже эти материалы в сводные списки консистории, подготовленные для отправки в Санкт-Петербург, включены не были. Исследования на местности показали, что, несмотря на то, что к 2021 г. на территории Католического и Лютеранского кладбищ г. Могилева сохранились памятники, в 1908–1910 гг. материалы по ним в списках консистории представлены не были.

3 726 (79,3 %) эпитафий принадлежит мужчинам, 944 (20,1 %) – женщинам, 30 (0,6 %) – неидентифицированы, что говорит о гендерном принципе отбора материала. Данный принцип прослеживается в женских эпитафиях, на которых прописывался статус мужа или отца и, следовательно, положение, которое женщина занимала при жизни: «жена действительного статского советника» и т. д. Списки позволяют судить об общественно-социальных представлениях заказчиков памятника. Например, вместо краткого «дочь» предпочтением отдавалось надписи «дочь статского советника».

В 3 581 надгробной надписи присутствуют даты рождения и смерти, что позволило выяснить: большинство эпитафий – 486 (20,7 %) принадлежат людям, умершим в возрасте 60–69 лет, 449 (19,1 %) – 50–59 лет. К этому возрасту усопшие достигали определенной социальной значимости. Детям до 10 лет принадлежат 120 (5,1 %) надгробий (большинство умерших детей относились к сословию священников или дворян).

Списки «Русского провинциального некрополя» являются источником, определяющим статус захороненных. Так, среди гражданских чинов в эпитафиях упоминаются практически все чины табеля о рангах. Из священничества в списках приведены данные об архиепископах, архимандритах, игуменах. В документах упоминаются: настоятели, казначеи монастырей, протоиереи, ключари собора, иереи, монахи, игумены, дьяконы, псаломщики, церковные старосты. В списках есть сведения о раввинах, ксензах, униатских священниках. Эпитафии надгробий позволяют отследить дворянские титулы погребенных: князья, графы, бароны. Критерием отбора надгробий для размещения данных в списки некрополя выступали военные чины погребенных. Так, в списки были внесены генерал-фельдмаршал, генерал-лейтенанты, ге-

нерал-майоры, генералы, полковники, подполковники, майоры, капитаны, штабс-капитаны, поручики, подпоручики.

Дальнейший анализ содержания эпитафий утвердил предположение, что в основе отбора надгробий лежал сословно-генеалогический принцип. Так, из 2 194 идентифицированных по сословному признаку захоронений 1335 (61 %) принадлежат священникам и членам их семьи, 598 (27,2 %) – дворянам, 229 (10,4 %) – крестьянам, 23 (1 %) – купцам, 9 (0,4 %) – мещанам.

Особенностью списков Виленской епархии является большой процент крестьянских захоронений – 221 (36,1 %). Большую часть информации по крестьянам было получено благодаря 186 эпитафиям с Рукоинского православного кладбища Виленского уезда. Составитель рапорта не придерживался сословно-гендерного принципа, использовал материалы метрических книг 1866–1909 г. [8, л. 38–43]. Из шести эпитафий (1,4 % от 424 идентифицированных надписей) крестьян Гродненской губернии пять принадлежат лицам, погибшим от рук «польских мятежников» в период восстания 1863–1864 гг., что, видимо, и стало поводом для внесения их в списки. В то же время сложно определить, по какой причине не были внесены в рапорты протоиереев соответствующие инструкции сохранившихся к 2021 г. 70 надгробий Машековского кладбища г. Могилева и 73 захоронений городского кладбища Феодоровского собора г. Пинска.

Неответственными показали себя и составители общих списков. В сводные списки Могилевской консистории не было внесено 96 эпитафий, содержащихся в рапортах могилевских священников. В список «отвергнутых» попали представители местной элиты: статский советник Н. Г. Гортынский (1793–1887 гг.), граф Г. М. Цукатто [15, л. 141], князь В. А. Оболенский [15, л. 53] и др. В связи с неразборчивым почерком составителя рапорта в списки не был внесен священник Вознесенской церкви г. Могилева Михаил Бучеров, похороненный возле Троицкой церкви г. Могилева [15, л. 43].

Основанием для внесения в списки могли быть пожертвования монастырям и церквям, оказание помощи в строительстве храмов, заслуги перед городом, государством, высокое покровительство умершим. Так, в списки был внесен протоиерей И. Григорович, похороненный у Петропавловского собора г. Гомеля, в

приписке было дано пояснение: «Родственник архипастыря Георгия Конисского» [15, л. 133], мстиславский мещанин Н. А. Зеранин, пожертвовавший обители луг в 21 десятину, и П. Зеранин, за которого внесли вклад в 2000 рублей [15, л. 110], строитель церквей брестский подкоморий Зенон Выслоух, на средства которого в 1850 г. была построена Свято-Успенская Перковичская церковь (Кобринский уезд Гродненской губернии) [3, л. 34], М.-К. Цецелло – строитель Бенецкого Троицкого костела (Ошмянский уезд Виленской губернии) [7, л. 182], М.-Ф. Огинский – строитель костела святого Роха в Полочанах [5, л. 296] (Вилейский уезд Виленской губернии).

Ценность материалов «Некрополя» заключается в том, что многие упомянутые надгробия были уничтожены: из 69 захоронений Воскресенского кладбища г. Могилева до наших дней дошли лишь 17 (24,6%), из 27 надгробий Машековского кладбища г. Могилева сохранилось 17 (48,1%), из 122 захоронений городского кладбища Феодоровского собора г. Пинска – 17 (14%). Списки фондов Н. М. Романова позволяют установить или подтвердить место погребения многих исторических деятелей: минских вице-губернаторов Н. П. Люби, И. А. Никотина, И.С. Малафеева [12, л. 8], могилевских губернаторов Г. И. Черемесинова [15, л. 52], Д. А. Толстого, [15, л. 131], генерал-губернатора новоприсоединенных областей Речи Посполитой М. Н. Кречетникова [12, л. 76], епископов Минских и Туровских Варлаама, Симеона [12, л. 1], епископа Полоцкого и Витебского Александра (1834–1899 гг.) [14, л. 33] и др.

Благодаря материалам «Некрополя» можно идентифицировать останки князя И. И. Шуйского, найденные при капитальном ремонте церкви Преображения Господня в д. Теребунь Брестской области [3, л. 65], представителей родов Коцелло и Швыковских [7, л. 182], чьи склепы в Бенецком Троицком костеле Ошмянского уезда Виленской губернии были разграблены в советский период; пересмотреть место и время смерти поэта-переводчика, активного деятеля Русского географического общества М. П. Вронченко [15, л. 138]; уточнить даты рождения и смерти генерал-майора Д. Ф. Афанасьева [3, л. 79], вологодского генерал-губернатора С. Ф. Хоминского [6, л. 206] и др.

Вопреки указаниям протоиереи иногда вносили в списки фамилии значимых для округа людей, у которых ко времени составления рапорта уже не было надгробий (священники

М. С. Леонов, В. М. Загоровский Бабчинской церкви Речицкого уезда Минской епархии) [12, л. 74]. Священник В. Вечорка, делавший записи, отметил в примечании: «Нет следов могил» [12, л. 74].

Историческую ценность имеют дополнительные сведения, приведенные в донесениях. Так, списки могут помочь восстановлению внутреннего вида храма Пустынского Успенского монастыря [15, л. 191], частично восстановить места расположения, даты основания и реконструкции, внутренний вид школы Цуки Ратнера, Резницкой школы, Большой синагоги, Любавичской молельни, синагоги Цукермана, школы Весикин г. Могилева [15, л. 27–28], по подробному описанию восстановить утраченные надгробные сооружения.

Рапорты позволяют установить имена священников, составлявших списки, соотнести их с временными рамками их служения. Так, общий список 2-го округа Минского уезда Минской епархии был подписан священником И. Флеровым [12, л. 16], материалы Переспенского кладбища г. Минска – священником В. Павлюкевичем [12, л. 7]. Информация по 1-му благочинию Игуменского уезда Минской епархии была подана священником М. Трушинским [12, л. 36].

Хронологический принцип классификации эпитафий показал, что из 3581 надгробной надписи, имеющей даты, 65 (1,8 %) относятся ко временам Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, 3516 (98,2 %) – к периоду истории белорусских земель в составе Российской империи.

При сопоставлении с другими источниками было выявлено, что рапорты требуют уточнения, поскольку содержат ошибки. Так, возможной ошибкой является дата смерти могилевского губернатора Н. А. Скалона: «Умер в 1873 г.» [15, л. 102]. В «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского указано, что датой смерти является 2 ноября 1857 г. [18, с. 220–221], аналогичная дата зафиксирована и в «Памятной книжке Могилевской губернии на 1861 г.» [19]. Не все священники перепроверяли данные. Так, на кладбище Свято-Николаевской церкви в селе Лашы Гродненского уезда находился памятник моряку Антону Лойко, погибшему 14 мая 1906 г. на броненосце «Александр III» в Цусимском бою [3, л. 75]. В рапорте указана неверная дата Цусимского боя. Ошибка была допущена еще при создании надмогильного памятника, который сохранился к 2021 г., и была бездумно переписана.

Заклучение

Материалы, собранные Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Полоцкой консисториями в 1908–1912 гг. для публикации 4-го тома «Русского провинциального некрополя» великого князя Н. М. Романова, сохранились в фондах Российского государственного исторического архива. Удалось выявить 4 701 эпитафию с территории 846 некрополей. Поскольку инструкция о необходимых для сбора данных материалах была дослана лишь в 1910 г., все представленные материалы разнятся по своему содержанию.

По сводным спискам Могилевской и Полоцкой консистории можно сделать вывод, что неразборчивый почерк составителей списков, отсутствие дат, имени-отчества, фамилии, указания на сословную принадлежность, чин, невнимательность переписчиков приводило к тому, что лицо исключалось из общих списков будущего «Некрополя». Материалы Виленской, Гродненской, Минской епархий представлены в виде разрозненных рапортов протоиереев.

В отборе персон составители придерживались сословно-генеалогического, гендерного, конфессионального принципов. Главными критериями отбора фамилий для внесения в списки являлись: 1) наличие памятника, 2) принадлежность к высшим сословиям, 3) конфессиональная принадлежность, 4) заслуги умерших перед государством или православной церковью, 5) родственные связи, 6) высокое покровительство.

Недостатком «Некрополя» является недобросовестность переписчиков рапортов, неверно указанных дат, имена, фамилии усопших, исключение из общих списков людей по гендерному, сословному, конфессиональному признаку. Многие сохранившиеся на белорусских кладбищах к 2022 г. надгробия соответствуют инструкции, однако в рапорты в свое время они внесены так и не были. Все это указывает на неполноту собранных в архиве материалов, необходимость дополнительного изучения, уточнения их достоверности.

В то же время материалы «Некрополя» являются важным историческим источником по истории Беларуси XIX – начала XX в., поскольку подтверждают многие известные исторические факты, помогают определить ряд лиц, которые считались элитой белорусских губерний, уточнить их биографии, дополнить родословия неизвестными ранее персонами, определить списки церквей, монасты-

рей, кладбищ, места и даты застройки, реконструкции, описать внутренний и внешний вид некрополей, определить названия кладбищ и церквей. Особенностью «Некрополя» является то, что он может выступать источником по истории XV–XVIII вв., поскольку фрагментарно содержит сведения по данному периоду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Романов, Н. М.* Русский Провинциальный Некрополь / Н. М. Романов – Москва : типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1914. – Т. 1. – 1020 с.
2. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 2.
3. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 11.
4. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 48.
5. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 56.
6. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 54.
7. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 55.
8. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 51.
9. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 52.
10. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 37.
11. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 19.
12. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 20.

13. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 18.

14. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 27.

15. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 549. – Оп. 2. – Д. 22.

16. Управление делами Вел. Кн. Николая Михайловича МИДв // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 821. – Оп. 150. – Д. 32. – Л. 24–28.

17. Памятная книжка Могилевской губернии на 1861 год, изданная Могилевским губернским правлением. – Могилев : Типография губернского правления, 1861. – 144 с.

18. **Лобанов-Ростовский, А. Б.** Русская родословная книга : в 2 т. / А. Б. Лобанов-Ростовский. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1895. – 2 т. – 488 с.

19. Памятная книжка могилевской губернии на 1863 год, изданная Могилевским губернским правлением. – Могилев : Типография губернского правления. 1862. – 369 с.

Поступила в редакцию 06.06.2022 г.

Контакты: h.belyaeva@mail.ru

(Беляева Галина Николаевна)

Belyaeva G. N. CHARACTERISTICS OF THE MATERIALS OF THE «RUSSIAN PROVINCIAL NECROPOLIS» BY GRAND DUKE N. M. ROMANOV

For the first time in the Belarusian historiography, an attempt is made to comprehensively analyze the materials preserved in the funds of the Russian State Historical Archives (St. Petersburg), presented by the Vilna, Grodno, Minsk, Mogilev, Polotsk consistories in 1908–1912 for the publication of the fourth volume of the «Russian Provincial Necropolis» by the Grand Duke N. M. Romanov. 4701 epitaphs from the territory of 846 necropolises of the Belarusian dioceses have been identified and studied, the principles of their selection and the methodology applied to study the «Russian Provincial Necropolis» have been determined, the value and shortcomings of the «Necropolis» as a historical source for the necropolis studies of the Belarusian lands of the XIX – early XX centuries have been revealed.

Keywords: historical source, necropolis, epitaphs, consistory, diocese, tombstones, report.

УДК 94(476)«1911/1914»

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ПРАВЫХ ПАРТИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1911–1914 гг.)

Е. И. Головач

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Органы земского самоуправления в белорусских губерниях были созданы в 1911 г. после распространения на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. В статье показано, что представители либеральных и правых партий в 1911–1914 гг. входили в состав земских распорядительных и исполнительных органов власти, принимали активное участие в разработке и практической реализации мероприятий в социально-экономической сфере, направленных на улучшение жизни широких слоев населения.

Ключевые слова: земская система, земские органы самоуправления, белорусские губернии, выборы, либеральные и правые партии, социальные вопросы, губернские и уездные земские собрания, губернские и уездные земские управы.

Введение

Создание системы земского самоуправления на территории белорусских губерний явилось важным фактором, оказавшим существенное влияние на социально-экономическое развитие Беларуси в начале XX в. В отечественной историографии развитию органов земского самоуправления в белорусских губерниях посвящены работы В.П. Слобожанина, Н.С. Моторовой [1; 2]. В то же время до сих пор не был подробно рассмотрен вопрос об участии либеральных и правых партий в деятельности распорядительных и исполнительных земских органов власти, направленной на решение важных социально-экономических проблем.

Основными источниками по теме исследования выступили материалы из фондов Национального исторического архива Беларуси, а также материалы из периодических изданий начала XX в. В совокупности приведенные выше источники позволяют определить основные направления деятельности земских органов самоуправления в белорусских губерниях, а также участие в них представителей политических партий.

© Головач Е. И., 2022

Основная часть

14 марта 1911 г. был принят указ Николая II «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Вольнскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии», по которому в обозначенных губерниях создавались местные органы самоуправления. Уже в августе-октябре 1911 г. Витебская, Минская и Могилевская земские управы начали свою работу. По итогам выборов следующие представители либеральных и правых партий были избраны гласными земских собраний:

– Витебская губерния: Б.А. Бируля-Бельницкий (октябрист), Н.Н. Евреинов (октябрист), М.К. Ермолаев (правый), С.Р. Кириллов (русский националист), Я.Н. Офросимов (русский националист), Ф.И. Петроченко (правый) [3, с. 1; 4, с. 1; 5, с. 2; 6, с. 1].

– Минская губерния: С.Д. Вербило (русский националист), Д.К. Вощинин (кадет), В.А. Кадыгров (русский националист), И.Я. Павлович (октябрист), И.А. Папа-Афанасопуло (русский националист), А.П. Фотинский (русский националист) [7, л. 2об., 20, 30, 49, 59].

– Могилевская губерния: К.В. Банин (кадет), Г.В. Выковский (кадет), Н.К. фон Гюббенет (русский националист), В.С. Дрибинцев (октябрист), Н.Н. Ладомирский (русский националист), А.А. Радкевич (правый), И.П. Сазонович (октябрист), Ф.Я. Хоментовский (кадет), Л.Н. Чачков (октябрист), Б.А. Энгельгардт (октябрист) [8, с. 1; 9, с. 1; 10, с. 1; 11, с. 1; 12, с. 1].

Кроме того, члены политических партий являлись председателями уездных земских управ: И.А. Папа-Афанасопуло (Пинская уездная земская управа с 1915 г.), В.С. Дрибинцев (Рогачевская уездная земская управа), А.П. Фотинский (Пинская уездная земская управа).

Член Государственного совета от Витебской губернии Я.Н. Офросимов отмечал, что выборы 1911 г. в губернские и уездные управы можно считать удачными. По его мнению, в местные органы самоуправления оказались выбранными люди, для которых самым глав-

ным являлось желание «послужить земству и доказать, что в русском обществе имеется достаточно культурных сил и что русские националисты могут править и без поляков» [13, с. 154–155]. В качестве важного критерия для определения пригодности избранных лиц для работы в земствах он называл наличие у них высшего образования, а также высокий уровень имущественного ценза [13, с. 155].

Одним из наиболее важных направлений земской деятельности являлось оказание агрономической помощи населению белорусских губерний. Так, например, в витебском земстве для улучшения местного полеводства и коневодства была создана агрономическая комиссия, председателем которой являлся уездный и губернский гласный Минской губернии И.А. Папа-Афанасопуло. В феврале 1912 г. на первом очередном губерньском земском собрании он обратил внимание на то, что бывший губернский комитет за все время своего существования выделил на агрономические нужды всего лишь 78220 рублей, то есть 0,58% от всего сбора с местного населения. По мнению И.А. Папа-Афанасопуло, ассигнование таких незначительных сумм не могло способствовать решению земских проблем по агрономической части [14, с. 85–86].

Могилевская уездная земская управа пригласила на службу трех агрономов, а также запланировала на 1914 г. увеличение числа агрономических старост и агрономических участков. Для реализации намеченных мероприятий управа возлагала надежды на государство, рассчитывая, что большую часть расходов оно возьмет на себя. По мнению членов управы, на экономическое благополучие крестьянской части населения должно обращать внимание не только правительство, но и органы земского самоуправления, в руках которых «находится и право, и возможность содействовать процветанию в России земледелия и сельскохозяйственной промышленности» [15, с. 31].

Значительное внимание в своей деятельности земства в белорусских губерниях уделяли проведению курсов и выставок для крестьянской части населения. Так, в марте 1912 г. могилевское сельскохозяйственное общество организовало в селе Пашково курсы по молочному хозяйству. В мае того же года была проведена экскурсия в Данию и Швецию с целью ознакомления с ведением сельского хозяйства [16, с. 47]. С 25 сентября 1913 г. действовали двухнедельные курсы по кормодобыванию в м. Койданово Минского уезда [17, л. 12]. С 10 декабря 1913 г. в м. Самохваловичи Минского уез-

да были организованы курсы для крестьян по скотоводству и молочному хозяйству [17, л. 24].

В начале 1913 г. Минская губернская земская управа решила организовать центральные сельскохозяйственные курсы в Минске продолжительностью один месяц, а также передвижные курсы для крестьян губернии, чтобы поднять культурный уровень местного населения. Специфика передвижных курсов заключалась в том, что они длились три недели, а занятия проводились по молочному хозяйству, садоводству, огородничеству и пчеловодству [18, л. 166–167]. Согласно положению о центральных курсах предусматривалось участие шести крестьян от каждого уезда Минской губернии, которым оплачивался проезд и содержание из расчета по 60 копеек в сутки [18, л. 208].

В 1913 г. Могилевская уездная земская управа решила учредить земскую кассу мелкого кредита. Впервые данная проблема обсуждалась на собрании в 1912 г., и для принятия окончательного решения была создана специальная комиссия [19, с. 29]. Однако в 1913 г. земская касса мелкого кредита так и не была создана. При этом на страницах печатного органа «Вестник Могилевского земства» это объяснялось «исключительной осторожностью, характеризующей первые шаги молодого земства во всех сферах его деятельности» [19, с. 30].

В 1913 г. на заседаниях Могилевской земской управы обсуждался вопрос об открытии местного земского склада сельскохозяйственных орудий и машин, что позволило бы сделать их более доступными для всех слоев населения. Для реализации данной задумки было принято решение о вступлении земства в качестве пайщика в «Киевское товарищество западных земств по продаже сельскохозяйственных машин и орудий», а также совместном открытии склада в Могилеве [19, с. 30]. Несмотря на то что у такого предложения было немало противников, к 1914 г. Могилевское уездное земство достигло всех поставленных целей.

Председатель Пинской уездной земской управы А.П. Фотинский принимал непосредственное участие в создании экономического совета в Минской губернии, являвшегося, согласно его уставному документу, постоянным совещательным органом по сельскохозяйственным вопросам [20, л. 17–17об.]. 4 февраля 1912 г. «Положение о губерньском сельскохозяйственном совете» было утверждено. Согласно данному документу целью совета являлась разработка мероприятий для оказания сельскохозяйственной помощи насе-

лению Минской губернии. В 1913 г. в состав губернского сельскохозяйственного совета входил в качестве действительного члена И.А. Папа-Афанасопуло [21, л. 18–18 об.].

Серьезное внимание земства белорусских губерний уделяли поиску путей решения такой важной проблемы, как недостаток кормов, оказывающей негативное влияние на развитие скотоводства и полевого хозяйства. Выход из данного положения они видели в осуществлении мероприятий, направленных на осушение болот и дальнейшее использование этих территорий для посева кормовых растений. С этой целью в Могилевской губернии проводились чтения кратких курсов по культуре болот и луговодству, ботанико-географические обследования пойм некоторых рек, организовывались показательные участки и прочее.

Кроме того, возможность использования бесплодных и почти не приносящих никакого дохода заболоченных земель могла способствовать решению такой важной проблемы, как малоземелье, а также привело бы к существенному улучшению хозяйственного и экономического положения населения Северо-Западного края. В первую очередь имелся в виду район Полесья, в котором насчитывалось свыше 4 млн десятин болот [22, л. 10]. Именно с этой целью в 1911 г. была основана Минская опытная болотная станция [22, л. 11 об.]. 10 июля 1913 г. на втором чрезвычайном земском собрании было принято Положение станции, в котором нашли отражение основные направления ее деятельности. Среди членов болотной комиссии можно назвать одного представителя политических партий – И.А. Папа-Афанасопуло [22, л. 27, 30].

Важной социальной проблемой в начале XX в. в Российской империи являлось неудовлетворительное состояние врачебных и благотворительных учреждений приказов общественного призрения. По примеру других земств выборные земские органы, существовавшие в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, проявляли заботу о лицах, не способных к самостоятельному существованию. Они приняли на себя содержание богаделен для престарелых и нетрудоспособных неимущих слоев населения, сиротских домов. Однако их собственный бюджет не позволял покрыть все необходимые расходы в полном объеме, поэтому земские органы Северо-западного края осуществляли работу по изысканию постоянных источников доходов на общественное призрение, возлагая огромные надежды на финансирование со стороны государства.

Так, например, в ведении Могилевского губернского земства находились губернская больница, георгиевская психиатрическая лечебница, еврейская больница. В 1912 г. при перечисленных учреждениях земство учредило советы, а также разработало проект правил для приема больных в психиатрическую лечебницу, который был утвержден губернским земским собранием 8–16 января 1913 г. [23, л. 20 об.–21]. Однако, так как самостоятельно земство не могло содержать эти учреждения, в 1913 г. Могилевская уездная управа приняла решение о ходатайстве к правительству о выделении субсидии в размере $\frac{3}{4}$ необходимой суммы [19, с. 32].

В честь празднования 300-летия царствования Дома Романовых Могилевское губернное земство учредило инвалидный дом для престарелых земских служащих [23, л. 17].

Значительное внимание уделялось земствами мероприятиям по борьбе с эпидемиологическими заболеваниями (например, холерой). Для этого при Могилевской губернской больнице было построено здание барака, предназначенное для размещения больных. На случай же появления в губернии эпидемии учреждался особый фонд, средства которого предполагалось потратить на противохолерные мероприятия [23, л. 20 об.–21].

С момента создания в белорусских губерниях земских органов самоуправления в их ведение были переданы вопросы, связанные с открытием и учреждением народных и ремесленных училищ, школ повышенного типа. Поэтому земства внесли важный вклад в развитие и дальнейшее совершенствование народного образования. Так, могилевское земство выделяло ассигнования на содержание стипендиатов в учительских семинариях, субсидировало местные учительские общества взаимопомощи, выдавало стипендии и пособия на образование отдельным лицам, содержало земский книжный склад [23, л. 21 об.].

На протяжении нескольких лет Могилевская уездная управа обсуждала вопрос об открытии в Могилеве среднего технического училища, обеспечивающего интересы населения на всей территории губернии. Проблема заключалась в том, что управа не имела необходимых средств для реализации данной задумки. С этой целью было решено обратиться за помощью в Могилевское губернное земство, чтобы оно ассигновало средства хотя бы на первые 10 лет существования училища. Члены губернского собрания приняли решение одновременно выделить из губернских земских средств на содержание училища 13500 тыс. рублей, а затем

ежегодно выделять по 2 тыс. рублей. Инициативу поддержала и городская дума, согласившись ежегодно ассигновать по 2 тыс. рублей и одновременно 10 тыс. рублей; отвести под постройку здания для училища 1 дес. 211 кв. сажен городской земли [24, с. 46].

С целью расширения в Могилевском уезде сельскохозяйственного образования и развития среди местного населения прикладных знаний по разным отраслям крестьянского хозяйства земской уездной управой в 1913 г. было организовано несколько учебных показательных мастерских в разных частях уезда, а также в Могилеве [19, с. 31].

Могилевское земство явилось инициатором создания единой фельдшерско-акушерской школы путем объединения фельдшерской и повивальной школ. В начале 1912 г. в этом учебном заведении насчитывалось 172 ученика, 50 из которых являлись пансионерами и представляли Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии [25, л. 17]. Следует отметить, что окончательное решение по данному вопросу не было принято в рассматриваемый период времени и планировалось продолжить его обсуждение с 1914/1915 учебного года [25, л. 78].

Заседание Минского губернского земского собрания 26 января 1912 г. было посвящено обсуждению вопросов о финансировании данного учебного заведения. При этом некоторые земцы, в том числе И.А. Папа-Афанасопуло, подняли вопрос о прекращении выделения субсидии могилевской школе. В свою очередь, А.П. Фотинский считал необходимым сначала выяснить, насколько фельдшерский персонал этой школы возмещает производимые минским земством затраты [25, л. 45].

Важным начинанием земских органов самоуправления с момента их возникновения в Витебской, Минской и Могилевской губерниях явился вопрос о создании пенсионных касс для служащих земских учреждений. В ходе работы первых очередных уездных земских собраний Могилевской губернии на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости обеспечить земских служащих возможностью получать пенсии по старости и инвалидности [26, л. 18]. При разработке проекта устава пенсионной кассы служащих в земстве Могилевской губернии в качестве примера использовались уже действующие пенсионные уставы других земств (Вологодского, Новгородского, Смоленского и др.) [26, л. 187].

19 декабря 1913 г. третье очередное губернское земское собрание приняло проект уста-

ва пенсионной кассы служащих в земстве Могилевской губернии и отправило его на утверждение в вышестоящие инстанции [26, л. 285].

Решением аналогичной социальной проблемы, связанной с учреждением пенсионной кассы, занимались минские выборные земские органы. Следует отметить, что проект ее устава, предложенный для введения в Минской губернии, был аналогичным по своему содержанию с тем проектом, который разработало могилевское земство. Единственным отличием можно назвать возрастную цензу, а именно не допускались к вступлению в число участников пенсионной кассы лица старше 50 лет в Минской губернии и лица старше 70 лет в Могилевской губернии [26, л. 199; 27, л. 2]. Среди архивных материалов не удалось найти информацию о том, была ли учреждена пенсионная касса в земских органах самоуправления Витебской губернии или же нет. Но можно предположить, что витебские земцы не обошли своим вниманием решение такого важного социального вопроса.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в 1911 г. на территории Витебской, Минской и Могилевской губерний была введена система земского самоуправления. В рассматриваемый период времени (1911–1914 гг.) земским органам белорусских губерний удалось определить основные направления своей деятельности в социально-экономической сфере, во многом перенимая опыт ранее существовавших земств. Одной из главных проблем, с которой пришлось столкнуться земским собраниям и управам, являлась нехватка собственных средств, в связи с чем им приходилось обращаться за помощью к государству, а многие из запланированных мероприятий так и не были реализованы.

Члены либеральных и правых партий входили в состав распорядительных и исполнительных выборных земских органов. По политической принадлежности их можно отнести к кадетам, октябристам и русским националистам. Наибольшую активность в земских учреждениях представители политических партий принимали в вопросах народного образования, развития агрономической и ветеринарной помощи, распространения сельскохозяйственных знаний, способствуя вовлечению местного населения в решение ряда важных задач социально-экономической направленности.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. *Слобожанин, В. П.* Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В. П. Слобожанин. – Минск : Право и экономика, 2003. – 168 с.
2. *Моторова, Н. С.* Система земского самоуправления на территории белорусских губерний: функции и структура / Н. С. Моторова // Ученые записки. – 2016. – Т. 21. – С. 25–29.
3. Список гласных Витебского уездного земского собрания на трехлетие с 1911 года // Витебские губернские ведомости. – 1911. – 26 июля. – С. 1.
4. Список гласных Невельского уездного земского собрания на трехлетие с 1911 года // Витебские губернские ведомости. – 1911. – 22 июля. – С. 1.
5. Список гласных Двинского уездного земского собрания на трехлетие с 1911 года // Витебские губернские ведомости. – 1911. – 21 июля. – С. 2.
6. Список гласных Полоцкого уездного земского собрания на трехлетие с 1911 года // Витебские губернские ведомости. – 1911. – 29 июля. – С. 1.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 23.
8. Список губернских земских гласных, избранных на трехлетие 1911–1914 гг. // Могилевские губернские ведомости. Офиц. часть. – 1911. – 10 авг. – С. 1.
9. Список гласных Рогачевского уездного земского собрания на трехлетие с 1911 г. // Могилевские губернские ведомости. Офиц. часть. – 1911. – 20 июля. – С. 1.
10. Список гласных Горецкого уездного земского собрания на трехлетие с 1911 г. // Могилевские губернские ведомости. Офиц. часть. – 1911. – 20 июля. – С. 1.
11. Список гласных Быховского уездного земского собрания на трехлетие с 1911 г. // Могилевские губернские ведомости. Офиц. часть. – 1911. – 20 июля. – С. 1.
12. Список гласных Сенненского уездного земского собрания на трехлетие с 1911 г. // Могилевские губернские ведомости. Офиц. часть. – 1911. – 20 июля. – С. 1.
13. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред., автор предисловия В. В. Шелохаев, сост. и автор коммент. и предисловия К. А. Соловьев. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 718 с.
14. Агрономические мероприятия // Вестник Минского губернского земства. – 1914. – 15 мая. – С. 85–86.
15. Обзор деятельности уездных земств Могилевской губернии в 1913 году // Вестник Могилевского земства. – 1914. – № 10. – С. 29–32.
16. Землевладелец. Несколько слов о Могилевском сельскохозяйственном обществе // Вестник Могилевского земства. – 1914. – № 1–2. – С. 45–48.
17. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 617.
18. НИАБ. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 403.
19. *Лялин, А.* Обзор деятельности уездных земств Могилевской губернии в 1913 году. Могилевский уезд / А. Лялин // Вестник Могилевского земства. – 1914. – № 10. – С. 29–32.
20. НИАБ. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 394.
21. НИАБ. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 395.
22. НИАБ. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 610.
23. НИАБ. – Ф. 2084. – Оп. 1. – Д. 37.
24. *Лялин, А.* Обзор деятельности уездных земств Могилевской губернии в 1913 году. Могилевский уезд / А. Лялин // Вестник Могилевского земства. – 1914. – № 8–9. – С. 42–47.
25. НИАБ. – Ф. 2084. – Оп. 1. – Д. 135.
26. НИАБ. – Ф. 2084. – Оп. 1. – Д. 9.
27. НИАБ. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 19.

Поступила в редакцию 13.04.2022 г.

Контакты: golovachalena@mail.ru

(Головач Елена Ивановна)

**Golovach E. I. PARTICIPATION OF
LIBERAL AND RIGHT-WING PARTIES
IN THE ACTIVITIES OF ZEMSTVO
SELF-GOVERNMENT BODIES ON THE
TERRITORY OF BELARUS (1911–1914)**

Zemstvo self-government bodies in the Belarusian provinces were established in 1911 after the adoption of the Statute on the provincial and district zemstvo institutions of June 12, 1890 in Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces. The author of the article comes to the conclusion that the representatives of liberal and right-wing parties in 1911–1914 were the members of zemstvo administrative and executive authorities. Liberals and monarchists took an active part in the development and practical implementation of the socio-economic measures aimed at improving the lives of the population.

Keywords: zemstvo system, zemstvo self-government bodies, Belarusian provinces, elections, liberal and right-wing parties, social questions, provincial and district zemstvo assembly, provincial and district zemstvo boards.

УДК 94(476)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1924–1929 гг.)

В. Н. Бураков

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья содержит историко-правовой анализ становления жилищно-строительной кооперации в Белорусской ССР в годы новой экономической политики. Она была представлена рабочими строительными кооперативными товариществами и выступала одним из направлений по преодолению жилищного кризиса. Кооперативные товарищества создавались из числа рабочих и служащих предприятий, обладали правами и обязанностями юридического лица. Государственная поддержка жилищно-строительных кооперативов в виде льготных кредитов, преимущественного права получения земельных участков и лесоматериалов способствовала удовлетворению жилищной потребности почти половины членов этих организаций к концу 1920-х гг.

Ключевые слова: жилищно-строительная кооперация, рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество, общее собрание и правление жилищно-строительного кооператива.

Введение

Жилищно-строительная кооперация (ЖСК), как организация застройщиков, создаваемая для возведения жилых домов с последующей их эксплуатацией и управления ими, является действенной и перспективной формой решения жилищной проблемы. В Республике Беларусь история развития организаций застройщиков насчитывает почти 100 лет и берет свое начало с 1920-х гг. В период новой экономической политики осуществлялось реформирование всех сфер общественной жизни, включая сферу жилья. Были приняты законы, которые гарантировали право собственности на жилое помещение, признана преемственность дореволюционного права, разрешено индивидуальное строительство жилых домов на праве застройки.

Образование государственного жилищного фонда, использование коммунальными отделами части жилплощади домов граждан-собственников не позволили разрешить жилищный кризис и удовлетворить жильем всех нуждающихся. Строительство домов местными Советами и предприятиями в на-

чале 1920-х гг. практически не велось из-за нехватки средств. Поэтому была актуальной проблема поиска путей и средств для возведения новых и восстановления разрушенных домов. Одним из способов решения жилищного кризиса стала жилищная кооперация как передача инициативы обеспечения себя жильем самим гражданам.

Идея развития жилищно-строительной кооперации получила широкую поддержку государственных, партийных органов и общественных организаций. Например, на Всебелорусской конференции коммунальных работников осенью 1924 г. отмечалось, что жилищная кооперация, обладая широкими возможностями в лице трудящихся масс, «является выходом в решении жилищного кризиса» [1, л. 45, 47]. Данный аспект также поддерживался руководством УКХ НКВД БССР. В своем выступлении начальник Управления Н. Воскобойников констатировал: «...Изжить жилищный вопрос можно только через привлечение самих нуждающихся, через кооперативную форму объединения» [2, л. 229–236]. О необходимости развития жилищной кооперации, которая «является лучшей формой объединения трудящихся» в решении жилищного вопроса, отмечалось правительством республики и на съездах КП(б)Б [3, с. 279, 376–377].

Основная часть

Жилищно-строительная кооперация в Белорусской ССР берет свое начало в августе 1924 г., когда ЦИК и СНК Советского Союза приняли постановление «О жилищной кооперации» [4]. Закон устанавливал условия, принципы и формы деятельности кооперативов в сфере жилья. Разрешалось образование трех типов кооперативных товариществ: жилищно-арендное кооперативное товарищество, рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество (РЖСКТ) и общегражданское жилищно-строительное кооперативное товарищество.

Рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества создавались с целью

обеспечения жильем своих членов путем возведения новых, восстановления разрушенных или достройки жилых строений. РЖСКТ могли организовываться рабочими и служащими государственных предприятий и учреждений, безработными и инвалидами. В августе 1925 г. было принято постановление, которое предоставило право рабочим и служащим, работающим по найму у частных лиц, также быть членами рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ. Расширение социальной базы членов РЖСКТ было вызвано необходимостью развития кооперативного движения и упорядочения отношения власти ко всем трудящимся.

Общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества образовывались с целью удовлетворения жилищной нужды своих членов, которыми могли быть все граждане, достигшие 18-летнего возраста и имеющие гражданские имущественные права, и юридические лица. В результате ОЖСКТ допускало объединение в кооперативы представителей остальных слоев общества, учреждений и организаций.

Учредительным документом кооператива являлся устав, который утверждался на собрании учредителей этой организации. Для организационной помощи становлению ЖСК в январе 1925 г. были разработаны типовые уставы рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества и общегражданского жилищно-строительного кооперативного товарищества. Данный юридический документ включал свод положений и правил, которые регулировали организацию и порядок деятельности, ликвидацию жилищно-строительного кооператива. В частности, в уставе указывалось: наименование кооператива, место его нахождения, предмет и цель его деятельности, состав органов управления, состав и порядок внесения паевого, вступительного и членских взносов, условия и порядок приема/исключения членов организации. Согласно уставу, строительный кооператив обладал правами и обязанностями юридического лица.

Инициирование создания ЖСК могли осуществлять нуждающиеся лица, которые относились к категории рабочих и служащих, в количестве не менее 10 человек. Как правило, строительные кооперативы образовывались работниками одного предприятия или учреждения, которые возводили дома на участках, выделенных под застройку местными исполнительными комитетами.

Органами управления являлись: общее собрание членов кооператива – высший орган управления; правление организации во главе с председателем. Общее собрание созывалось правлением организации по мере необходимости, но не реже двух раз в год. К компетенции общего собрания относились: избрание правления, утверждение отчетов и плана деятельности, размеры взносов, принятие и исключение членов организации и др. Следует отметить, что члены товарищества обладали равным количеством голосов независимо от их доли в собственности кооператива.

Управление деятельностью жилищно-строительного кооператива в период между общими собраниями членов организации осуществляло правление организации. Оно избиралось в составе трех человек, включая председателя, и двух кандидатов. Правление товарищества являлось коллегиальным исполнительным органом и было подотчетно общему собранию.

Жилищно-строительная кооперация развивалась преимущественно в форме рабочей жилищно-строительной кооперации. ОЖСКТ распространения в БССР не получили. Кооперативы организовывались при предприятиях промышленности и транспорта, состояли из рабочих и служащих. Например, в 1925 г. 33 % РЖСКТ относились к предприятиям транспорта, 50 % – к промышленности, 17 % являлись товариществами смешанного типа [5, с. 229].

Уже в 1925 г. было образовано 34 жилищно-строительных кооператива. Их количество с каждым годом увеличивалось. На 1 января 1927 г. в БССР насчитывалось 71 кооперативное товарищество, в январе 1928 г. – 80, а в начале 1929 г. – 61 ЖСК. Уменьшение их количества произошло за счет объединения некоторых организаций. Жилищно-строительная кооперация была наиболее развита в крупных городах, что объясняется степенью жилищного кризиса. Наибольшее количество кооперативов было образовано в Минском, Витебском и Гомельском округах.

Количество членов жилищно-строительной кооперации БССР постоянно увеличивалось: с 1745 человек в 1925 г. до 4600 человек в начале 1929 г. [6, л. 28]. Социальный состав был представлен следующим образом: 67 % рабочих и 33 % служащих.

Уровень доходов членов кооператива был невысоким. В 1925 г. удельный вес рабочих, получающих до 100 рублей ежемесячного дохода, составил 94 %, в 1926 г. – 88 %. Взносы

членов кооператива в счет стоимости квартиры в 1926 г. составили от 5 рублей 30 копеек в месяц (Климовичи) до 15 рублей 46 копеек (Борисов). В среднем по республике взнос членов ЖСКТ в 1926 г. был равен 11 рублям 26 копейкам, что составляло значимую долю семейного бюджета. Например, в декабре 1926 г. 30 % членов кооперативов получали до 50 рублей в месяц, заработная плата 39 % рабочих составляла 51–75 руб., 18 % рабочих получали 76–100 руб., и только 12 % членов РЖСК имели доход более 100 руб. в месяц [7, с. 5, 13]. Невысокий уровень заработной платы членов кооператива тормозил развитие строительства, так как возведение жилья было довольно дорогим. Например, стоимость строительства квартиры в 1925–1926 гг. составляла 4000–4600 руб.

Собственные средства жилищно-строительной кооперации (ЖСК) БССР постоянно росли. Если в 1925 г. они составили 4200 руб., то уже на 1 января 1926 г. собственные средства РЖСКТ исчислялись в сумме 15805 руб.; 1 января 1927 г. – 64443 руб. [7, с. 5]. Собственные средства ЖСК в 1929 г. составили 257 тыс. руб. Однако их для масштабного строительства было недостаточно.

Выходом из создавшейся ситуации стал источник финансирования в лице государства, которое выделяло деньги в виде кредитов. Осуществлялась выдача двух видов займов – долгосрочных и краткосрочных кредитов. Для жилищно-строительной кооперации основным видом кредитования являлся долгосрочный заем. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства СССР выдавал кредит под 3 % годовых. В январе 1929 г. процент по ссудам, выдаваемым на рабочее жилищное строительство из специального капитала Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства, был установлен в размере не свыше 1 %. Кроме этого, источниками средств для кредитования ЖСК являлись Белкоммунбанк, целевые суммы Комитета содействия кооперативному строительству, средства предприятий из фондов улучшения быта рабочих.

Условия выдачи кредита банком при определении суммы рассчитывались из размера собственных средств кооператива. В 1928 г. принят закон, согласно которому условием кредитруемой банком ссуды РЖСКТ с преобладающим составом рабочих было вложение собственных средств в размере 10 % от общей стоимости строительства, для РЖСКТ с пре-

обладающим составом служащих – 20 % собственных средств. Срок погашения кредитного займа устанавливался до 35 лет.

Порядок предоставления кредитов и ссуд на жилищное строительство во второй половине 1920-х гг. корректировался и окончательно оформился к концу десятилетия. Ссуды для возведения каменных строений выдавались на 60 лет, смешанных – на 40–55 лет, деревянных – на 45 лет. Кредитование жилищно-арендной кооперации осуществлялось Белкоммунбанком путем предоставления ссуд на капитальный ремонт сроком от 2 до 5 лет. Порядок предоставления кредитов лицам, возводящим индивидуальные дома, в апреле 1928 г. оформился в следующем виде: кредит предоставлялся сроком до 10 лет под 3 и менее процента годовых. Сумма кредита составляла до 70 % стоимости строительства. Только с 1 июня 1925 г. по 1 октября 1926 г. Белкоммунбанк выдал 3 миллиона 745 тыс. руб., из которых 75,4 % – в виде долгосрочных ссуд. В целом деятельность жилищной кооперации была основана на внешних займах, в частности, кредитование кооперативного жилищного строительства имело определяющее значение. В 1929 г. фонд жилищно-строительной кооперации Беларуси на 90 % состоял из государственных средств [8, с. 1].

В условиях финансового дефицита и необходимости развития жилищного хозяйства правительством СССР был разработан ряд мероприятий, направленных на изыскание средств для обращения в жилищное строительство, а также были образованы учреждения для координации развития данного направления. 16 мая 1924 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ» были обозначены основные источники средств для развития жилищной кооперации и основные фонды для перечисления средств, которые предназначались для кредитования строительства. При предприятиях, учреждениях и организациях создавались фонды улучшения быта рабочих и служащих, средства которых были предназначены для повышения материального и социально-культурного благосостояния рабочих.

С 1 октября 1924 г. государственные промышленные и торговые предприятия были обязаны производить отчисления в размере 10 % от чистой прибыли в фонды улучшения быта рабочих и служащих. Из полученных средств указанные фонды выделяли 75 % на развитие строительства жилых домов.

Для создания благоприятных условий развития жилищной кооперации постановлением СТО СССР от 5 июля 1924 г. при Народном комиссариате труда СССР был учрежден Комитет содействия кооперативному строительству рабочих жилищ. Он состоял из представителей народных комиссариатов труда (председатель), финансов, путей сообщения, здравоохранения, Высшего совета народного хозяйства, Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, Главного управления коммунального хозяйства, Всесоюзного бюро жилищной кооперации. Комитет содействия контролировал и направлял деятельность соответствующих республиканских комитетов, образование которых также предусматривалось данным постановлением.

Решение об организации Комитета содействия кооперативному строительству рабочих жилищ при НКТ Белорусской ССР было принято правительством республики 20 августа 1924 г. При окружных исполнительных комитетах были учреждены комиссии содействия кооперативному строительству рабочих жилищ. Комитет содействия БССР распоряжался фондом кооперативного строительства, а также оказывал помощь в разработке дешевых типов построек, составления программ и смет по строительству, механизации и рационализации работ. Кроме этого, комитету вменялся в обязанность контроль за соблюдением правил отчисления средств, их хранения, использования и выдачи ссуд, предназначенных на кредитование строительства жилых домов. Из фонда Комитета содействия 75 % средств расходовались на строительство, причем 25 % отпускалось на развитие жилкооперации, а 50 % – на возведение домов на предприятиях.

В 1927 г. произошло дальнейшее реформирование системы управления кооперативным жилищным строительством. Деятельность Комитета содействия кооперативному строительству рабочих жилищ при НКТ была признана нецелесообразной и дублирующей функции других ведомств. В связи с этим в марте 1927 г. Комитет содействия союзного уровня был ликвидирован, в октябре 1927 г. был ликвидирован соответствующий Комитет содействия при НКТ БССР. Функции Комитета содействия были распределены между другими государственными учреждениями и ведомствами. На Народный комиссариат труда возлагались функции по изучению степени жилищного дефицита, наблюдение за распределением льгот застройщикам, составление

предварительного плана строительства, контроль над отчислением средств в эту отрасль. В 1929 г. наблюдение за отчислением средств на строительство жилья было возложено на Белкоммунбанк. На плановую комиссию при СНК БССР, а с марта 1928 г. на комиссию по строительству при Совете труда и обороны возлагалась обязанность оказывать содействие жилищному строительству, координировать его технические нормы, принимать меры по рационализации, механизации и удешевлению работ.

В 1925 г. правительством создаются целевые фонды, средства которых были предназначены для кооперативного строительства. В феврале был образован республиканский фонд содействия кооперативному строительству рабочих жилищ. Его средства обращались в распоряжение Комитета содействия кооперативному строительству рабочих жилищ. Также были образованы окружные и специальные фонды государственных промышленных предприятий.

Республиканский фонд содействия образовывался из средств, поступающих от: а) целевого налога для поддержания кооперативного строительства; б) отчислений в размере 5 % от доходов местных Советов от помещений, сдаваемых под торговые и промышленные объекты; в) отчислений из фондов улучшения быта рабочих и служащих предприятий; г) сумм в размере 50 % стоимости лесосек, выделяемых кооперативам на строительство, и из других источников. Средства фонда предназначались для предоставления кредитов на жилищное строительство.

В фонды окружных исполнительных комитетов направлялись: а) поступления целевого квартирного налога в размере 80 % от суммы; б) отчисления из фондов улучшения быта рабочих и служащих предприятий местного значения; в) отчисления из доходов местных исполнительных комитетов от помещений, сданных в аренду торговым и промышленным предприятиям. С 1 января 1925 г. размер отчислений от аренды предприятий в республике был установлен от 5 до 10 % в зависимости от статуса города. В Минске и Витебске указанный процент отчисления составил 10 % дохода, в Бобруйске, Могилеве и Орше – 8 %, в Борисове, Мозыре, Слуцке, Полоцке – 5 % [9, л. 189].

В специальные фонды государственных промышленных предприятий обращались отчисления на жилищное строительство из фондов улучшения быта рабочих. Средства

фонда закреплялись за предприятиями. Они выделялись на возведение, восстановление, капитальный ремонт жилых строений или выдачу долгосрочных ссуд. Оставшиеся средства могли направляться на устройство и содержание общественных столовых, яслей и других социально-бытовых служб.

В мае 1927 г. на базе бюджета местных Советов были сформированы специальные средства для жилищного строительства. Они использовались для проведения капитального ремонта муниципализированного фонда, строительства домов и выдачи долгосрочных кредитов. Средства фонда состояли из: а) дохода от эксплуатации помещений коммунальными отделами; б) платы за аренду жилых домов; в) платы за помещения, сдаваемые государственным учреждениям; г) сумм от продажи демуниципализированных строений; д) арендной платы за торговые и промышленные помещения в размере 25 % от поступлений; е) прочих поступлений и ассигнований по местному бюджету.

Таким образом, поиски средств для развития жилищного фонда республики имели комплексный характер, который охватывал все возможные меры – от надбавок для «нетрудовых элементов» до перечисления средств предприятиями и учреждениями.

Следующим направлением правительства для развития жилищного строительства стало предоставление льгот и отсрочек оплаты застройщикам жилых строений. Особое внимание в предоставлении права полного или частичного освобождения от соблюдения принятых законом правил уделялось жилищной кооперации. Уже в 1924–1925 гг. центральными органами власти БССР и СССР были разработаны законы, которые предусматривали налоговые и транспортные льготы жилищно-строительной кооперации, предприятиям и лицам, осуществляющим возведение домов. В данный комплекс нормативных актов входило отведение на льготных условиях участков городской земли под строительство, предоставление леса и его транспортировки по сниженным тарифам, освобождение от уплаты земельной ренты в течение трех лет со дня возведения строения, освобождение от промыслового и подоходно-поимущественного налога, освобождение сделок от гербового и нотариального сборов. РЖСКТ имело преимущественное право при отведении участков под строительство в городах, аренду участков вне городской черты.

Заключение

Как видим, государство уделяло должное внимание жилищному вопросу. Постоянное реформирование системы управления фондом жилья, создание льгот застройщикам подтверждают данный тезис. Особая роль в эксплуатации и строительстве домов отводилась организациям застройщиков, то есть кооперативным товариществам. Кооперация внесла значимый вклад в восстановление и развитие жилищного хозяйства, частично взяв на себя государственные функции по эксплуатации и строительству жилья. Развитие данного процесса сдерживалось нехваткой средств, но все же бытовые условия членов товариществ были несколько лучше условий лиц, проживающих в домах коммунального фонда. Если на 1 января 1926 г. жилой площадью было удовлетворено 10 % членов ЖСКТ, то на 1 января 1927 г. – 17 %, на 1 января 1928 г. – 32 %, на 1 января 1929 г. жилой площадью было удовлетворено 46 % членов жилищно-строительной кооперации [10, л. 1].

На протяжении второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. жилищно-строительная кооперация продолжала рассматриваться как перспективное направление разрешения жилищного кризиса. Это подчеркивалось концептуальным законом «О жилищной политике» 1928 г., также резолюциями съездов КП(б)Б. Тем не менее, к середине 1930-х годов государственный и промышленный сектор заняли доминирующие позиции в жилищном строительстве. Кооперация перестала рассматриваться в качестве перспективного направления. Выделение кредитов кооперативным товариществам стало определяться как нерациональное использование государственных средств, а их строительная мощность не отвечала интересам страны. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. жилищная кооперация была ликвидирована. Управление обобществленным жилищным фондом полностью перешло к местным Советам. Возрождение кооперативных товариществ произошло в 1958 г., в настоящее время они занимают доминирующие позиции в жилищном строительстве, доказывая свою целесообразность и необходимость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 691. – Оп. 1. – Д. 27. Материалы I Всебелорусской конференции работников коммунального хозяйства.

2. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 85. Материалы о советском строительстве, состоянии коммунального хозяйства, дорожного строительства и перспективах их развития в БССР.

3. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; [под общ. ред. В.И. Бровикова (пред. редкол.) и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – Т. 1. – 526 с.

4. О жилищной кооперации : постановление ЦИК СССР, 19 авг. 1924 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства СССР. – 1924. – № 5. – Ст. 60.

5. Жилищная кооперация СССР в 1924–25 гг. Статистико-экономический обзор. – М. : Центрожилсоюз, 1926. – 246 с.

6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 333. – Оп. 1. – Д. 164. Протоколы заседаний Центрального кооперативного совета БССР.

7. Жилищная кооперация в БССР: (по данным на 1-е янв. 1927 г.). – Минск : Белжилсоюз, 1927. – 66 с.

8. Да III Усебеларускага з'езда жылкааперацыі // Звезда. – 1929. – 18 июля. – С. 1.

9. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 333. – Оп. 2. – Д. 4. Протоколы заседаний Комитета содействия кооперативному строительству при НКТ.

10. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 44. – Оп. 1. – Д. 1251. Контрольные цифры развития народного хозяйства и культуры на 1929/30 г. и материалы по жилищному строительству в БССР.

Поступила в редакцию 28.09.2021 г.

Контакты: Burvik05@yandex.by

(Бураков Виктор Николаевич)

Burakov V. N. FORMATION AND DEVELOPMENT OF HOUSING AND CONSTRUCTION COOPERATION IN THE BSSR (1924–1929)

The article contains a historical and legal analysis of the formation of housing and construction cooperation in the BSSR during the years of the new economic policy. It was represented by the Workers' construction cooperative associations and acted as one of the directions for overcoming the housing crisis. Cooperative associations included the workers and employees of enterprises, had the rights and obligations of a legal entity. State support of housing and construction cooperatives in the form of preferential loans, preferential right to receive land plots and timber contributed to meeting the housing needs of almost half of the members of these organizations by the end of the 1920s.

Keywords: housing and construction cooperation, housing and construction cooperative partnership, board of housing and construction cooperative.

УДК 94(47):355.48«1941/1945»+769.91

**ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЛАКАТАХ 1941–1945 гг.:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ****А. Е. Игнатович**кандидат исторических наук, доцент
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье представлен опыт историко-культурного анализа Великой Отечественной войны сквозь призму плаката. Анализ работ альбома «Плакаты Великой Отечественной» показал, что динамика образов определяется идеологией, но при этом отражает реальные потребности в пропаганде на протяжении войны. Особенности плакатов 1941–1945 гг. – лаконичность и выразительность, на листе плаката обычно помещались одна-две фигуры. Чаще всего встречаются обобщенные образы героического и драматического содержания – советского воина и противоборствующих сил. Плакат обычно содержит и текстовую часть. Лозунги плакатов отражали все изменения в ходе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, образ, плакат, историко-культурный подход, семантика, контент-анализ.

Введение

Формирование мировоззренческих основ современного белорусского общества предьявляет к гуманитарному знанию требование всестороннего и объективного освещения ключевых событий отечественной истории, являющихся вехами становления самосознания. Таким событием, бесспорно, была Великая Отечественная война. Образы войны продолжают осмысливаться как на научном уровне, так и на уровне массового сознания и общественной практики. Проблема преодоления стереотипов восприятия прошлого и фальсификаций истории Второй мировой войны актуализирует опыт фронтového поколения, его видение и оценку происходивших событий. Изучение войны в контексте «человеческого измерения» является перспективным направлением научного поиска [1; 2]. Однако в этом активно развивающемся проблемном поле существуют лишь единичные примеры обращения историков к художественным изобразительным источникам, позволяющим ответить на вопрос, какой представлялась Великая Отечественная война современникам.

© Игнатович А. Е., 2022

Цель исследования – выявить специфику отображения и осмысления Великой Отечественной войны средствами плаката. Предмет исследования – образы Великой Отечественной войны, представленные в массовой политической графике 1941–1945 гг. В исследовании проанализированы произведения плакатного искусства, представленные в альбоме «Плакаты Великой Отечественной» [3].

В рамках исследования автор опирается на принципы историзма и системности, что позволяет рассмотреть творческую деятельность советских художников-плакатистов 1941–1945 гг. в развитии и взаимосвязи с военными, социально-политическими и культурными процессами этого периода. В качестве общенаучных методов применяются анализ, синтез, сравнение, обобщение. Историко-генетический метод способствовал выявлению причинно-следственных связей эволюции визуальной пропаганды от начала и до завершения войны. Историко-сравнительный метод необходим при сопоставительном анализе плакатов 1941, 1942, 1943, 1944 и 1945 гг. Были применены также контент-анализ, семиотический, историко-лингвистический методы.

Основная часть

В годы Великой Отечественной войны одновременно происходило создание произведений изобразительного искусства и начало осмысления их исторической значимости и художественного своеобразия. Интерес зрителей и специалистов к военно-фронтовой графике усилился в 1960–1970-е гг., что отразилось в выставках и тематических исследованиях. Работы П.К. Суздалева обозначили круг художников и произведений, понимаемых как «классические» для периода Великой Отечественной войны [4; 5]. Однако авторская концепция, опирающаяся на рассмотрение искусства 1941–1945 гг. как однородного, не имеющего внутренних противоречий, объясняемых в том числе и динамикой военных событий, привела к упрощению понимания художественных процессов. В этом русле написана и работа

Л.А. Пинегинной [6]. В искусствоведческом описании плакатов Великой Отечественной войны 1970–1980-х гг. доминировал описательный подход. В альбомах воспроизводились одни и те же произведения [3; 7; 8; 9], труды историков искусства не отличались новизной и не отражали проблем, присущих искусству военного времени. Зачастую деятельность художников рассматривалась наряду с анализом киноискусства, театра и концертной работы. Развитием и завершением этой традиции воспринимаются работы Э.А. Полищука [10], И.И. Свириды [11], Н.И. Кондаковой [12], Г.Д. Комкова [13], Е.В. Зайцева [14]. Постсоветская историческая наука вызвала к жизни новые поля исследования, интерес к ранее неизвестным источникам, обозначила дискуссионные вопросы, предложила новые векторы их рассмотрения. Примером может служить работа Ю. Борева [15]. В настоящее время изучение изобразительного искусства периода Великой Отечественной войны характеризуется несколькими тенденциями. Во-первых, продолжается начатая в искусствоведении в конце 1980-х гг. дискуссия о тоталитарном искусстве и содержании понятия «социалистический реализм». Во-вторых, сохраняется традиционный, восходящий к советскому периоду взгляд на деятельность художников военного времени как творческий, гражданский подвиг. Большинство авторов стремились воссоздать общую картину советского искусства периода Великой Отечественной войны, но отдельные современные культурологи и искусствоведы обращают внимание и на плакат как наиболее массовый его вид [16; 17; 18; 19].

Война предъявила художникам свои требования. Нужны были новые формы сильного и быстрого воздействия на массы [10, с. 4]. В развитии литературы и искусства военных лет вначале был этап поисков новых путей и средств эмоционального воздействия, этап перехода к работе в условиях военного времени [13, с. 200]. Творческий метод художников военной поры опирался на документальную точность, объективность и эмоциональную правдивость очевидца и участника [14, с. 16]. Грандиозность событий и непрерывно меняющаяся ситуация захватывали творческое воображение художника. Он стремился отобрать из них наиболее важные, главные, характерные для данного момента. Все это предопределяло разнообразие сюжетов и образов [14, с. 16].

В годы войны отчеканился художественный стиль советского плакатного искусства.

Советский плакат всегда был лаконичным и выразительным. Его даже издали легко воспринимал быстро идущий человек. На плакате обычно помещались одна-две фигуры, их действие подчеркивалось характерным движением. Лучшие плакаты отличались четкостью силуэта центральной группы; применяемые цвета были яркие и в своем сочетании усиливали выразительность изображения. Отмечаются такие черты военного плаката, как психологизм, человечность [7, с. 65]. Теперь художники научились внимательней вглядываться в лица людей, предавать их характеры и психологию. Это сделало плакат еще более активным и впечатляющим. Боевой, наступательный, идейно-образный строй искусства, формировавший основные черты его стиля, ясно и непосредственно сказался в агитационном плакате, который играл главную мобилизующую роль в политической борьбе с фашизмом [4, с. 15–16].

В плакате, во всех его разновидностях, нашли отражение основные этапы и моменты войны, самые жизненно необходимые лозунги, идеи и чувства. Свойственный плакату призывно-ораторский тон в годы Великой Отечественной войны достигает высокой патетики. В плакате зазвучал требовательный, повелевающий призыв вести борьбу до последней капли крови [5, с. 8]. Это самая примечательная черта искусства 1941–1945 гг. Все годы войны оно было неотторжимо от действительности, горячо отвечало на запросы жизни [4, с. 14]. Исследователи выделяют основные направления идейной борьбы советского государства против фашизма в годы Великой Отечественной войны: 1) разоблачение антисоветизма и антикоммунизма, разъяснение характера войны; 2) отпор национализму и расизму, усиление патриотического и интернационалистического воспитания трудящихся; 3) социально-экономические вопросы в идейной борьбе против фашизма; 4) разоблачение кровавых преступлений захватчиков; 5) идейно-политическая деятельность партии по сплочению антифашистских сил на международной арене [12, с. 5–8].

В печатных листах чаще всего встречаются образы героического и драматического содержания. Исследователи отмечают, что главными героями плаката в течение всего военного времени были советский солдат, совершающий подвиг, непокоренный патриот, борющийся на оккупированной территории, матери и дети, призывающие к защите

и освобождению [5, с. 10]. И в наше время люди, обращаясь к искусству периода Великой Отечественной войны, рассматривают его, прежде всего, как памятник бессмертному подвигу советского народа, воздвигнутый художниками. Традиционно считается, что советский народ в Отечественной войне – центральная тема патриотического искусства военного периода [4, с. 13]. Непокоренные – это коренная идейно-художественная концепция о войне. Она определила и подход художников к трагическим событиям, трактовку таких сюжетов, как гибель героя, казнь, насилие, оплакивание погибших. Для советского искусства нетипично поверхностно-натуралистическое или экспрессионистское изображение ужасов войны: художники показывали суровую правду гибели и жестоких страданий людей, но они понимали это как подвиг [4, с. 14].

Собственно, все перечисленные образы не противоречат тем направлениям идеологической работы, которые были перечислены выше. Но ограничиваться этими образами – это значит обеднять обобщенный образ Великой Отечественной войны.

На примере плакатов, представленных

в альбоме «Плакаты Великой Отечественной» [3], постараемся определить круг образов, употребляемых художниками-плакатистами, а также проследить динамику использования этих образов. Важно отметить, что в данном случае динамика определяется идеологией советского государства, но в выборке плакатов отразился и их личный образ войны. С другой стороны, именно эти плакаты будут влиять на формирующиеся образы Великой Отечественной войны зрителей и сегодня, в условиях отсутствия советской идеологической составляющей. Возможно, некоторые плакатные образы будут непонятны современному зрителю.

Выделим те визуальные образы, которые используются в представленных плакатах. Естественно, что отнесение изображенного на плакате к тому или иному образу может быть субъективно. В данном случае исследователь выступает в роли зрителя, а восприятие искусства – весьма личностный процесс. Однако, думается, в силу специфики источника, такой подход является оправданным. При подсчетах использовалось стандартное программное обеспечение Microsoft Office Excel. Результаты подсчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Образы Великой Отечественной войны в плакате (на материале работ альбома «Плакаты Великой Отечественной»)

№ п/п	Образы	1941	1942	1943	1944	1945	Встречаемость образа
1	женщина–мать		3	2		2	7
2	Родина–мать	3	1	2	1		7
3	ребенок		5	2		2	9
4	подросток	1		1			2
5	девушка	2		3	2	1	8
6	юноша	2					2
7	советский солдат	8	6	10	10	7	41
8	советский матрос	2	2	2	1		7
9	ополченец	6		1			7
10	рабочий – труженик тыла	4	1				5
11	рабочая – труженица тыла		1				1
12	колхозница	3	1				4
13	дружинница	1					1
14	партизан	2		3			5
15	комсомолец	2					2
16	коммунист	1					1
17	политработник	1					1
18	обобщенный образ врага	6	7	5	5	1	24
19	обобщенный образ вооруженных сил СССР	11	4	2	9	2	28
20	Гитлер	8	3	4	1	2	18
21	Ленин	2					2
22	образы героического прошлого	6	3	1			10

Окончание таблицы 1

№ п/п	Образы	1941	1942	1943	1944	1945	Встречаемость образа
23	образы остербайтеров		1	2	1	1	5
24	обобщенный образ писателей, журналистов, художников			1			1
25	обобщенный образ Родины	2	1		1	2	6
	общее количество использованных образов	73	39	41	31	20	204
	наиболее часто встречаемые образы*	19, 7, 20	18, 7, 3	7, 19, 20	7, 19, 18	7	7, 19, 18
	общее количество представленных плакатов	41	22	27	19	14	123
	коэффициент насыщенности плакатов образами	0,6	0,6	0,7	0,6	0,7	0,6
	* выбраны три кода со значениями более 3						

В альбоме наибольшее количество плакатов относится к 1941 г., а наименьшее – к 1945 г. Возможно, это связано с реальным количеством выпускаемых тогда плакатов, ведь потребность в усиленной пропаганде такого плана к 1945 г. снизилась, так как кардинально изменилась ситуация на фронте.

Интересна динамика наиболее встречаемых образов. В 1941 г. в плакатах доминируют обобщенный образ Вооруженных сил СССР, образы советского солдата и Гитлера, в 1942 г. – обобщенный образ врага, солдата и ребенка, в 1943 г. – солдата, вооруженных сил СССР и Гитлера, в 1944 г. – солдата, вооруженных сил СССР и врага, в 1945 г. – образ советского солдата. В целом наиболее часто встречаются образы советского воина и обобщенные образы противоборствующих сил. При этом нельзя сказать, что эти образы трафаретны, шаблонны. Наоборот, образ солдата почти всегда неповторим, наполнен психологизмом. Отметим особенность изображения образа врага: почти всегда это гротеск, карикатура. Карикатуристы сразу взяли верный тон беспощадного разоблачения врага – от едкого юмора до убийственной иронии и гневной сатиры. За годы войны карикатура охватила широкий тематический диапазон действительности, нашла новые необходимые образы, приемы и стала поучительной летописью

Великой Отечественной войны. Она отразила основные грани общественной психологии народа, его негодование, ненависть и презрение к фашизму [4, с. 15].

Средний коэффициент наполненности представленных в альбоме плакатов образами вычисляется как результат деления общего количества представленных плакатов на общее количество используемых образов и равен 0,6. Таким образом, советские военные плакаты достаточно насыщены, но все же акцент делается на один центральный образ.

Плакат обычно содержит и текстовую часть, наравне с собственно изображением. Бесспорно, визуальные образы связаны с лозунгами. В этом случае изучение плаката может быть связано с методом контент-анализа. Он заключается в выполнении следующих правил [20; 21, с. 128]: 1) фиксация слов, носящих сильно выраженную эмоциональную окраску; 2) установление всех метафор, преувеличений и повторений; 3) выделение понятий, связанных с семьей, частями тела и национальными символами; 4) игнорирование отрицаний (наше бессознательное их не воспринимает). При подсчетах использовалась специализированная программа – WORDSTAT. Частота употребления конкретных слов, составляющих лозунги, представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Статистика частоты использования слов в плакатных лозунгах работ альбома «Плакаты Великой Отечественной»

1941	1942	1943	1944	1945
Москву 8 будет 5 Родину 5	врага 5 Родину 4 здесь 3	фашистская 5 врага 5 немецкий 4	победе 4 фашистской 4 вперед 3	славу 3 воину 3 красной 2

Окончание таблицы 2

1941	1942	1943	1944	1945
врага 5	смерть 3	зверь 4	Родина 3	освободим 2
фашистских 5	жены 3	наш 3	Берлина 2	армии 2
бей 3	армии 3	Украина 2	его 2	знамя 2
ряды 3	все 3	захватчикам 2	что 2	советских 2
смело 3	где 3	добить 2	освобождение 2	фашистского 2
фашизм 3	фрицев 3	Ленина 2		победой 2
больше 3	честь 2	красной 2		освободитель 2
бойцам 3	что 2	землю 2		победителю 2
как 2	фронту 2	что 2		
защиту 2	Гитлер 2	будем 2		
Ленина 2	воин 2	боец 2		
лица 2	бей 2	гитлеровским 2		
клещи 2	это 2	Днепр 2		
комсомолец 2	били 2	громить 2		
защитим 2	бою 2	город 2		
гадине 2	боевое 2	советских 2		
все 2	окна 2	смерть 2		
борцов 2	немецким 2	слава 2		
героем 2	отстоим 2	тебя 2		
девушки 2	спаси 2	танк 2		
города 2	строим 2	стоит 2		
головой 2	для 2	пройдет 2		
убрать 2	детей 2	нечисти 2		
удар 2	жизнь 2	удар 2		
тыл 2	красной 2	нам 2		
слава 2	теперь 2	поможем 2		
так 2		партизанки 2		
честь 2		очистим 2		
шапку 2				
фронту 2				
урожай 2				
фронт 2				
орудья 2				
отцами 2				
ночам 2				
народного 2				
наше 2				
свободу 2				
своей 2				
под 2				
партизанам 2				
победа 2				

Программа представила результаты со значением более 1. Анализируя их, приходишь к выводу, что лозунги плакатов отражали все изменения в ходе Великой Отечественной войны. Например, центральные категории для 1941–1943 гг. – слова, представляющие обобщенные категории «Родина» и «враг». Ситуация меняется в 1944 г.: появляется стойкое предчувствие скорой победы. А в 1945 г. центральная категория – «слава».

Заключение

Таким образом, плакаты 1941–1945 гг. для историков являются специфическим видом исторических источников, понимаемых как явление культуры своего времени, определенной социокультурной общности. Плакат в силу специфичности используемых изобразительных средств и задач, поставленных перед художниками не только властью, но и самим временем, создает неповторимый, ярчайший и наиболее обобщенный образ Великой Отечественной войны. Цель советского пропаган-

дистского плаката военного времени – мобилизация духовных сил сражающегося народа. Особенности плакатов 1941–1945 гг. – лаконичность и выразительность (на листе плаката обычно помещались одна-две фигуры, их действие подчеркивалось характерным движением, а применяемые цвета были яркие и в своем сочетании усиливали выразительность изображения). При анализе работ издания «Плакаты Великой Отечественной» выявлено, что динамика образов определяется идеологией советского государства, хотя, бесспорно, присутствует и субъективная логика составителей альбома. В альбоме наибольшее количество плакатов относится к 1941 г., а наименьшее – к 1945 г. Возможно, это связано с тем, что потребность в усиленной пропаганде к 1945 г. снизилась. В печатных листах чаще всего встречаются образы героического и драматического содержания – образы советского воина и обобщенные образы противоборствующих сил. Образ солдата почти всегда неповторим, наполнен психологизмом, а образа врага – гротеск, карикатура. Наравне с собственно изображением плакат обычно содержит и текстовую часть. Лозунги плакатов отражали все изменения в ходе Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сідарцоў, У. Сучасныя метадалагічныя праблемы гістарычнага пазнання / У. Сідарцоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 2. – С. 3–7.
2. Ходзін, С. М. «Крызіс» гістарычнай навукі і крыніцазнаўства / С. М. Ходзін // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Вып. 1. – Мінск : БДУ, 2002. – 356 с.
3. Плакаты Великой Отечественной: фотоальбом / сост. и текст А. В. Шумаков, Р. Г. Алеева. – М. : Планета, 1985. – 200 с.
4. Суздаев, П. Художники Москвы в годы Великой Отечественной войны / П. Суздаев // Московские художники в дни Великой Отечественной войны: Воспоминания. Письма. Статьи / отв. ред. П. К. Суздаев, сост. В. А. Юматов. – М. : Советский художник, 1981. – С. 5–22.
5. Суздаев, П. К. Советское искусство в период Великой отечественной войны и первые послевоенные годы / П. К. Суздаев. – М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1963. – 84 с.
6. Пинегина, Л. А. Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны / Л. А. Пинегина. – М. : Знание, 1990. – 64 с.
7. Агитация искусством : книга-альбом / сост. В. Д. Шмитков, В. А. Зверев, автор текста В. П. Шумков. – М. : Молодая гвардия, 1977. – 112 с.
8. Великая Отечественная война в произведениях советских художников / авт.-сост. О. Сапоцинский. – М. : Изобразительное искусство, 1979. – 296 с.
9. Великая Отечественная война. Живопись. Графика. Скульптура / авт.-сост. Г. Г. Серова. – М. : Изобразительное искусство, 1990. – 187 с.
10. Полищук, Э. А. Великая Отечественная война в произведениях изобразительного искусства / Э. А. Полищук. – М. : Знание, 1969. – 40 с.
11. Свирида, И. И. Советский плакат / И. И. Свирида. – М. : Знание, 1979. – 48 с.
12. Кондакова, Н. И. Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945 гг.) / Н. И. Кондакова. – М. : Политиздат, 1982. – 176 с.
13. Комков, Г. Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... / Г. Д. Комков. – М. : Наука, 1983. – 280 с.
14. Зайцев, Е. В. Художественная летопись Великой Отечественной / Е. В. Зайцев. – М. : Искусство, 1986. – 496 с.
15. Боров, Ю. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд / Ю. Боров. – М. : АСТ: Олимпия, 2008. – 478 с.
16. Спешилова, А. Ю. Культурологическое осмысление жанров советских плакатов времен Отечественной войны / А. Ю. Спешилова // Омский научный вестник. – 2006. – № 9(47). – С. 326–331.
17. Огаркова, Е. В. Сталинградская битва в советской изобразительной пропаганде и военно-фронтальной графике 1942–1945 гг. : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Огаркова; ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет». – Волгоград, 2008. – 31 с.
18. Шлык, Е. В. Пропаганда патриотизма в годы Великой Отечественной войны средствами изобразительного искусства (плакат) / Е. В. Шлык // Челябинский гуманитарий. – 2015. – № 1(30). – С. 35–41.
19. Афонский, С. А. Наличие и характер архетипов в искусстве русского плаката, созданного в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / С. А. Афонский // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2016. – № 3(87). – С. 159–169.
20. Манаев, О. Т. Контент-анализ – описание метода / О. Т. Манаев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.psyfactor.org/lib/kontent.htm. – Дата доступа: 25.09.2021.
21. Сидорцов, В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка) / В. Н. Сидорцов. – Минск : БГУ, 2000. – 162 с.

Поступила в редакцию 18.10.2021 г.
Контакты: ignant@mail.ru
(Игнатович Антон Евгеньевич)

***Ignatovich A. E.* IMAGES OF THE
GREAT PATRIOTIC WAR IN POSTERS OF
1941–1945: HISTORICAL AND CULTURAL
ANALYSIS**

The article presents the results of historical and cultural analysis of the Great Patriotic War through the prism of a poster. The study of the works of the album «Posters of the Great Patriotic War» shows that the dynamics of images is determined by

ideology, but at the same time reflects the real needs for propaganda throughout the war. The key features of the posters of 1941–1945 are conciseness and expressiveness. The posters usually portray one or two figures. Most often, there are generalized images of heroic and dramatic content: the Soviet soldier and the opposing forces. The poster usually contains a text part: the slogans of the posters reflect all the changes during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, image, poster, historical and cultural approach, semantics, content analysis.

УДК 94(476) «1953-1964»

**БЕЛОРУССКАЯ НОМЕНКЛАТУРА 1953–1964 гг.:
СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ И СОСТАВ¹****С. А. Елизаров**

доктор исторических наук, профессор

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого

В статье рассматриваются вопросы организационного механизма номенклатурной системы, номенклатурные уровни и конкретное их наполнение на примере руководящих работников местного партийного и государственного аппарата. Отмечается, что в середине 1950-х гг. в качестве основного закрепился производственно-отраслевой принцип номенклатурной практики. Ведущим становится передача кадровой ответственности сверху вниз, отражавшей общую тенденцию 1950-х – начала 1960-х гг. к перераспределению властных полномочий между субъектами управления. Выделены основные номенклатурные уровни, их конкретный состав в динамике. Замечен рост образовательного уровня номенклатурных работников, отсутствие «кадрового застоя», высокая степень их мобильности.

Ключевые слова: Белорусская ССР, кадровая политика, номенклатурная система, Коммунистическая партия, Советы, партийные комитеты.

Введение

Партийная номенклатура (номенклатура партийных комитетов) как перечень должностей (в том числе и выборных), занятие которых определялось решениями комитетов правящей Коммунистической партии – от ЦК до райкомов и горкомов, представляла собой тот механизм, который на деле позволял руководству КПСС играть решающую роль в определении и реализации стратегии и тактики развития советского общества, сосредоточить властные ресурсы (политические, экономические, силовые, идеологические), подчинить себе все государственные и общественные организации.

Феномен партийной номенклатуры в советских практиках неизменно сохраняет большой исследовательский интерес. По-прежнему инициатива принадлежит политологам и социологам, но все больше к этой проблеме подключаются и профессио-

нальные историки. Прежде всего, это заметно по российской историографии, где наряду с исследованиями номенклатурной системы в рамках СССР в целом [1–3] все больше появляется работ, посвященных ее региональному аспекту [4; 5]. Однако основное внимание исследователей сосредоточено на довоенном периоде и лишь в редких случаях – послевоенном времени [6].

Среди белорусских историков (за исключением отдельных сюжетов в работах М.П. Костюка и Т.С. Протьюко) [7; 8] номенклатурной проблеме должного внимания не уделяется, оставляя ее трактовку публицистам и политологам.

В связи с этим цель представленной статьи – раскрыть некоторые аспекты номенклатурной практики в БССР 1953–1964 гг. (организационные структуры, конкретный состав номенклатур в их динамике, качественные характеристики номенклатурных работников). Учитывая, что в номенклатурные списки входили руководители разных отраслей (партийной, советской, промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства, культуры, образования, правопорядка, прокуратуры, суда и т.п.), в данной работе основной акцент сделан на исследовании номенклатурных кадров партийного и советского аппаратов управления в их наиболее массовом сегменте – областном, районном и городском. Временные рамки – 1953 – 1964 гг. – определяются тем, что в советской действительности влияние первых лиц коммунистической партии (в данном случае – Н.С. Хрущева) как фактических полновластных глав государства на все стороны жизни, в том числе и на кадровую политику, традиционно было определяющим.

Статья подготовлена на основе как опубликованных документов, так и привлеченных автором материалов Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива общественных объединений Гомельской области. Свое исследование автор базирует на принципе холизма, рассматривая партийную номенклатуру как имманентный и системо-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

образующий элемент всей советской политической системы, долгие годы обеспечивавший ее сохранение и функционирование.

Основная часть

В организации номенклатурной работы с самого ее зарождения постоянно чередовались две тенденции – централизация и децентрализация. В 1948 г. все ранее специализированные на кадровых вопросах партийные структуры (управления и отделы кадров) ликвидировались, а их функции были распределены между производственно-отраслевыми отделами партийных комитетов (парткомов). Новая попытка усиления централизации, предпринятая в 1952 г. – создание отдела ЦК КПСС по подбору и распределению кадров во всех партийных, государственных и хозяйственных органах, – позитивного результата не дала, и в октябре 1955 г. этот отдел был упразднен [9, с. 61, 92, 95]. До конца 1980-х гг. больше к идее централизации номенклатурной работы уже не возвращались – производственно-отраслевой принцип стал основным. В частности, с 1955 г. большая часть белорусских партийных, советских, профсоюзных и комсомольских руководящих работников находилась в ведении отдела партийных органов по союзным республикам ЦК КПСС, отделов партийных органов ЦК и обкомов (ОК) КПБ, организационных отделов райкомов (РК) и горкомов (ГК) КПБ.

В июне 1953 г. с инициативой корректировки номенклатурных списков и введения новой номенклатуры ЦК КПСС выступил секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Предлагалось, во-первых, расширить кадровую самостоятельность региональных партийных руководителей, во-вторых, вернуться к уже использованной ранее практике двойной номенклатуры – основной, решения по должностям которой принимались соответствующим парткомом, и учетно-контрольной – решения по которым принимал нижестоящий партком, но с обязательным последующим извещением вышестоящий партком о произведенных кадровых назначениях и освобождениях. Учетно-контрольная номенклатура рассматривалась как форма более мягкого контроля сверху за перемещением местных руководящих кадров. 16 июля 1953 г. эта новая номенклатура была утверждена решением Президиума ЦК КПСС [10, с. 60].

Подобная перестройка была проведена и в БССР. Постановлением Бюро ЦК КПБ от 1 октября 1953 г. «О номенклатуре ЦК Ком-

партии Белоруссии» утверждались основная и учетно-контрольная номенклатуры ЦК КПБ [11, л. 20–21]. На 1 января 1954 г. по основной номенклатуре ЦК КПБ проходило 2907 человек, по учетно-контрольной – 983 [12, л. 1, 122]. Таким же образом произошло разделение номенклатур во всех обкомах и некоторых райкомах КПБ.

Сами списки номенклатур со временем корректировались. Главным образом, это касалось работников местного уровня, менее всего – номенклатурных кадров союзного и республиканского звеньев власти и управления, находившихся в ведении ЦК КПСС. Так, в 1950–60-е гг. в номенклатуру ЦК КПСС (Бюро и Секретариата) по БССР традиционно из партийного и советского республиканского руководства входили все секретари и члены бюро ЦК КПБ, руководители отделов ЦК КПБ, председатели Президиума Верховного Совета БССР и Совета Министров БССР, их заместители, министры, Прокурор Республики, Председатель Верховного Суда БССР, руководители крупных промышленных и транспортных предприятий, президент АН БССР, ректоры крупных вузов и др. [13, л. 22–42; 14, л. 103–120].

Гораздо более интенсивно и динамично менялись номенклатуры кадров местного уровня (областного и районного). После введения двух видов номенклатур в 1953 г. в основную номенклатуру ЦК КПСС вошли по партийной линии секретари обкомов и первые секретари горкомов областных центров и Минска, заведующие особыми секторами обкомов КПБ, по советской – председатели облисполкомов, начальники областных статуправлений. Оказались в учетно-контрольной номенклатуре некоторые работники ОК КПБ (заведующие отделами, председатели партийных комиссий и шифровальщики), а из местных руководителей госорганов власти и управления – начальники областных управлений сельского хозяйства и заготовок. Из номенклатурных списков ЦК КПСС выпали председатели горисполкомов областных центров, заместители председателей облисполкомов, члены бюро обкомов КПБ, первые секретари райкомов КПБ, секретари (не первые) горкомов КПБ областных центров, которые оказались непосредственно в основной номенклатуре ЦК КПБ.

За счет этого довольно значительно повышалась роль ЦК КПБ в кадровой политике республики. Кроме того, в собственной номенклатуре ЦК КПБ (по которой Бюро ЦК

КПБ принимало решения самостоятельно) по-прежнему находились председатели райисполкомов, руководители основных управлений и отделов облисполкомов (плановых комиссий, финансов, торговли, здравоохранения, народного образования, юстиции). Начальники обллитов (управлений облисполкомов по делам литературы и издательств), ответственные секретари облисполкомов вместе с заместителями заведующих отделами обкомов КПБ, руководителями лекторских групп, заместителями начальников облуправлений сельского хозяйства, заведующими областными отделами соцобеспечения оказались в учетно-контрольной номенклатуре ЦК КПБ и одновременно вошли в основную номенклатуру ОК КПБ.

В основной номенклатуре ОК КПБ также находились обкомовские инструкторы и лекторы, некоторые руководящие работники РК и ГК КПБ, облисполкомов, заместители председателей сельских райисполкомов и горисполкомов областных центров, руководители основных отделов районных и городских исполкомов (культуры, народного образования, финансов, председатели плановых комиссий) и др.

Учетно-контрольную номенклатуру ОК КПБ (и соответственно, собственную номенклатуру РК и ГК КПБ) составили пропагандисты и лекторы ГК и РК КПБ, заведующие городскими и районными отделами коммунального хозяйства, социального обеспечения, районными отделами торговли и здравоохранения [15, л. 22–32].

В 1955 г. начинается разработка планов сокращения номенклатур ЦК КПСС, что послужило толчком к соответствующим изменениям и нижестоящих номенклатур. Новая номенклатура ЦК КПСС была утверждена Президиумом ЦК КПСС 1 июня 1956 г.: основная номенклатура сократилась почти вдвое, а учетно-контрольная – более чем в 3,5 раза [10, с. 7]. Соответственно и в БССР также стала доминировать линия на сокращение номенклатур ЦК КПБ с передачей кадровой ответственности на уровень обкомов КПБ. В результате последняя из утвержденных номенклатур ЦК КПБ «хрущевского периода» (июль 1963 г.) включала 1688 человек по основной и 737 – по учетно-контрольной номенклатуре [16, л. 248, 256].

Белорусский сегмент основной номенклатуры ЦК КПСС по местным партийным и советским органам управления составляли первые и вторые секретари обкомов КПБ, председатели облисполкомов, учетно-контрольной

номенклатуре – заместители председателей облисполкомов, первые секретари обкомов ЛКСМБ.

В свою очередь, основная номенклатура ЦК КПБ включала: секретарей обкомов (кроме первого и второго) КПБ, всех секретарей РК и ГК КПБ, заведующих отделами и председателей парткомиссий ОК КПБ, секретарей промышленно-производственных парткомов и их заместителей, начальников и секретарей парткомов производственных колхозно-совхозных управлений (ПКСУ), председателей районных и городских исполкомов, председателей комитетов по радиовещанию и телевидению, начальников областных управлений Министерства охраны общественного порядка, председателей Комитетов партийно-государственного контроля /КПГК/ по городам, городским районам и промышленным зонам, председателей (уполномоченных) КПГК по ПКСУ. По учетно-контрольной номенклатуре ЦК КПБ проходило назначение и перемещение начальников областных управлений культуры, торговли и связи, заместителей председателей городских, районных и районных в городе исполкомов Советов депутатов трудящихся.

Основную номенклатуру ОК КПБ составляли инструкторы обкомов КПБ, все заведующие отделами ГК и РК КПБ, руководители отделов и управлений облисполкомов (кроме вышеперечисленных), некоторых отделов районных и городских исполкомов (по основной номенклатуре – народного образования, по учетно-контрольной – финансов и культуры) [16, л. 235–256].

В райкомовских номенклатурных списках находились все руководители отделов и управлений райисполкомов, пропагандисты и инструкторы райкомов КПБ, председатели сельсоветов, секретари первичных парторганизаций и т.п. Перечни должностей районных номенклатур включали практически всех работников, так или иначе связанных с распорядительной деятельностью: не только председателей колхозов, но и бригадиров тракторных и полеводческих бригад, животноводческих ферм колхозов, колхозных агрономов и зоотехников, руководителей предприятий местного подчинения, директоров школ и т.п.

Что представляли собой кадры основной номенклатуры ЦК КПБ по состоянию на 1 января 1954 г. и 1 января 1962 г.?

На 1 января 1954 г. три четверти работников основной номенклатуры ЦК КПБ составляли люди в возрасте от 31 до 50 лет. За не-

большим исключением они были членами или кандидатами в члены КПБ, причем большинство – с довоенного времени. Основную массу составляли белорусы (61,2%, русские – 30%). Уровень образования относительно довоенных и первых послевоенных лет был более высоким – высшее или незаконченное высшее образование имел каждый второй номенклатурный работник, более 11% – среднее специальное. Среди лиц с высшим образованием преимущественно были люди с производственным высшим образованием: инженеры, специалисты сельского хозяйства и экономисты составляли 49,5%, гуманитарии (юристы, врачи, педагоги) – 34,5%, еще 16% шли по графе «другие специальности».

Каждый второй занимал свою руководящую должность от 2 до 10 лет. Вместе с тем значительную долю составляли новые номенклатурные кадры – до 1 года на занимаемой должности работал каждый четвертый. Более 5 лет стажа руководящей или ответственной работы в своей отрасли имели 64% работников, двое из трех – пятилетний опыт такой работы во всех отраслях и более десяти лет – каждый второй. Высокой была степень обновления кадров: за 1953 г. сменился каждый четвертый номенклатурный работник, при этом на их место более половины пришли с меньшей работы.

Таким образом, среднестатистический руководящий работник номенклатуры ЦК КПБ 1954 г. – мужчина от 31 до 50 лет, белорус, коммунист с довоенным партстажем, с высшим или незаконченным высшим образованием, с производственной специальностью, но без партийно-политического образования, с опытом работы на занимаемой должности более 5 лет и общим стажем руководящей работы более 10 лет [подсчитано по: 17, л. 1].

На 1 января 1962 г. возрастные рамки номенклатурных работников не изменились – три четверти по-прежнему занимали люди в возрасте от 31 до 50 лет. Примерно такой же, как и в 1954 г., было соотношение белорусов и русских: 61,8% – белорусы, 30,4% – русские. Также практически все они были коммунистами, но более чем в два раза сократилось число людей с довоенным партстажем (с 53,1% до 23,8%), а большинство (три четверти) уже составляли работники с военным и послевоенным партстажем.

За период с 1 января 1954 по 1 января 1962 г. значительно повысился образовательный уровень руководителей: доля лиц с высшим образованием увеличилась с 37,4%

до 84,8%. Совершенно исчезли работники с низким образованием, резко сократилось число работников со средним и незаконченным средним образованием (с 547 до 54) и средним специальным (с 329 до 49).

Одновременно снизился удельный вес как людей с производственным высшим образованием (инженеры, агрономы, зоотехники, экономисты – до 35,7%), так и гуманитарным (до 26,8%) при росте «другие специальности» – до 37,5%.

Каждый третий работал в занимаемой должности менее года, хотя абсолютное большинство (61,4%) имели стаж работы по этой должности до 3 лет. Люди в своей отрасли были далеко не новыми – 73% имели стаж руководящей и ответственной работы в отрасли более трех лет, а 40% – более 10 лет.

Таким образом, среднестатистический номенклатурный работник начала 1960-х гг. – мужчина в возрасте от 31 до 50 лет, белорус, коммунист с военного и послевоенного времени, с высшим образованием и большим разнообразием полученных специальностей, с опытом работы в своей должности до 3 лет и общим стажем руководящей работы свыше 15 лет [подсчитано по: 15, л. 149].

Заключение

Таким образом, в середине 1950-х гг. длительный период последовательной смены централизации (концентрация всей номенклатурной работы в одном отделе ЦК или обкома) и децентрализации (распределение кадровой работы по профильным отделам парткомов) в организации номенклатурного механизма кадровой политики закончился на долгое время победой децентрализации. Производственно-отраслевой принцип становится основным в номенклатурной практике вплоть до 1988 г.

Ведущей тенденцией организации номенклатурной работы была передача кадровой ответственности сверху вниз: за счет сокращения номенклатур ЦК КПСС расширялись возможности ЦК КПБ непосредственно влиять на кадровый состав руководителей в республике. В свою очередь, ЦК КПБ передавал часть своих кадровых полномочий обкомам КПБ. Однако здесь все и останавливалось – райкомовские и горкомовские номенклатуры практически оставались неизменными. Перераспределению номенклатурной ответственности способствовало и возвращение к двойной системе номенклатур – основной и учетно-резервной, расширявшей кадровые возможности

нижестоящих партийных комитетов в кадровой политике, но сохранявшей контролирующую функции вышестоящих.

В 1953–1964 гг. замечен рост образовательного уровня номенклатурных работников, отсутствие «кадрового застоя» и высокая степень их сменяемости. Анализ качественного состава номенклатуры ЦК КПБ (как в целом, так и партийных и советских кадров в частности) показывает, что в этот период заметно стремление специализированного использования номенклатурных кадров: люди двигались по служебной карьере преимущественно в какой-то одной сфере деятельности, случаи же перевода управленцев из одной отрасли в другую были скорее исключением, чем правилом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Коржихина, Т. П.** Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.
2. **Гимпельсон, Е. Г.** Советские управленцы, 20-е годы: Руководящие кадры государственного аппарата СССР / Е. Г. Гимпельсон. – Москва : ИРИ РАН, 2001. – 225 с.
3. **Пашин, В. П.** Партийная номенклатура в СССР (1917–1930-е годы): зарождение, развитие, безраздельное могущество / В. П. Пашин. – Белгород : Белгородская областная типография, 2004. – 243 с.
4. **Карелин, Е. Г.** Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.) / Е. Г. Карелин. – Москва : Политическая энциклопедия, 2014. – 422 с.
5. **Туфанов, Е. В.** Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е гг.: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа) / Е. В. Туфанов. – Ставрополь : ОООИД ТЭСЭРА, 2018. – 206 с.
6. **Коновалов, А. Б.** Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991) / А. Б. Коновалов. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – 635 с.
7. **Касцюк, М. П.** Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – 307 с.
8. **Протьюко, Т. С.** Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протьюко. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
9. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева и др. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 656 с.
10. Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прокуменчиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 774 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. – Оп. 81. – Д. 782.
12. НАРБ. Ф. 4п. – Оп. 109. – Д. 38.
13. НАРБ. Ф. 4п. – Оп. 81. – Д. 1311.
14. НАРБ. Ф. 4п. – Оп. 81. – Д. 1713.
15. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 144. – Оп. 60. – Д. 66.
16. НАРБ. Ф. 4п. – Оп. 81. – Д. 1761.
17. НАРБ. Ф. 4п. – Оп. 109. – Д. 62.

Поступила в редакцию 08.12.2021 г.
Контакты: sergeyelisarov@mail.ru
(Елизаров Сергей Александрович)

Yelizarov S. A. BELARUSIAN NOMENCLATURE IN 1953–1964: THE SYSTEM OF ORGANIZATION AND COMPOSITION

The article deals with the organizational mechanism of the nomenclatura system, nomenclatura levels and their specific content considering senior officials of the local and state party apparatus. It is noted that in the mid-1950s the production and industry principle of nomenclatura practice was fixed as the main one. The transfer of personnel responsibility from top to bottom, reflecting the general tendency of the 1950s – early 1960s towards the redistribution of power between management entities, became the leading trend. The main nomenclatura levels and their specific composition in dynamics are highlighted. A noticeable increase in the educational level of nomenclatura workers, the absence of “personnel stagnation” and a high degree of their mobility are revealed.

Keywords: the BSSR, personnel policy, nomenclatura system, the Communist Party, the Soviets, party committees.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programs task for 2021–2025.

УДК 327.8

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1979–1984 гг. В КОНТЕКСТЕ ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Ван Чунхуа

аспирант кафедры истории нового и новейшего времени
Белорусский государственный университет

В статье подвергнуты анализу китайско-американские отношения на протяжении нескольких лет после установления дипломатических контактов между Китаем и США. Противоречивый характер отношений между двумя странами исследуется через призму тайваньской проблемы, которая обострилась в связи с принятием в США «Закона об отношениях с Тайванем» и не прекращавшейся продажей американского оружия Тайваню.

Ключевые слова: КНР, США, китайско-американские отношения, тайваньская проблема, «Закон об отношениях с Тайванем», «Коммюнике 17 августа».

Введение

После того как Китай и США объявили об установлении дипломатических отношений (16 декабря 1978 г.), начался новый этап в развитии китайско-американских контактов, а затем и дальнейшего сотрудничества. Едва ли не единственной нерешенной проблемой, постоянно вызывавшей серьезные разногласия, оставался вопрос о продаже американского оружия Тайваню.

Официальные лица в администрации Президента Дж. Картера, а затем и новой администрации Президента Р. Рейгана были единодушны в том, что Соединенные Штаты не должны прекращать продажу оружия Тайваню. Этой же позиции придерживалось и большинство Конгресса США. В результате принятый в апреле 1979 г. «Закон об отношениях с Тайванем» закреплял за Соединенными Штатами право продолжения поставок Тайваню оборонительного оружия.

Однако руководители КНР категорически настаивали на том, что продолжение продажи оружия Тайваню является нарушением суверенитета их страны. В принятом законе они увидели прямой вызов ранее достигнутым договоренностям о нормализации отношений между КНР и США, в том числе духу и принципам «Шанхайского коммюнике», опубликованного 28 февраля 1972 г. и заложившего основу для развития китайско-американских отношений.

Официальные лица США и КНР осознали, что если обе стороны не смогут договориться по вопросу о поставках оружия Тайваню, то отношения между ними могут пойти на убыль или даже полностью рухнуть. В этих условиях ими были предприняты немалые усилия для выхода из кризисной ситуации. Именно этот аспект китайско-американских отношений 1979–1984 гг. и рассматривается в данной статье, в основу которой положены официальные документы и материалы, и прежде всего «Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки» от 17 августа 1982 г.

Основная часть

В соответствии с ранее принятыми договоренностями заместитель премьер-министра Госсовета КНР Дэн Сяопин, ставший фактическим лидером Китая, в конце января – начале февраля 1979 г. посетил Соединенные Штаты с дружественным визитом. Это была первая поездка китайского лидера в США после основания Китайской Народной Республики.

В ходе визита Дэн Сяопин и Президент Дж. Картер обменялись мнениями о международной ситуации и отношениях Китая с Соединенными Штатами. Китай и США подписали ряд соглашений о сотрудничестве в области науки и техники, а также в ряде других областей. Поездка Дэн Сяопина в Соединенные Штаты значительно способствовала развитию китайско-американского сотрудничества и стала началом так называемого «золотого десятилетия» отношений между Китаем и США.

Особое место в отношениях между двумя странами занимал тайваньский вопрос. В день, когда Китай и Соединенные Штаты объявили об установлении дипломатических отношений, правительства обеих стран выступили с соответствующими заявлениями. В заявлении правительства США говорилось: «В будущем американский и тайваньский народы будут поддерживать деловые, культурные и другие отношения без официальных представительств или дипломатических отношений». Американская

администрация «будет стремиться скорректировать законы и правила для поддержания коммерческих, культурных и других неправительственных отношений с Тайванем в новых условиях, сложившихся после нормализации американо-китайских отношений» [1]. В соответствии с этим Президент Картер 26 января 1979 г. поставил перед Конгрессом вопрос о взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Тайванем. После двух месяцев обсуждений и поправок внесенного законопроекта Палата представителей приняла «Закон об отношениях с Тайванем», который вступил в силу после его подписания Президентом Картером 10 апреля.

«Закон об отношениях с Тайванем» разочаровал китайскую сторону, поскольку нарушал принципы, согласованные при установлении дипломатических отношений между КНР и США. 19 апреля, когда Дэн Сяопин встретился с делегацией Комитета по иностранным делам Сената США, прибывшей с визитом в Китай, китайский лидер отметил: «Мы не удовлетворены «Законом об отношениях с Тайванем», принятым Конгрессом США. Фундаментальная проблема этого закона заключается в том, что он не признает, что есть только один Китай. Многие статьи закона указывают на то, что они защищают Тайвань и что все это соответствует интересам Соединенных Штатов, которые готовы поддержать Тайвань оружием. Как только что-то происходит на Тайване, Соединенные Штаты непременно вмешиваются. Поэтому данный закон подрывает политическую основу нормализации отношений между Китаем и США» [2, с. 261].

В ответ на такую достаточно резкую позицию китайской стороны Соединенные Штаты выступили 6 июля с заявлением, в котором говорилось: «США будут соблюдать все договоренности с Китайской Народной Республикой об установлении дипломатических отношений». «Закон об отношениях с Тайванем», принятый Конгрессом, не соответствует всем пожеланиям правительства в отдельных деталях, но он предоставляет президенту полную свободу действий. У администрации достаточно полномочий, чтобы реализовать этот закон в полном соответствии со стремлением к нормализации отношений... Правительство США усердно работало над тем, чтобы формулировки закона не подрывали наше общее с вашим правительством согласие и не вынуждали ваше правительство предпринимать действия, отклоняющиеся от этого согласия и понимания» [3, с. 235].

В январе 1981 г. Президентом Соединенных Штатов стал Рональд Рейган. Еще во время президентской кампании он достаточно откровенно выразил свою позицию по тайваньскому вопросу: «Я удовлетворен тем, что «Закон об отношениях с Тайванем» является официальной и достаточной основой для поддержания наших отношений с Тайванем. Я обещаю реализовать этот закон» [4, с. 191]. 12 мая советник Президента Э. Миз подтвердил данную позицию. Он заявил, что США полностью выполняют «Закон об отношениях с Тайванем», включая продажу оружия. Вскоре после этого в прессе США было опубликовано сообщение о том, что десятки сенаторов отправили письмо Президенту Рейгану с просьбой о продаже Тайваню современных истребителей F-Х. Отметим, что администрация Рейгана не только продолжила продавать оружие, но и стремилась к расширению его поставок. Так дала о себе знать проблема ответственности США за продажу оружия Тайваню, не решенная еще в период китайско-американских переговоров об установлении дипломатических отношений.

Китай выступил с резкой критикой и осуждением подобной политики США. 4 декабря 1981 г. в Пекине начались китайско-американские переговоры по вопросу продажи Соединенными Штатами оружия Тайваню. В ходе переговоров правительство США выступило с заявлением от 11 января 1982 г., в котором сообщалось, что заинтересованные ведомства США «приняли собственное решение о продаже самолетов Тайваню. При этом пришли к выводу, что Соединенным Штатам нет необходимости продавать Тайваню современные истребители, поскольку он не нуждается в таких. Потребности Тайваня в обороне сейчас и в обозримом будущем могут быть удовлетворены за счет замены существующих устаревших самолетов на аналогичные новые, а также за счет расширения линии совместного производства самолетов F-5Е на Тайване» [5]. На следующий день китайский представитель Министерства иностранных дел выразил решительный протест: «Продажа оружия Тайваню Соединенными Штатами является одной из основных проблем, затрагивающих суверенитет Китая. Она может быть решена только после переговоров между правительством США и правительством Китая. Китайское руководство никогда не согласится с односторонним решением администрации США по этому вопросу» [3, с. 190–191].

Адміністрацыя США соглашалася толькі с тым, што аб'ём продажы амерыканскага зброі Тайваню не павінен перавышаць узровень, існаваўшага на момант устанавлення дыпламатычных адносін між Кітаем і ЗША, адказваючы, такім чынам, ад поўнага прыпынку яго паставак. Кроме таго, ЗША настойвалі на тым, каб узяць паступовае скарачэнне продажы зброі Тайваню з мірным рашэннем Кітаем тайваньскага пытання. Вясной 1982 г. кітайско-амерыканскія перагаворы фактычна зашлі ў тупік [3, с. 194].

2 мая газета «Жэньмінь жибао» апублікавала артыкул палітычнага камментара, у якім гаворылася: «Прадажа Соедзіненнымі Штатамі зброі Тайваню з'яўляецца актам, які парушае суверенітэт Кітая і сведчыць аб умяшчальстве ўнутраныя справы... Кітайскі народ нікогды не уступіць Соедзіненым Штатам, што неабходна прывядзе кітайско-амерыканскія адносіны ў становішча вельмі небяспечнай сітуацыі» [4, с. 195].

Чтобы выйти из возникшего тупика, 5 мая 1982 г. в Китай прибыл вице-президент США Дж. Буш. Он провел переговоры с китайскими лидерами, изложив им позицию США по проблемному вопросу. Суть этой позиции заключалась в том, что Соединенные Штаты не могут назвать конкретную дату прекращения продажи оружия, что отнюдь не означает, что они будут поставлять оружие Тайваню неограниченное время. В итоге обе стороны согласились с тем, что представители обеих стран продолжают переговоры по данному вопросу.

30 мая 1982 г. по приглашению Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Китая посетил лидер сенатского большинства Х. Бейкер. Китайская сторона указала ему на то, что развитие отношений между Китаем и США чрезвычайно затруднено и что между ними существуют «серьезные разногласия». Бейкер заверил китайскую сторону в том, что большинство его коллег «решительно поддерживают дальнейшее развитие дружеских отношений между двумя странами» [4, с. 177–179].

Одновременно Вашингтон предпринял по дипломатическим каналам меры для того, чтобы подчеркнуть свою приверженность Тайваню и показать, что США являются надежным партнером. В июле 1982 г. Тайваню были предоставлены гарантии, изложенные в рассекреченной к настоящему времени телеграмме на имя Дж. Лилля, директора Американского института на Тайване, фактического посольства

США. В ней, в частности, пояснялось, что готовность США сократить продажу оружия Тайваню обусловлена неизменной приверженностью КНР мирному урегулированию разногласий по обе стороны пролива. Кроме того, если КНР станет более враждебной, то Соединенные Штаты увеличат поставки оружия Тайваню [6].

И только в августе 1982 г. после долгих и трудных переговоров китайская и американская стороны достигли окончательного соглашения. 17 августа было опубликовано «Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки», известное также как «Коммюнике 17 августа» [7].

В этом документе Китай и Соединенные Штаты подтвердили принципы, согласованные ранее в Шанхайском коммюнике и Совместном коммюнике об установлении дипломатических отношений. Обе стороны подчеркивали, что принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга «продолжают оставаться руководящими во всех аспектах двусторонних отношений» [7]. Китайское правительство вновь подтвердило, что «вопрос о Тайване является внутренним делом Китая» [7]. При этом китайская сторона акцентировала внимание на своей приверженности мирному решению тайваньского вопроса. В этой связи в «Коммюнике 17 августа» подчеркивалось: «В Послании Китая к соотечественникам на Тайване от 1 января 1979 г. провозглашена принципиальная политика стремления к мирному воссоединению Родины. Предложение из девяти пунктов, выдвинутое Китаем 30 сентября 1981 г., представляет собой еще одно крупное усилие в рамках этой фундаментальной политики, направленной на достижение мирного решения тайваньского вопроса» [7].

Правительство США, придавая большое значение отношениям с Китаем, особо оговаривало в Коммюнике, что не намерено посягать на суверенитет Китая и его территориальную целостность, вмешиваться во внутренние дела Китая или проводить политику «двух Китаев» или «один Китай, один Тайвань». Оно «понимает и ценит» стремление Китая «к мирному урегулированию тайваньского вопроса», что создает «благоприятные условия для урегулирования американо-китайских разногласий по вопросу о продаже Соедзіненнымі Штатамі зброі Тайваню» [7]. Прынімаючы ўважэнне пазіцыю кітайскай староны, урада ЗША

Соединенных Штатов заявляло, что «оно не стремится проводить долгосрочную политику продажи оружия Тайваню, что продажа оружия Тайваню не превысит ни по качеству, ни по количеству уровень поставок, достигнутый на момент установления дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Китаем, и что оно намерено постепенно сокращать продажу вооружений Тайваню, что со временем приведет к окончательному решению существующей проблемы» [7; 8, с. 161–169].

В день публикации «Коммюнике 17 августа» Президент Рейган весьма противоречиво высказался по его поводу: «Установление прочных отношений с Китаем всегда было важной внешнеполитической целью США. Эти отношения очень важны с точки зрения долгосрочных интересов нашей национальной безопасности, они способствуют укреплению стабильности в регионе Восточной Азии». В то же время он подчеркнул, что «Соединенные Штаты поставляют оружие Тайваню и что эти поставки будут по-прежнему основываться на «Закоме об отношениях с Тайванем» [8, с. 292]. В более категоричной форме эта позиция была изложена в секретном меморандуме президента на имя госсекретаря и министра обороны в день подписания «Коммюнике 17 августа»: «Весьма существенно, что количество и качество поставляемого Тайваню оружия обусловлены степенью угрозы со стороны КНР» [9].

Одновременно в этот же день, 17 августа, на имя Дж. Лилля поступила еще одна секретная телеграмма от тогдашнего госсекретаря США Дж. Шульца, в которой Тайваню предлагались заверения, подкреплявшие вышеизложенную позицию США. Эти заверения вошли в историю как «Шесть гарантий» Тайваню, в соответствии с которыми Соединенные Штаты давали обещание:

- не соглашаться устанавливать дату прекращения продажи оружия Тайваню;
- не соглашаться консультироваться с КНР по продаже оружия Тайваню;
- не играть посредническую роль между Тайбэем и Пекином;
- не соглашаться пересматривать «Закон об отношениях с Тайванем»;
- не изменять свою позицию в отношении суверенитета над Тайванем»;
- не оказывать давление на Тайвань с целью вступления в переговоры с КНР.

«Шесть гарантий» на долгое время стали основополагающим элементом политики США в отношении Тайваня и КНР.

Китайская сторона достаточно мягко прокомментировала коммюнике. В заявлении Министерства иностранных дел Китая, в частности, говорилось, что продажа американского оружия Тайваню должна быть давно и полностью прекращена. Учитывая, что эта проблема сложилась исторически, китайское правительство на основе соблюдения установленных принципов согласилось на ее поэтапное решение. Сначала продажа оружия Тайваню не должна превышать уровень последних лет, затем она постепенно уменьшится и, наконец, через некоторое время окончательно прекратится. В заявлении подчеркивался основополагающий принцип внешней политики Китая – стремление к мирному объединению, чтобы продемонстрировать добрую волю китайского правительства и народа в деле мирного урегулирования тайваньского вопроса, а также неприятие любого внешнего вмешательства во внутренние дела страны. «Любая попытка связать это Коммюнике с «Законом об отношениях с Тайванем» противоречит духу и сущности Коммюнике и потому неприемлема» [3, с. 208–217].

После публикации «Коммюнике 17 августа» кризис, серьезно угрожавший китайско-американским отношениям, был временно смягчен за счет взаимных уступок. Тем не менее в отношениях между двумя странами по-прежнему возникали новые конфликты и проблемы. Так, проведенные 13 января 1983 г. китайско-американские переговоры по торговле текстилем не достигли результативного соглашения. Соединенные Штаты в одностороннем порядке ввели ограничения на импорт 32 категорий китайского текстиля. В ответ 19 января этого же года Китай принял решение о немедленном отказе от новых контрактов на импорт хлопка, химического волокна и соевых бобов, а также о сокращении импорта ряда сельскохозяйственных продуктов из Соединенных Штатов [10, с. 208].

На этот раз с целью урегулирования спорных вопросов в Пекин 2 февраля 1983 г. прибыл государственный секретарь США Дж. Шульц. Хотя его поездка и не достигла конкретного результата, она несколько смягчила атмосферу и привела к обмену визитами между китайскими и американскими лидерами и высшими должностными лицами [3, с. 406].

С 26 апреля по 1 мая 1984 г. Китай посетил с официальным визитом президент США Р. Рейган. Руководители КПК и государства встретились с ним и обменялись мнениями по

основным вопросам международной политики и китайско-американских отношений.

Во время встречи Дэн Сяопин отметил, что тайваньский вопрос является ключевым в отношениях между Китаем и США. Он пространно объяснял американскому президенту необходимость расширения контактов между двумя странами, подчеркивал готовность и стремление Китая к мирному воссоединению путем переговоров. Китайский лидер дал понять президенту Рейгану, что после воссоединения тайваньская система управления останется без изменений, интересы тайваньского народа не пострадают, а Тайвань, Соединенные Штаты и Япония смогут поддерживать уже налаженные отношения. Он с удовлетворением отметил, что, несмотря на имевшиеся споры и разногласия, в последнее время в развитии отношений между двумя странами возобладала положительная тенденция, что Китай и Соединенные Штаты разделяют общие позиции по некоторым международным вопросам, хотя сохраняются и различия. Дэн Сяопин заявил в заключение: «У Китая и Соединенных Штатов есть желание развивать сотрудничество. Мы надеемся, что лидеры двух стран и высшие должностные лица будут укреплять отношения в будущем» [11, с. 106].

В ответ Президент Рейган заверил китайского лидера в том, что США готовы придерживаться принципа, согласно которому тайваньский вопрос – это вопрос, который Китай должен решать самостоятельно. Соединенные Штаты не намерены вмешиваться и надеются, что эта проблема будет урегулирована мирным путем. Они и впредь будут «поддерживать усилия Китая, направленные на модернизацию страны, и готовы расширять китайско-американское экономическое, торговое и культурное взаимодействие» [11, с. 109]. Визит Р. Рейгана закрепил относительный успех китайско-американского переговорного процесса в рассматриваемый период.

Заключение

Приведенный выше материал убедительно свидетельствует о том, что тайваньский вопрос действительно являлся одним из самых чувствительных в китайско-американских отношениях рассматриваемого периода. В результате он был относительно урегулирован за счет взаимных уступок. Американская сторона в своих действиях неукоснительно исходила из принципа единого Китая. Китайская сторона, удовлетворяясь этим важным для нее

аспектом американской дипломатии, не настаивала на немедленном прекращении продажи оружия Тайваню. Кроме того, китайское руководство всячески подчеркивало свою ориентацию на мирное урегулирование тайваньского вопроса, прекрасно понимая, что всякие враждебные поползновения в отношении Тайваня могут привести к изменению политики США и даже разрушению уже достигнутого уровня отношений между двумя сторонами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Заявление правительства США (美国政府声明) // Женьминь жибао. – 1978, 17 декабря. – С. 1.
2. Ли, Чанцзю (李长久). 200 лет китайско-американским отношениям (中美关系二百年) / Чанцзю Ли. – Пекин: Синьхуа, 1984. – 891 с.
3. Хан, Няньлун (韩念龙). Современная китайская дипломатия (当代中国外交) / Няньлун Хан. – Пекин: Издательство мировых знаний, 1999. – 527 с.
4. Донмэй (冬梅). Избранные материалы по истории китайско-американских отношений (中美关系史料选编) / Донмэй. – Пекин: Издательство текущих событий, 1982. – 537 с.
5. Несмотря на неоднократные заявления нашей страны, правительство США нагло решило продолжить продажу оружия Тайваню (美国政府不顾我外交部多次交涉, 悍然决定继续对台出售武器) // Женьминь жибао. – 1982, 12 января. – С. 1.
6. Taiwan Arms Sales, Date: 1982-07-10 (200235) / Under Secretary of State Lawrence Eagleburger to American Institute of Taiwan Director James Lilley [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ait.org.tw/wp-content/uploads/sites/269/State-cable-of-1982-07-10-200235.pdf>. – Date of access: 4.05.2022.
7. United States-China Joint Communique on United States Arms Sales to Taiwan. August 17, 1982 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/united-states-china-joint-communique-united-states-arms-sales-taiwan>. – Date of access: 4.05.2022.
8. Современная китайская дипломатия (当代中国外交) / Центр управления архивами Министерства иностранных дел. – Пекин: Издательство мировых знаний, 1994. – 953 с.
9. Ronald Reagan. Memorandum for the Honorable George P. Shultz. 1982, August 17 / Declassify in full by John R. Bolton on 8/30/2019 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ait.org.tw/wp-content/uploads/sites/269/08171982-Reagan-Memo-DECLASSIFIED.pdf>. – Date of access: 4.05.2022.

10. **Ряснов, И. А.** Особенности отношений КНР с ЕС и США в XXI веке / И. А. Ряснов, О. В. Плотникова // Журнал Сибирский международный. – 2014. – № 16. – С. 208–217.

11. **Ронг, Анлан** (容安澜). Одуматься в последний момент: американская политика Тайваня и китайско-американские отношения (悬崖勒马: 美国的台湾政策与中美关系) / Анлан Ронг. – Пекин : Синьхуа, 2007. – 479 с.

Поступила в редакцию 05.06.2022 г.
Контакты: nicolas-010@qq.com
(Ван Чунхуа)

Wang Chonghua. SINO-AMERICAN RELATIONS IN 1979–1984 IN THE CONTEXT OF THE TAIWAN PROBLEM

The article analyzes the Sino-American relations after the establishment of diplomatic contacts between China and the United States. The contradictory nature of relations between the two countries is being investigated through the prism of the Taiwan problem, which escalated in connection with the adoption of the “Taiwan Relations Act” in the United States and the continued sale of American weapons to Taiwan.

Keywords: PRC, USA, US-China relations, the Taiwan problem, Taiwan Relations Act, The August 17 Communiqué.

УДК 94

СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ОТНОШЕНИИ КНР В XXI в.

А. В. Беляева

аспирант кафедры истории нового и новейшего времени
Белорусский государственный университет

В статье рассматривается китайский вектор внешней политики США в XXI в. на основе анализа принимаемых в данный период Стратегий национальной безопасности.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности; внешняя политика США; американо-китайские отношения, Китай.

Введение

В статье на основе Стратегий национальной безопасности (СНБ) сделана попытка выявить наиболее характерные положения китайской политики США и их изменения в первые десятилетия XXI в. Были проанализированы все 5 документов, принятых в указанный период.

Встав на путь экономических преобразований в конце XX в. Китай постепенно наращивал свою экономическую мощь. Однако в то время страна находилась в политической изоляции, не имела серьезного влияния на международные процессы. В течение XXI в. ситуация изменилась: Китай сумел достичь успехов на мировой арене, соизмеримых с его экономическим потенциалом. КНР удалось стать еще одним центром силы, составив конкуренцию США.

Правящие круги США не могли не принимать во внимание рост экономического и военного могущества Китая, который отражался в том числе в высоких темпах научно-технического прогресса, программах модернизации вооруженных сил страны, усилении политического влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Африке. Китай стал для США одним из основных оппонентов на мировой арене, и американский политической элите необходимо было вырабатывать стратегию отношений между государствами.

Одним из концептуальных документов, позволяющих анализировать шаги США на китайском направлении внешней политики, является Стратегия национальной безопасности – документ, который, согласно Акту Голдуотера–Николса 1986 г., президент должен

ежегодно направлять Конгрессу. Его содержание определяет наиболее важные для национальной безопасности и положения в мире цели и задачи США [1]. Несмотря на то что в соответствии с принятым законом Стратегия национальной безопасности должна публиковаться каждый год, президенты в XXI в. не соблюдают этот пункт и СНБ появляется один раз за президентский срок. В связи с этим к настоящему моменту существует пять Стратегий национальной безопасности США.

Основная часть

В эпоху Дж. Буша-младшего (2001–2009 гг.) СНБ были опубликованы в 2002 и 2006 гг.

В документе 2002 г. сказано: «Отношения Соединенных Штатов с Китаем – важная часть нашей стратегии по поддержке мирного, стабильного и процветающего Азиатско-Тихоокеанского региона. Мы приветствуем появление сильного, мирного и процветающего Китая» [2].

В тексте отмечены успехи в демократизации политической системы КНР: «Китай встал на путь политической открытости, разрешив много личных свобод и проведение выборов на уровне деревень, но он все еще остается преданным однопартийной системе во главе с Коммунистической партией» [2]. С другой стороны, в документе высказана критика в адрес китайского руководства: «До сих пор, спустя четверть века после начала процесса избавления от худших проявлений коммунистического наследия, китайское руководство все еще не приняло нескольких фундаментальных решений о характере их государства. Расширяя свой военный потенциал, который может угрожать соседям в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Китай идет по устаревшему пути, который, в конце концов, помешает их стремлению к национальному величию» [2].

В СНБ 2002 г. выделены успехи и противоречия в американо-китайских отношениях. Между странами развивалось сотрудничество в рамках международной борьбы с терроризмом и снижения напряженности на Корейском

полуострове, общих проблем в области здравоохранения и окружающей среды: «Мы уже хорошо сотрудничаем там, где наши интересы пересекаются» [2]. К наиболее проблемным темам американо-китайского взаимодействия были отнесены права человека и тайваньская проблема, а именно поддержка Тайваня со стороны США в соответствии с «Актом об отношениях с Тайванем». В качестве дальнейших планов было сказано: «Мы будем работать над уменьшением существующих разногласий, но не позволим им препятствовать сотрудничеству там, где мы соглашаемся друг с другом» [2].

Была затронута и экономическая сторона отношений США и Китая: «Наши важные торговые отношения выиграют от вступления Китая в ВТО, что создаст больше возможностей для экспорта и, как следствие, больше рабочих мест для американских фермеров, рабочих и компаний» [2]. В данном документе не говорилось о дефиците в торговом балансе между странами, но отмечено, что Китай – четвертый крупнейший торговый партнер США.

Стратегия национальной безопасности 2006 г. имеет ряд общих с предыдущим документом положений: были затронуты основные направления американо-китайского сотрудничества, упомянуто, что в своей политической линии китайское руководство сохраняет устаревшие черты, которые задерживают развитие страны и усугубляют напряженность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В остальном же Стратегия 2006 г. представляет собой отдельный документ, который показывает иное отношение США к КНР. Наилучшим образом произошедшие изменения может показать сопоставление двух фраз, встречающихся в обоих текстах: «Мы приветствуем появление сильного, мирного и процветающего Китая» [2] и «Китайское руководство заявило, что приняло решение идти по преобразующему пути мирного развития. Если Китай выполнит это обязательство, Соединенные Штаты будут приветствовать появление мирного и процветающего Китая, который сотрудничает с нами для решения общих проблем и в рамках двусторонних интересов» [3]. Видно, что в первом случае США воспринимают мирный и процветающий Китай как уже свершившийся факт, а затем в документе показано, как еще улучшить систему. Во втором же случае указывается, что руководству страны еще необходимо провести ряд преобразований для достижения такого состояния, но сделать это китайское руководство должно своими

силами. Американская сторона не показывает своего участия в этом процессе, а только направляет: «Соединенные Штаты призывают Китай продолжить путь реформ и открытости, потому что это поможет китайскому руководству удовлетворить законные нужды и стремления китайского народа к свободе, стабильности и процветанию» [3]. «В конечном счете китайское руководство должно видеть, что оно не может позволить своему населению все больше свободы покупать, продавать и производить, пока отрицают их права собираться, говорить и верить в бога» [3].

Экономические отношения между США и КНР не вынесены в единый блок, они обозначены отдельными предложениями, встречающимися в нескольких частях текста. Их смысл сводится к призывам Китая соблюдать обязательства перед Всемирной торговой организацией и переходить на гибкий рыночный обменный курс. Совокупность этих фраз показывает, что постоянно увеличивающийся дефицит торгового баланса стал беспокоить США.

Таким образом, анализ Стратегий национальной безопасности США 2002 и 2006 гг. показывает, что документы выражают разную позицию США по отношению к КНР. В первом из них не скрываются разногласия между странами, но в центре внимания – развитие двусторонних отношений. Во втором же документе акцент сделан на проблемных вопросах, которые наиболее беспокоят американскую сторону.

В период президентства Б. Обамы (2009–2017 гг.) Стратегии национальной безопасности были опубликованы в 2010 и 2015 гг.

В тексте 2010 г. Китай упоминался, во-первых, в отдельном, посвященном ему фрагменте, где определялась американская позиция в отношении данного государства, во-вторых, в совокупности с Индией и Россией – как других ключевых центров силы в мире, с которыми США нацелены на углубление отношений «на основе обоюдных интересов и взаимного уважения» [4].

В СНБ 2010 г. позиция США по развитию сотрудничества с КНР выражена в духе документа 2002 г.: «Мы не будем соглашаться по каждому вопросу, мы будем откровенны в нашем беспокойстве о правах человека и других областях, где мы имеем разногласия. Но они не должны мешать сотрудничеству по взаимным интересам, потому что прагматичные и эффективные отношения между Соединенными Штатами и Китаем необходимы для решения главных проблем XXI в.» [4].

В сравнении с предыдущими Стратегиями национальной безопасности в данной отсутствуют многократные упоминания о правах человека в КНР, призывы к проведению реформ. Кроме того, в тексте отсутствует экономический блок.

Наибольшую озабоченность американской стороны вызывает программа модернизации китайской армии, за проведением которой США следят, чтобы «гарантировать, что интересы США и союзников, региональных и глобальных, не пострадают» [4].

По общему настроению следующая Стратегия национальной безопасности США схожа с документом 2010 г. В ней также даны позитивные оценки американо-китайского сотрудничества и роли КНР в современном мире: «Соединенные Штаты приветствуют подъем стабильного, мирного и процветающего Китая. Мы стремимся развивать конструктивные отношения с Китаем, которые приносят выгоду двум народам и способствуют безопасности и процветанию в Азии и во всем мире» [5].

Однако сквозь общий позитивный тон легко уловить претензии и опасения. В частности, в тексте дважды сказано о программе военной модернизации в КНР. В 2010 г. говорилось о том, что США будут «следить» за ней, в 2015 г. они планируют делать это «внимательно» и «пристально». Более того, планируется «расширить присутствие в Азии при поиске способов снижения риска недопонимания или просчета» [5]. Новой темой американо-китайских отношений в СНБ США стала кибербезопасность.

Экономика и права человека в тексте объединены одной фразой: «В то же время мы будем управлять конкуренцией с позиции силы, настаивая на том, чтобы Китай придерживался международных норм и правил по различным вопросам – от морской безопасности до торговли и прав человека» [5].

Важно отметить, что в Стратегии национальной безопасности 2015 г. не был затронут такой аспект, как отношения КНР и Тайваня, но позитивно оценена совместная работа США и Китая по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова.

Если в СНБ США 2002 и 2006 гг. вопросы, связанные с охраной окружающей среды, только начинали появляться в контексте американо-китайских отношений, то в эпоху Б. Обамы данная тема является одной из наиболее заметных.

Стратегии национальной безопасности 2010 и 2015 гг. имеют схожие положения и общий тон, что говорит о практически неизменяющейся позиции США в отношении Китая в годы президентства Б. Обамы. Этот и еще ряд других моментов отличают СНБ эпохи Б. Обамы от документов времен Дж. Буша-младшего.

Первое, на что необходимо обратить внимание, снижение числа упоминаний Китая в текстах, что показано в таблице 1. Как видим, общее количество упоминаний снизилось в два раза (50 – президентство Дж. Буша-младшего, 23 – президентство Б. Обамы).

Во-вторых, серьезные изменения произошли в содержании документов. СНБ 2010 г. и 2015 г. имеют декларативный характер, они показывают важность двусторонних отношений для самих США и мира, дают общую позицию страны по отношению к КНР, в обоих документах отсутствуют призывы и/или советы по развитию демократических процессов в Китае. В свою очередь, документы 2002 и 2006 гг., помимо американской позиции в отношении КНР, содержат информацию о направлениях сотрудничества двух государств, существующих проблемах и ряд другой информации.

Таблица 1. Количество употреблений слов «Китай», «китайский», «КНР» в Стратегиях национальной безопасности США начала XXI в.

Год издания Стратегии национальной безопасности	2002	2006	2010	2015	2017
Количество использования слова «China» (Китай)	18	28	10	12	32
Количество использования слова «Chinese» (китайский)	2	2	0	1	3
Количество использования аббревиатуры «КНР» (PRC)	0	0	0	0	0
Общее количество	20	30	10	13	35

Изменения также видны при рассмотрении результатов проведенного частотного анализа слов в частях Стратегий национальной безопасности 2002, 2006, 2010, 2015 гг., касающихся Китая, который дал возможность составить выборку наиболее употребляемых слов в годы президентства Дж. Буша-младшего (рис. 1) и в годы президентства Б. Обамы (рис. 2). Она позволяет с помощью количественных данных показать отличия позиции США в отношении КНР при разных президентах.

Проанализировав данные рис. 1, можно определить, какие темы имели наибольшее значение в данный период. Во-первых, экономическая проблематика, о чем свидетельству-

ют слова «economic» («экономический») и «trade» («торговля»). Во-вторых, слова «global» («глобальный», «мировой») и «international» («международный») показывают связь американо-китайских отношений с международной ситуацией. Также необходимо отметить слово «freedom» («свобода»), которое согласуется с проблематикой прав человека и других демократических прав и свобод в Китае.

При рассмотрении рис. 2 необходимо обратить внимание на высокую позицию слова «cooperation» («сотрудничество»), которое является наиболее часто употребляемым после названия самих государств, хотя на рис. 1 оно вообще отсутствует. Позиция данного слова показывает отношение США к Китаю в период президентства Б. Обамы.

В перечень также попало слово «climate» («климат») – достаточно новое направление американо-китайского сотрудничества, что демонстрирует его значимость для администрации Б. Обамы.

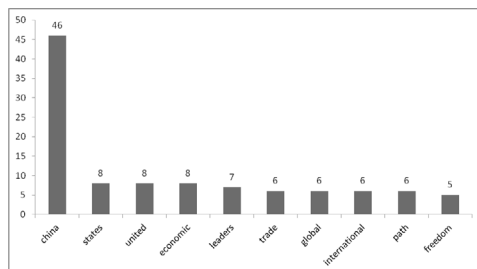

Рисунок 1. Наиболее употребляемые слова в Стратегиях национальной безопасности периода президентства Дж. Буша-младшего

Помимо этого, необходимо обратить внимание на то, что слово «cooperation» («сотрудничество») является самым употребляемым словом после названий стран. Это слово указывает на характер отношений, которого удалось достичь странам по одним вопросам и к которому они стремятся по другим. С «cooperation» близко связано слово «climate» («климат») как направление американо-китайских отношений, что показывает важность этого нового направления в сотрудничестве двух стран.

На выборах президента в 2016 г. победу одержал кандидат от Республиканской партии Д. Трамп. В годы его президентства свет увидела только одна Стратегия национальной безопасности, которая была опубликована в 2017 г. В ней упоминаний о КНР вновь стало много, на уровне президентства Дж. Буша-младшего (см. табл. 1).

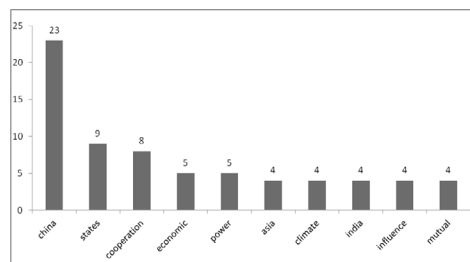

Рисунок 2. Наиболее употребляемые слова в Стратегиях национальной безопасности периода президентства Б. Обамы

При анализе Стратегии национальной безопасности 2017 г. можно обратить внимание на то, что Китай и Россия часто упоминаются вместе и открыто названы соперниками США: «Три основные группы соперников – ревизионистские силы Китай и Россия, государства-изгои Иран и Северная Корея, а также представляющие международную угрозу организации, в частности, джихадистские террористические группы – активно противостоят США и нашим союзникам и партнерам» [6]. Также заявлено, что они совместными усилиями хотят нанести удар по позициям США в мире: «Китай и Россия бросают вызов американской силе, влиянию и интересам, стремясь разрушить американскую безопасность и процветание» [6].

Помимо этого, в документе содержатся и другие обвинения в сторону КНР: «Несмотря на то что Соединенные Штаты стремятся продолжить сотрудничество с Китаем, Китай использует экономические стимулы и штрафы, влияние и предполагаемые военные угрозы для убеждения других государств прислушаться к его политической повестке и повестке в области безопасности. Китайские инвестиции в инфраструктуру и торговые стратегии укрепляют его геополитические устремления» [6].

Как угроза в СНБ 2017 г. рассматривалось развитие вооруженных сил КНР: «Китай и Россия разрабатывают современное вооружение, которое может угрожать нашей критической инфраструктуре и системе управления и командования» [6]. В соответствии с документом укрепление военной мощи Китая приведет к следующим последствиям: «Его усилия по строительству и милитаризации аванпостов в Южно-Китайском море подвергают опасности свободное течение торговли, угрожают суверенитету других государств и подрывают региональную стабильность. Китай развернул

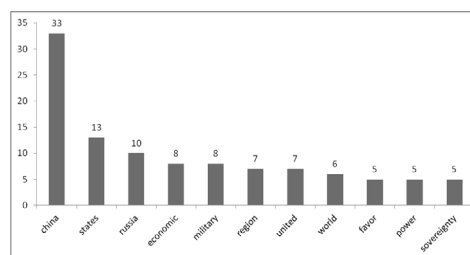
кампанію быстрой военной модернізацыі, накіраванай на абмежаванне доступу США ў рэгіён і прадастаўленне большай свабоды Кітаю ў рэгіёне» [6].

У СНБ 2017 г. змяшчаюцца і прэтэнзіі США да КНР ў эканамічнай сфэры. У частнасці, затронуты кітайскія інвестыцыі: «Кітай і Расія накіруюць свае інвестыцыі ў развіваючыся свет для пашырэння ўплыву і атрымання канкурэнтных пераваг перад Злучанымі Штатамі. Кітай інвестуе мільярдныя долараў у інфраструктуру па ўсім свеце» [6]. У рамках гэтай тэмы асабае ўважанне было ўдзелена Афрыцы. Было заяўлена, што кітайскія інвестыцыі «падрываюць доўгасрочнае развіццё» [6] кантынента. Многа ўважання ў тэксце ўдзелена імкненню Кітая захапіць ўплыву над краінамі Азіацка-Тыхоакіянскага рэгіёна: «Кітай імкнецца вывесці рэгіён на сваю арбіту за кошт дзяржаўных інвестыцый і крэдытаў» [6].

Спіс найбольш ужываных слоў ў Стратэгіі нацыянальнай бяспекі перыяду прэзідэнцтва Д. Трампа (см. рыс. 3) колькасцю даных пацвярджае, што найбольш важныя тэмы касаліся эканамічнай і вайсковай сфэр, а таксама ўмацавання ўплыву КНР ў Азіацка-Тыхоакіянскім рэгіёне (аб гэтым гавораць словы «region» («рэгіён»), «sovereignty» («суверэнітэт»)). Высокае становішча слова «Russia» («Расія») паказвае, што Кітай і Расійская Федэрацыя часта разглядаліся разам.

Неабходна адзначыць, што ў СНБ 2017 г. адсутнічаюць чётка выражаная амерыканская пазіцыя ў адносінах да КНР, план дзеянняў, прызывы ці саветы кітайскаму кіраванню, але змяшчаюцца крытыка пазіцыі США папярэдніх гадоў: «Дзесяцігоддзямі амерыканская палітыка асновавалася на веры ў тое, што падтрымка павышэння Кітая і яго інтэграцыя ў ўсталяваны пасля завяршэння «халоднай вайны» міжнародны парадак лібэралізуе Кітай. Напярэць нашым надзеям Кітай пашырыў сваю ўладу за кошт суверэнітэту іншых» [6].

Адсутнічаюць у тэксце згадкі аб сітуацыі з правамі чалавека ў КНР. Ядзінай тэмай, якую можна назваць традыцыйнай для гэтага віду дакумента, стаў пытанне адносін з Тайванем: было заяўлена аб прызнанні «палітыкі аднаго Кітая» і «крэпкай сувязі» США і Тайваня.

Рисунка 3. Найбольш ужываныя словы ў Стратэгіях нацыянальнай бяспекі перыяду прэзідэнцтва Б. Обамы

СНБ США 2017 г. адрозніваецца ад папярэдніх дакументаў, апублікаваных у XXI в. Галоўная асабаснасць заключаецца ў тым, што ў ёй Кітай адкрыта назван сапернікам США, ў яго адрас выказана мноства абвінавачванняў. У найбольш жорсткай па адносінах да КНР Стратэгіі нацыянальнай бяспекі папярэдніх гадоў, а іменам у дакуменце 2006 г., кітайскаму кіраванню прамы паказвалася на неабходнасць правядзення шэрагу дэмакратычных рэформаў ў краіне, але гэта было выказана ў форме прызываў, а не прамых абвінавачванняў. Папярэднія Стратэгіі нацыянальнай бяспекі не хавалі праблем у двусторонніх адносінах дзяржаў, але падкрэплвалася, што США і Кітаю неабходна супрацоўнічаць у тых сферах, дзе яны зыходзяць у поглядах.

Стратэгія нацыянальнай бяспекі перыяду прэзідэнцтва Д. Трампа не змяшчае прызываў да кітайскаму кіраванню змяніць іх палітыку ў тым ці іншым аспекце, выклікаючым амерыканскае неспакойства. Адсутнічаюць і прапановы па ўдасканаленню сітуацыі ці план дзеянняў для США, каб пераадолець ціск Кітая.

Заклученне

Такім чынам, у ходзе XXI в. кітайскі вектар знешняй палітыкі США ў рамках Стратэгіяў нацыянальнай бяспекі США перажываў змяненні. У гады прэзідэнцтва Дж. Буша-младшага США імкнуліся і прызывалі да павышэння адкрытасці і дэмакратызацыі КНР, а ў перыяд прэзідэнцтва Д. Трампа ўжо называлі яе сваім сапернікам. Неабходна адзначыць, што аб амерыканско-кітайскіх адносінах больш гаворылася ў СНБ прэзідэнтаў-рэспубліканцаў, што пацвярджае даныя з табл. 1.

Амерыканскую пазіцыю ў адносінах да КНР можна звязаць з палітычнай лініяй, праводзімай прэзідэнтам і яго адміністрацыяй.

ей. Кроме того, это можно связать с развитием самой КНР, которая в рассматриваемый период совершила рывок от первых крупных шагов на международной арене, как, например, вступление в ВТО, до одного из главных игроков на международной арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Goldwater-Nichols Department Of Defense Reorganization Act of 1986 [Electronic resource]. – Mode of access : https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf. – Date of access: 01.03.2021.

2. The National Security Strategy of the United States of America, September 2002 [Electronic resource]. – Mode of access: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2002.pdf?ver=oyVN99aEnrAWijAc_O5eiQ%3d%3d. – Date of access: 01.03.2021.

3. The National Security Strategy of the United States of America, March 2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CMI8yHpX4x61A%3d%3d>. – Date of access: 01.03.2021.

4. National Security Strategy, May 2010 [Electronic resource]. – Mode of access: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. – Date of access: 01.03.2021.

5. National Security Strategy, February 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf. – Date of access: 01.03.2021.

6. National Security Strategy of the United States of America, December 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. – Date of access: 01.03.2021.

Поступила в редакцию 13.12.2021 г.

Контакты: anna271533@mail.ru

(Беляева Анна Владимировна)

Belyaeva A. V. THE U.S. NATIONAL SECURITY STRATEGIES RELATED TO CHINA IN THE XXI CENTURY

The article examines the US foreign policy toward China in the XXI century. It is based on the analysis of the National Security Strategy that has been adopted in this period.

Keywords: National Security Strategy, US foreign policy, U.S.-Chinese relations, China.

УДК 930.2:902/904(476)«633»

ПРАБЛЕМЫ КРЫНІЦАЗНАЎСТВА МЕЗАЛІТУ ВЕРХНЯГА ПАДНЯПРОЎЯ¹**А. У. Коласаў**кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дактарант
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

Артыкул прысвечаны разгляду праблемы інтэрпрэтацыі крыніц, якая склалася ў мезалітазнаўстве Верхняга Падняпроўя на сучасным этапе навуковых даследаванняў. На падставе вывучэння калекцый крамянёвага інвентару ўстаноўлены факт механічнай змешанасці матэрыялаў, полікультурны характар крамянёвых комплексаў. Гэта дазволіла змяніць метадалагічны падыход у вывучэнні крыніц, удакладніць культурную прыналежнасць помнікаў, перагледзіць у цэлым схему культурнага развіцця ў мезаліце рэгіёна.

Ключавыя словы: мезаліт, Верхняе Падняпроўе, археалагічныя крыніцы, крыніцазнаўчы аналіз, крытыка крыніц.

Уводзіны

У канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. мезалітазнаўства Верхняга Падняпроўя ўступіла ў фазу свайго канчатковага афармлення, што знайшло сваё адлюстраванне ў шэрагу публікацый, у тым ліку манаграфічнага плана [1–3]. У іх была падведзена рыса шматгадовым даследаванням мезалітычных помнікаў, а разам з тым акрэслены круг праблем, які адлюстроўваў розныя погляды і падыходы аўтараў на генезіс самаго мезаліту, храналогію помнікаў, гістарычны лёсы старажытнага насельніцтва.

Гэтая сітуацыя выразна выявілася пры падрыхтоўцы першага тома «Археалогіі Беларусі» (Мінск, 1997), у якім сярод апісаных культур мезаліту краіны не знайшлося месца днепра-дзяснінскай культуры, вызначанай У.П. Ксянзовым. Як прызнавалі самі складальнікі тома, у выданні быў «адлюстраваны адзін з поглядаў, а з высновамі аўтара другой канцэпцыі (У.П. Ксянзова. – А.К.) можна азнаёміцца па шэрагу публікацый» [4, с. 23].

К канцу 1990-х гг. існуючыя ў мезалітазнаўстве Беларусі падыходы да інтэрпрэта-

цыі назапашаных крыніц сталі патрабаваць адпаведнай рэвізіі, заснаванай у першую чаргу на крытычным аналізе крыніц. Для Верхняга Падняпроўя гэты накірунак даследаванняў сваю актуальнасць набыў у сярэдзіне 2000-х гг. [5–7], што дазволіла не толькі ўдакладніць храналогію і культурную прыналежнасць шэрагу помнікаў, але і вызначыць магчымасці выкарыстання атрыманых матэрыялаў у вырашэнні пытанняў культурнага генезу. Разам з гэтым былі вызначаны праблемы метадалагічнага плана, разгляду якіх і будзе прысвечаны дадзены артыкул.

Асноўная частка

Упершыню пра неабходнасць крытычнага аналізу археалагічных крыніц было выказана А.А. Фармозавым [8]. На мяжы 1980–1990-х гг. з’явіўся шэраг работ, якія закраналі праблему крыніц у мезалітазнаўстве Беларусі (у большасці Верхняга Падняпроўя) [1, с. 118; 3, с. 47; 9, с. 73, 218; 10]. Склалася меркаванне аб змешанасці калекцый стаянак Грэнск, Рэчыца-2 і Рэкорд. Пазней да ліку помнікаў са змешанымі комплексамі былі аднесены стаянкі Аўрамаў Бугор, Бабулін Бугор, Каромка, Красноўка-1Б, Печанеж, магчыма, Горкі [3, с. 47; 6, с. 127, 141; 11, с. 70].

Знаёмства з публікацыямі і калекцыямі саміх помнікаў паказвае, што аналізу крыніц не надавалася належнай увагі. Па-першае, сама крытыка крыніц не выходзіла за межы канстатацый аб дамешках культур іншых эпох (неаліту, бронзавага веку), якія можна было вылучыць тыпалагічна. Прысутнасць дамешак неалітычнага часу, напрыклад, адзначалася на стаянках Аўрамаў Бугор і Бабулін Бугор [10, с. 51]. Па-другое, інтэрпрэтацыя матэрыялаў таго ці іншага помніка адпавядала ўяўленням і падходам, якіх прытрымліваліся даследчыкі адносна культурнай сітуацыі ў мезаліце рэгіёна.

У аснове поглядаў на мезаліт разглядаемага рэгіёна ляжала прапанаваная ў 1970-я гг. канцэпцыя акультурацыі традыцый, якая дэманстравала прыклады кантактаў старажытнага насельніцтва. У гістарыяграфіі мезаліту

¹ Работа выканана ў межах задання «Мезаліт міжрэчча Дняпра і Сажа: лакальныя адметнасці, храналогія і перыядызацыя помнікаў» (№ дзяржрэгістрацыі 20211472) падпраграмы «Гісторыя» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Беларусі гэтая канцэпцыя была ўвасоблена ў паняццях «сожская культура», «днепра-дзяснiнская культура», «нёманская культура», «помнікі нарачанскага тыпу» [1–3; 4, с. 55–67; 10–12; 13, с. 14–20]. Не засяроджваючы ўвагу на праблематыцы гэтых культурных з’яў [6; 13, с. 14–20; 14; 15], адзначым тыя моманты, якія тычацца непасрэдна інтэрпрэтацыі крыніц сожскай і днепра-дзяснiнскай культур Верхняга Падняпроўя.

Ідэя вылучэння сожскай культуры належа В.Ф. Капыціну [3] і прыхільніцы яго поглядаў А.Г. Калечыц [1; 12]. Аўтарам днепра-дзяснiнскай культуры выступаў У.П. Ксянзоў [2; 10; 11]. Генезіс першай і другой культур уяўляўся даследчыкамі як вынік узаемадзеяння розных культурных з’яў – свідэрскай і грэнскай – у межах сожскай культуры, свідэрскай і лiнгбiйскай – у межах днепра-дзяснiнскай культуры. Сожская культура храналагічна прыпадала на позні мезаліт, днепра-дзяснiнская ў сваім развіцці прайшла тры этапы і ахоплівала ўвесь мезаліт.

І ўсё было б зразумелым, калі б не вызначыўся адзін крыніцзнаўчы казус: для абгрунтавання сожскага і днепра-дзяснiнскага мезаліту прыцягваліся матэрыялы адных і тых жа помнікаў. Адрозніваўся пытанне: сожская і днепра-дзяснiнская культуры – гэта дзве розных культурных з’явы або адна, але гістарыяграфічна адлюстраваная ў розных паняццях?

Супярэчнасці высветліліся таксама і адносна дынамікі развіцця лакальных культур. Так, В.Ф. Капыцін лічыў памылковым уключэнне матэрыялаў басейна р. Дзясны ў склад днепра-дзяснiнскай культуры, бо яны, як меркаваў даследчык, даюць яркавы прыклад распаўсюджвання геаметрычных мікралітаў, не характэрных для Верхняга Падняпроўя [3, с. 50–51]. Аднак мезаліт Падзясення не абмяжоўваецца адной культурнай з’явай [16; 17] і, па слушнай заўвазе У.П. Ксянзова, нельга не бачыць блізкасць крамянёвага інвентару стаянак днепра-дзяснiнскай культуры на верхнім Дняпры з помнікамі тыпу Смячка-14 на Дзясне [11, с. 66]. Апошнія ім былі ўключаны ў лік помнікаў ранняга этапу днепра-дзяснiнскай культуры [11, с. 66].

Між іншым, А.Г. Калечыц брала пад сумненне магчымасць аб’яднання ў складзе днепра-дзяснiнскай культуры розных «у геамарфалагічных адносінах і па насычанасці крэменем абласцей» [12, с. 71]. На думку Л.Л. Залізняка, сожскія або днепра-дзяснiнскія

старажытнасці не адносяцца да ліку ўнікальных з’яў эпохі мезаліту Верхняга Падняпроўя [9, с. 230]. Змяшаныя помнікі з’яўляюцца або свідэрскімі, або грэнскімі, у залежнасці ад таго, якія з прыкмет гэтых культур дамінуюць [9, с. 230].

Праблема ідэнтыфікацыі крыніц мезалітычных помнікаў Усходняй Еўропы прысвечаны працы расійскага даследчыка А.М. Сарокіна [6; 7]. Характарызуючы матэрыялы стаянак Жыздрiнскага Палесся, А.М. Сарокін прапанаваў уласнае бачанне культурнай сітуацыі, якая склалася ў мезаліце Беларускага Падняпроўя. У залежнасці ад крыніцзнаўчай надзейнасці матэрыялаў (а гаворка ішла аб «чыстых» і змяшаных комплексах) ім было вылучана чатыры групы помнікаў. Першыя дзве групы стаянак характарызаваўся А.М. Сарокіным як «параўнальна «чыстыя», без іншакультурнай дамешкі» [6, с. 125]. Адна з іх аб’ядноўвала стаянкі свідэрскай традыцыі (Баркалабава, Дальняе Ляда, Журавель, Лудчыцы, Янава), другая група помнікаў была прадстаўлена стаянкамі «тыпу Бароўка» [6, с. 125].

Наступныя дзве групы стаянак дэманстравалі факт змяшанасці калекцый. Гэта стаянкі Грэнск, Каромка, Печанеж (аднесены А.М. Сарокіным да трэцяй групы помнікаў), якія спалучалі арэнсбургскія і свідэрскія рысы, а таксама стаянкі Замошша-1, Краснаўка-1, Латкі, якія «не падобныя на матэрыялы свідэрскай, днепра-дзяснiнскай і грэнскай культур» [6, с. 125]. Такім чынам, А.М. Сарокін прыйшоў да высновы: па-першае, фінальны палеаліт і мезаліт Беларусі ў цэлым адпавядае агульнаеўрапейскай схеме развіцця культуры, а, па-другое, «так званыя «сінкрэтычныя культуры» (а сюды была аднесена днепра-дзяснiнская культура. – А.К.) ёсць не што іншае, як вынік крыніцзнаўчай ненадзейнасці матэрыялаў» [6, с. 125].

Як бачым, у склад вылучаных груп з «чыстымі» комплексамі былі аднесены не толькі розныя па храналогіі і культурнай прыналежнасці матэрыялы, але і змяшаныя, на думку А.М. Сарокіна, калекцыі. Аднак важна іншае. А.М. Сарокіным быў прапанаваны зусім іншы метадалагічны падыход, які патрабаваў правядзення працэдуры аналізу археалагічных матэрыялаў з пункту гледжання іх крыніцзнаўчай надзейнасці.

У гэтай сувязі перад намі паўстала задача высвятлення крыніцзнаўчай прыдатнасці атрыманых матэрыялаў. Патрабавалася вы-

ствеліць умовы захавання крыніц, спосабы іх атрымання, метадалагічныя падыходы і крытэрыі інтэрпрэтацыі. У якасці асноўнага палігона крыніцзнаўчага аналізу былі абраны стаянкі Беларускага Пасожжа [18; 19].

Першае, на што была звернута ўвага, – адсутнасць у адзначаным рэгіёне статыфікаваных помнікаў. Культурныя рэшткі мезалітычнага часу прадстаўлены ў асноўным апрацаваным крэменем¹, на вивучаных стаянках прымеркаваны да глебы, развітай на пячаных адкладах. Такім чынам, паняцце «культурны пласт» у дачыненні да мезалітычных помнікаў рэгіёна досыць умоўнае і вызначаецца па межах распаўсюджвання знаходак у глебе. Большая частка артэфактаў канцэнтруецца на глыбіні ад 0,1 да 0,5 м. Каля 40–60% знаходак сустракаецца у сучаснай глебе, што з’яўляецца прыкладам працэсаў дыстурбацыі культурных гарызонтаў, якія зараз стратыграфічна не прасочваюцца.

Абмежаванасць крыніц, забяспечаных данымі стратыграфіі, прыродазнаўчых навук, заўсёды кампенсавалася выкарыстаннем параўнальнага тыпалагічнага аналізу крамянёвага інвентару, пошукам аналогій з помнікамі сумежных тэрыторый. Аднак інтэрпрэтацыя матэрыялаў саміх мезалітычных стаянак рабілася на падставе метадалагічнага падыходу, які склаўся ў 70-я гг. мінулага стагоддзя. Сутнасць гэтага падыходу заключалася ў наступным: незалежна ад метадаў правядзення археалагічных работ (паверхневыя зборы, шурфоўка, раскопкі і г. д.), а таксама ўстаноўленай наяўнасці дамешак культур іншага часовага інтэрвалу (эпохі неаліту, бронзавага веку), а калекцыя крамянёвага інвентару мезалітычнага помніка ўспрымалася як гамагенны комплекс. Прысутнасць у ім рознакультурных знаходак, але адзіных па часе, успрымалася як доказ узаемадзеяння старажытнага насельніцтва.

Разам з тым заставаліся невядомымі колькасныя суадносіны паміж тыпалагічна вылучанымі дамешкамі эпохі неаліту – бронзавага веку і іншымі вырабамі з крэменю, формы якіх былі распаўсюджаны на працягу каменнага і бронзавага вякоў і слаба паддаюцца культурнай ідэнтыфікацыі (скрабкі, разцы, праколкі, скоблі і інш.).

¹ На некаторых помніках (Вусце-2, Дзедня, Каменка-5, Кліны-2, Крынічная, Паклады-2, Чэрыкаў-2) таксама даследаваны аб’екты гаспадарча-побытавага прызначэння. Датаванне эпохай мезаліту некаторых жылтаў, вогнішчаў і ям на стаянках Аўрамаў Бугор і Бабулін Бугор [1, с. 18–37] выклікае сумненне.

Статыстычнае абагульненне ўсіх сабраных у час вивучэння помнікаў стварала ілюзію пра аднастайнасць атрыманых матэрыялаў. Прыкладам гэтага з’яўляецца стаянка Горкі, надзейнасць калекцыі якой з пункту гледжання крыніцзнаўчага аналізу выклікае сумненне. На працягу 1974–1989 гг. В.Ф. Капыцін даследаваў помнік на плошчы 1668 кв. м. Атрыманая калекцыя крамянёвага інвентару (звыш 52,8 тыс. адз.) дазволіла разглядаць стаянку ў якасці эталоннага помніка сожскай культуры позняга мезаліту.

Аднак агульны план раскопаў, які быў прыведзены В.Ф. Капыціным у справаздачы за 1989 г. [20], паказвае, што раскопамі вивучаны пэўныя ўчасткі берагавой тэрасы. Некаторыя з іх не звязаны паміж сабой і размешчаны на добрай адлегласці адзін ад аднаго. Напрыклад, раскоп-2 1980 г. аддалены ад раскопа-1 1989 г. на 170 м, а раскоп 1985 г. (на плане ён не пазначаны) размяшчаўся за 120 м ад раскопаў стаянкі Крынічная.

На гэтую акалічнасць можна было б і не звяртаць увагу. Аднак планіграфічны аналіз некаторых катэгорый крамянёвага інвентару стаянкі Горкі прадэманструваў цікавую сітуацыю. Для прыкладу возьмем адну з культурнавызначальных груп даследаванага тэхнакомплексу – наканечнікі стрэл. На плошчы ўсіх без выключэння раскопаў былі знойдзены свідэрскія наканечнікі з плоскім падчэсваннем чаранка. Раскопы 1977 і 1980 гг. утрымоўвалі трапечню, простыя чаранковыя і асіметрычныя наканечнікі грэнскага тыпу, а ў матэрыялах раскопа 1979 г. сустрэты яшчэ адзін фрагмент трапечыі.

Зыходзячы з планіграфіі наканечнікаў адразу ўзнікае пытанне аб культурным сінкратызме і гамагеннасці крамянёвага комплексу стаянкі Горкі. Тое, што помнік не з’яўляецца адначасовым, разумеў і сам В.Ф. Капыцін. У асабістым архіве даследчыка захоўваецца, на наш погляд, цікавая заўвага, у якой выказваецца меркаванне аб неаднаразовым засяленні стаянкі Горкі [14, с. 13]. Гэта значыць, што прымаць усю калекцыю знаходак помніка як адзіны і тым больш эталонны комплекс для характарыстыкі асобнай культуры (напрыклад, сожскай) было нельга.

Статыстычныя метады апрацоўкі масавага і стратыграфічна невыразнага матэрыялу тут аказаліся ненадзейнымі. Прызнаваў гэта і сам В.Ф. Капыцін, які лічыў, што калекцыі стаянак з невыразным культурным пластам «нічога істотнага даць не могуць» [21, л. 3].

У крамянёвым інвентары стаянкі Горкі былі ўстаноўлены розныя па тэхніка-марфалагічных прыкметах групы знаходак. Сувязі паміж формамі прылад, іх нарыхтоўкамі, нуклеусамі, спосабамі першаснай і другаснай апрацоўкі адзначаліся толькі ў межах вылучаных традыцый. Калі казаць проста, на канечнікі з плоскім падчэсваннем чаранка зроблены выключна ў традыцыях свідэрскай культуры, асіметрычна-чаранковыя – грэнская культуры. У раскопах 1974, 1977–1978, 1985 гг. былі таксама знойдзены вырабы з мясцовага і імпартавага крэменю, уласцівыя для бутаўскай мезалітычнай культуры: чаранковыя наканечнікі стрэл, вастрыі, разцы на зломе нарыхтоўкі, канцавыя і падвоеныя скрабкі, пласціны з рэтушшу. У якасці нарыхтоўкі для гэтых прылад

былі выкарыстаны рэгулярныя пласціны, знятыя з аднаплячованых нуклеусаў.

Такім чынам, стаянка Горкі з’яўляецца помнікам з полікультурным комплексам, у якім дамінуюць матэрыялы свідэрскай культуры. Крамянёвы інвентар іншых помнікаў мезаліту Верхняга Падняпроўя, з якімі аўтару ўдалося азнаёміцца, таксама ўтрымліваюць механічна змешаныя комплексы знаходак, якія могуць ахопліваць дастаткова шырокі храналагічны дыяпазон – ад фінальнага палеаліту да позняга сярэднявекі. Звесткі пра стан крыніц на помніках мезаліту Верхняга Падняпроўя прыведзены ў табліцы, па Беларусі – гл. каталог помнікаў і месцазнаходжанняў у манатрафічным выданні А.Г. Калечыц і А.У. Колашава [13, с. 82–328].

Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя некаторых мезалітычных помнікаў Верхняга Падняпроўя

№ п/п	Помнік	Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя матэрыялаў	
		у літаратуры	у выніку аналізу калекцыі
1	Аўрамаў Бугор (Новыя Грамыкі)	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	СвК; КК; Н; БрВ; РЖВ; ЭС
2	Берагавая Слабада	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	СвК; ГК; Н; БрВ
3	Глыбаўка (Бабулін Бугор)	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	М; Н; БрВ; РЖВ; ЭС
4	Горкі	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	СвК; ГК; БК; БрВ; РЖВ; ЭС
5	Грэнск	ГК [1; 3; 10; 12]	ГК; СвК; БК; Н; БрВ; РЖВ
6	Журавель	СК [1; 3; 12]; ГК [10]	ГК; СвК (?); Н; БрВ; РЖВ
7	Калініна (Чурылава)	М; Н; БрВ [12]	ПК; ЯК; Н; БрВ
8	Кліны ІІ	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	ФП; М; Н
9	Крынічная	КК [1; 3; 12; 22]; БК [23]	СвК; БК
10	Новы Быхаў	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	СвК; Н; БрВ
11	Няраж (Рдзіца)	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	СвК; Н; БрВ
12	Пралетарскі (Папова)	Н; БрВ [1]	БК; Н; БрВ
13	Раманавічы	М; Н; БрВ [12]	ПК; КК; ЯК; Н; БрВ
14	Тайманова	СК [1; 3; 12]; ДДК [2; 10; 11]	ГК; СвК

Умоўныя скарачэнні: ФП – фінальны палеаліт; М – мезаліт; Н – неаліт; БрВ – бронзавы век; РЖВ – ранні жалезны век; ЭС – эпоха сярэднявекі; ГК – грэнская культура; СвК – свідэрская культура; СК – сожская культура; ДДК – днепра-дзяснінская культура; ПК – пясочнароўская культура; БК – бутаўская культура; КК – кудлаўская культура; ЯК – яніславіцкая культура.

Заклучэнне

Вывучэнне археалагічных крыніц па мезаліце Верхняга Падняпроўя дазволіла ўстанавіць феномен механічнай змешанасці матэрыялаў, які ўзнік у выніку неаднаразовага асваення чалавекам тэрыторыі помнікаў – верагодна, зручных у старажытнасці мясцін для жыцця. Існуючая крыніцазнаўчая база пакуль не дае магчымасці адказаць на пытанне пра характар і механізм культурнага ўзаемадзеяння мезалітычнага насельніцтва, у тым ліку ў межах вылучаных у Верхнім Падняпроўі сожскай і днепра-дзяснінскай культур з сінкрэтычнымі комплексамі.

Высновы, зробленыя на статыстычным абагульненні матэрыялаў без адпаведнай іх крытыкі, з’яўляюцца ненадзейнымі і беспадстаўнымі. Стратэгія крыніцазнаўчага аналізу павінна ўлічваць не толькі спосабы атрымання матэрыялаў (разведкі, раскопкі помнікаў), але і высвятленне ўмоў фарміравання і захавання крыніц. Ідэнтыфікацыя апошніх патрабуе вылучэння і доказу сувязей паміж кіруючымі і тэхналагічна ўстаноўленымі формамі ў атрыманым інвентары.

Разам з тым крыніцазнаўчы аналіз калекцыйных матэрыялаў дазволіў перагледзіць схему культурнага развіцця ў мезаліце Пасож-

жа, вылучыць шэраг новых культурных з'яў і абгрунтаваць пазналедавіковы этап засялення дадзенага рэгіёна, што, безумоўна, стварае перспектывы пошукаў адпаведных матэрыялаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Калечиц, Е. Г.** Памятнікі каменнага і бронзавога веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1987. – 158 с.
2. **Ксензов, В. П.** Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск : Наука и техника. – 134 с.
3. **Копытин, В. Ф.** Памятнікі фінальнага палеоліта і мезоліта Верхняга Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев : МОУТ, 1992. – 86 с.
4. Археалогія Беларусі : у 4 т. / рэдкал. : М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – Т. 1 : Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі [і інш.]. – 424 с.
5. **Колосов, А. В.** Мезолит Белорусского Посожья (культурно-хронологическая интерпретация материалов): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / А. В. Колосов ; НАН Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 2007. – 22 с.
6. **Сорокин, А. Н.** Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А. Н. Сорокин. – Москва : Наука, 2002. – 251 с.
7. **Сорокин, А. Н.** Проблемы мезолитоведения. The Mesolithic Problems / А. Н. Сорокин. – Москва : Гриф и К, 2006. – 216 с.
8. **Формозов, А. А.** О критике источников в археологии / А. А. Формозов // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 5–14.
9. **Залізняк, Л. Л.** Фінальны палеоліт північнага заходу Східнай Європы / Л. Л. Залізняк. – Київ : Національний ун-т «Києво-Могилянська Академія», 1999. – 283 с.
10. **Ксензов, В. П.** Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов. – Минск : ИИ НАНБ, 2006. – 158 с. (МАБ ; вып. 13).
11. **Ксензов, В. П.** Мезолитическая днепро-деснинская культура / В. П. Ксензов // Гістарычна-археалагічны зборнік : зб. навук. арт. / ІГ АНБ. – Мінск, 1994. – № 5. – С. 61–86.
12. **Калечиц, Е. Г.** Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск : Экоперспектива, 2003. – 223 с.
13. **Калечиц, А. Г.** Мезалітычныя помнікі Беларусі / А. Г. Калечиц, А. У. Коласаў. – Мінск : Беларус. навука, 2021. – 369 с. : іл.
14. **Колосов, А. В.** История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры / А. В. Колосов // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 2005. – № 4. – С. 8–14.
15. **Колосов, А. В.** К вопросу о локальных культурах «свидерских традиций» в мезолите Восточной Беларуси / А. В. Колосов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 11–18.
16. **Сорокин, А. Н.** Мезолит бассейнов Оки и Десны (по материалам Деснинской экспедиции) / А. Н. Сорокин // Краткие сообщения Института археологии. – Москва, 1986. – Вып. 188. – С. 28–35.
17. **Залізняк, Л. Л.** Фінальны палеоліт і мезоліт кантынентальнай Украіны. Культурны поділ та перыядызацыя / Л. Л. Залізняк // Кам'яна доба Украіны. – Київ : Шлях, 2005. – Вып. 8. – 184 с.
18. **Колосов, А. В.** Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с. ; ил.
19. **Колосов, А. В.** Каменны век Могилевскаго Посожья: открытия, исследования, результаты 2009–2015 гг. / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 152 с. : ил.
20. **Копытин, В. Ф.** Отчет об изучении мезолитических поселений Горки в 1989 году / В. Ф. Копытин // Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей – ЦНА НАНБ). – Фонды археалагічнай навуковай дакументацыі (далей – ФАНД). – Арх. № 1121.
21. **Копытин, В. Ф.** Отчет об археологических работах на территории Верхнего Поднепровья в 1975 году / В. Ф. Копытин // ЦНА НАНБ. – ФАНД. – Арх. № 508.
22. **Залізняк, Л. Л.** Мезолит Юго-Восточного Полесья / Л. Л. Залізняк. – Киев : Наукова думка, 1984. – 120 с.
23. **Кудряшов, В. Е.** К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилёвщине / В. Е. Кудряшов, О. Л. Липницкая // Дняпроўскі край : паведамл. абл. края. канф. – Магілёў, 1993. – С. 27–29.

Паступіў у рэдакцыю 18.03.2022 г.
Кантакты: kolosov_arc@mail.ru
(Коласаў Аляксандр Уладзіміравіч)

Kolosov A. V. THE ISSUES OF THE SOURCE STUDY OF THE MESOLITHIC PERIOD IN THE UPPER DNIEPER REGION

The article is devoted to the problem of the source criticism that has developed in the studies of the Mesolithic period of the Upper Dnieper region at the present stage of research. The study of flint collections has revealed the fact of mechanical mixing of materials and the multicultural nature of flint complexes. This has made it possible to change the methodological approach in the source study, as well as to clarify the cultural affiliation of the monuments, and to revise the general scheme of the development of the Mesolithic cultures in the region.

Keywords: Mesolithic period, Upper Dnieper, archaeological sources, source analysis, source criticism.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕРЕВНИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЕ¹

Я. Г. Риер

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Представлен обзор археологического изучения средневековых сельских поселений с начала XXI в. Отмечено широкое использование методов «недеструктивной археологии», основанных на возможностях компьютерных технологий – сканирования поверхности. Приведены примеры и результаты подобных работ в разных странах Европы.

Ключевые слова: недеструктивная археология, междисциплинарные исследования, сканирование поверхности, расселение, структура поселений.

Введение

Долгое время аграрная история оставалась слабо исследованной областью. Ибо, несмотря на важность для понимания исторических процессов, она была очень слабо обеспечена источниками. Крестьянство было практически поголовно неграмотным, а образованных людей сельская жизнь не привлекала своей статичностью и обыденностью. Косвенные сведения по аграрной проблематике можно обнаружить в описаниях имений и в записях хронистов. Причем последние чаще концентрировались на стандартных описаниях бедствий бедных крестьян. Все это относится и к историографии Средневековой Европы.

Лишь в 30-е гг. прошлого века в Европе отмечаются первые систематические археологические раскопки сельских поселений. Небольшие по вскрытым площадям, они, тем не менее, показали свою ценность для изучения аграрной истории. Правда, не сразу и не всем историкам, многие из которых еще долгие десятилетия продолжали скептически смотреть на материальные источники, противопоставляя им письменные. И лишь нарастание объ-

ема археологических штудий и накопление соответствующего массива артефактов продемонстрировало значимость изучения материальной культуры деревни не только для общесторических исследований, но и для изучения истории природной среды, ставших актуальными в рамках современных экологических проблем.

Общий обзор археологического изучения средневековых сельских поселений в Европе до конца прошлого века был нами недавно представлен [1]. Но исследования продолжаются, и в данной статье дается обзор работ первых десятилетий XXI в. Сразу оговорюсь, что воспользовался возможностями интернета, поэтому нижеследующий материал ограничен теми публикациями, которые были оперативно выставлены в свободный доступ, что, естественно, отражает далеко не весь объем исследований, но, по крайней мере, демонстрирует тенденции и интересы современных археологов-аграрников зарубежной Европы.

Основная часть

Наиболее оперативно и подробно представлены соответствующие материалы в чешских изданиях, прежде всего, в публикациях университета и краеведческого музея в Брно и ежегоднике «Archaeologia historica» (Историческая археология), в которых отражены довольно обширные работы археологов кафедры археологии и музееведения Брненского университета имени Масарика.

Надо заметить, что издание «Историческая археология» появилось в 1976 г. именно как место для оперативной публикации материалов по средневековой аграрной археологии, которая в те годы активно развивалась в тогдашней Чехословакии [2]. С тех пор данная тематика занимает в ежегоднике ведущее место. Занимается ею и нынешний редактор «Исторической археологии» – доктор Павел Варжека (Pavel Vařeka). Следует подчеркнуть, что в сравнении с прошлыми исследованиями в работах чешских археологов, и не только авторов указанного ежегодника, стало популярным но-

¹ Статья выполнена в рамках разработки задания «Формирование белорусской государственности и социума в контексте цивилизационного развития в Европе и мире: историко-антропологический анализ» подпрограммы «История» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

вое направление – неразрушающая (недеструктивная) археология. Идею таких исследований для средневековых аграрных памятников предложил еще в 80-х гг. прошлого века московский археолог С.З. Чернов [3]. Но в реальных работах она тогда не отразилась. Теперь же, с появлением новых компьютерных методик для нее открылись широкие возможности.

В ряде публикаций представлены результаты сканирования поверхности ранее выявленных средневековых деревень на территории Чехии и Моравии, а также открытых новых поселений. При этом сканируется не только рельеф. На его графическое изображение накладываются следы сооружений, заметные на поверхности, а также местоположение артефактов и следы построек, выявленные при глубинном сканировании (обычно на глубину до 2 м). В результате уже до проведения земляных работ исследователи получают общее представление о памятнике. Таким способом обследовался и ряд ранее копавшихся селищ (еще в 70–90-е гг.). При этом некоторые исследования проводились в рамках студенческих грантов, как, например, работа Лукаша Холаты о возможности изучения форм расселения и микрорельефа раннесредневековых деревень в контексте окружающей среды [4]. Как отметил автор, акцент был сделан на максимальном использовании неразрушающих археологических методов; жилые комплексы изучались почвомерным зондом, пространственные обмеры проводились тахеометром, полученные данные обрабатывались «в среде географических информационных систем. Таким образом, были обнаружены два ряда дворов, определено открытое пространство с колодезем в центре и вероятным расположением деревенских построек и пустыри. Остатки раннесредневековой деревни все еще видны, хотя и очень нечетко, на сегодняшнем рельефе». Публикация сопровождается серией изображений, показывающих метод и делающих выводы автора весьма наглядными.

На вышеотмеченной работе я остановился подробно как на выполненной в рамках студенческого гранта по историко-экологическому изучению Южной Чехии. Однако экологическая тематика прослеживается и во многих других исследованиях, что отражает не только соответствующие приоритеты нашего времени, но и возможности соответствующего финансирования, чем и воспользовались археологи.

Используют чешские археологи и гранты, выдаваемые на геологические исследования

ландшафтов. В частности, с применением аэрофотосъемки производилась лазерная трехмерная визуализация территории площадью 12 кв. м вокруг одной из деревень в Западной Чехии. Авиационное лазерное сканирование с высоты 600 м позволило точно определить местонахождение покинутых деревень, их планировки, застройки и некоторых следов хозяйственной деятельности, в том числе остатки пашен [5]. Аналогичные исследования проводились и в других регионах Западной и Юго-восточной Чехии [6–8]. Во всех случаях исследования были междисциплинарными, с привлечением географов, почвоведов, программистов и др., что заметно и по числу соавторов в публикациях. При этом некоторые поселения исследовались и стандартными археологическими методами: сборами подъемного материала и шурфовкой, что позволяло уточнять и время существования обследованных поселений [9–10]. При анализе хозяйственной деятельности на селищах производились химические анализы окружающих почв, что позволило выявлять не только состав высевавшихся культур, но и следы вспашки, т.е. выявлять средневековые поля [11].

Продолжались и традиционные археологические обследования. Изучалось развитие сети сельских поселений в Западной Чехии (р-н г. Пльзень). Выявлялись условия и характер расселения в развитом и позднем средневековье, выявлялась связь заселенности с природным окружением, потребностями промыслов (наличием источников сырья), отмечалось постепенное заселение, в основном с XIV в., более возвышенных и залесенных пространств [12–16].

С привлечением археологических и письменных материалов представлены новые данные о процессах сельской колонизации в Чехии в XIV в. Выявлялись особенности расселения в зависимости от почв и растительности, планировка деревень, динамика формирования крестьянских и господских усадеб (шляхетских замков), земельные кадастры деревень, организация полеводства и размеры приусадебных наделов с соответствующими планами. Определялась максимальная ширина этих наделов (от 17,5 до 28,5 м при максимальной ширине самих крестьянских усадеб в 31–40 м). Анализировались особенности полеводства и устройства деревень на почвах разного состава. Представлен подробный план небольшого замка (мотте) мелкопоместного шляхтича [17].

В Словакии также продолжилось изучение сети сельского расселения с привлече-

нием вышеуказанных междисциплинарных методов: сканирования рельефа, выявления дорожной сети, связи поселений с источниками воды. Все это актуально в условиях гористой местности исследованной части страны. Было установлено, что поселения XIII в. существовали в основном на поймах рек, и лишь позднее, в XIV–XV вв., они появились на речных террасах. Редко встречались они в делювиальных отложениях из-за риска оползней и отсутствия питьевой воды. Отмечено, что в исследованном поселении на вершине холма (редкий случай такого расположения) был сооружен массивный резервуар для воды (размеры – 6,6×6,6 м, минимальная глубина – 9 м), облицованный кирпичной кладкой. Датируется это поселение концом XIV в. Сканированием рельефа исследователям удалось не только проследить дороги, но и уловить их перемещение на соседние участки по мере углубления колеи от передвижения повозок (продемонстрированы схемы образования колеи и их вид на местности). В итоге, как замечают авторы, им удалось проследить, как изменялась окружающая среда под влиянием человеческой деятельности, т.е. «увидеть и прочувствовать ход истории» [18]. Как и в Чехии, данные исследования отличаются от большинства работ предшествующих десятилетий именно сотрудничеством со специалистами землеведческих наук и программистами.

В Польше, где прежде наибольшее внимание при изучении сельских поселений уделялось раннесредневековой эпохе, исследовались селища XIV–XV вв. в Силезии, где также были использованы результаты созданной цифровой модели местности. С помощью бортового лазерного сканирования были выявлены следы двух заброшенных поселений, отождествленные с упоминаемыми в документах деревнями XIV в. Полученные результаты позволяют без раскопок реконструировать ядра деревень, что открывает, как отмечает автор, возможность широкого использования междисциплинарных исследований позднесредневековых заброшенных деревень [19].

Подобные работы проводились и в Венгрии. В представленном материале реконструируется внутренняя структура и ландшафт средневекового села по письменным источникам, ранним картам, аэрофотоснимкам, топонимам и полевым археологическим исследованиям. Проанализирован рельеф местности, выявлены дороги, структура усадеб и полеводства. На основе проделанного исследова-

ния также делаются выводы о возможностях применения комплексных междисциплинарных методов в дальнейших работах [20].

В публикации Венского археологического института подробно представлены результаты аэрофотосъемки в Центральной Австрии, позволившей выявить следы ранее не исследованных средневековых деревень [21].

Аналогичные вышеописанным методы применялись и при изучении средневековой деревни в Южной Италии [22]. Поселение Ирсум, возникшее в XII в., достигшее максимального размера в XIII в. с населением примерно в 500 человек и заброшенное в конце XIV в., было обнаружено с помощью спутниковых снимков и затем обследовано методами лазерного сканирования поверхности, что позволило выявить особенности его планировки в контексте с геоморфологическим окружением неинвазивным методом, т.е. без обширных земляных работ, что, подчеркивают авторы, открывает новые перспективы для исследования без угрозы культурному объекту. Общий анализ источников позволил авторам связать причины запустения исследованной горной деревушки с общими трендами истории сельских поселений Европы в XIV в., такими как экономический и демографический спад, чума, голод, войны, изменение климата и окружающей среды.

Публикация сообщения об изучении покинутой деревни Нвив-Рузелар в Зеландии является примером сочетания традиционных археологических методов с новыми [23]. На фоне общего обзора исследований средневекового ландшафта польдеров на границе Фландрии и Голландии и представленных в статье 117 заброшенных поселений авторы проанализировали причины изменения аграрного ландшафта региона и показали результаты раскопок одной из усадеб указанной деревни. Удалось определить ее планировку, но, так как деревня сейчас находится под сельскохозяйственными угодьями, точное время ее существования не определено.

В обобщающей статье Т. Габора «Предыстория средневековых ферм и деревень: От саксов к скандинавам» [24] представлен анализ изучения раннесредневекового расселения и функционирования поселений, особенно в слабо исследованных юго-восточных низменностях Шотландии, Уэльса и северо-западной Англии. Отмечена важность набирающей популярность так называемой ландшафтной археологии, которая должна, естественно, до-

полняться стандартными формами разведки и традиционными полевыми работами, соединенными с металлодетекторными и геохимическими анализами. Автор также обращает внимание на возможности использования добываемого материала для анализа социальных порядков, формирования раннефеодального общества через изучение динамики изменений планировки сельских поселений VII–IX вв., обнаруженного в жилищах имущества, подчеркивает необходимость вписывания конкретных исследований в общеевропейский контекст (имея в виду достижения континентальной археологии в данной теме). Обращается внимание и на значение анализа погребений для изучения обрядности и духовной культуры, более глубокого понимания ритуала и символической жизни крестьянства в эпоху перехода к христианству. То есть в данной статье предложена и программа дальнейших исследований. Тут следует заметить, что аналогичные задачи ставились и решались археологами Польши, Чехии и Словакии еще в 60–70-е гг. прошлого века [см. 1, с. 60–113].

Другая из представленных в обзоре статья об исследованиях в Англии представляет собой публикацию традиционного археологического исследования деревни XII–XIV вв. в Стаффордшире [25]. Подробно рассмотрена планировка, даты определены радиоуглеродным методом. Причины прекращения жизни на поселении, как отмечают авторы, заманчиво было бы объяснить известной эпидемией чумы середины XIV в. – «Черной смертью». Но могли быть и другие причины прекращения ее существования, связанные в том числе с перемещением населения из-за изменений во владении недвижимостью.

В контексте данного обзора интерес представляет и статья директора Института археологии РАН академика Н.А. Макарова в издании о европейской археологии [26]. В ней приводится обобщенная характеристика феномена крупных неукрепленных зародышевых поселений, которые составляли костяк сети поселений в Суздальском Ополье, сердце Северо-Восточной Руси в эпоху поздних викингов, которые сильно повлияли на последующее сельское развитие. Крупномасштабные полевые исследования в последнее десятилетие позволили проследить развитие их пространственной структуры и материальной культуры. Удалось проследить торговую деятельность их населения и особенности престижного потребления. Автор полагает, что, несмотря на упа-

док большинства крупных поселений в конце XI в. и начале XII в., именно модели зародившихся деревень эпохи викингов обеспечили схему организации поселений в Суздальском Ополье в эпоху Высокого Средневековья и в современный период. Надо заметить, что в рассматриваемой статье большое внимание уделено вещевому материалу, что, в отличие от большинства рассмотренных выше статей, характерно именно для советской и постсоветской археологии. В другом обобщающем обзоре Н.А. Макаров отметил и усиление внимания российских археологов-русистов к изучению поселения в контексте ландшафтов, а также обнаружение следов пахоты рубежа I–II тыс. с помощью применения новых методов полевых работ [27, с. 84]. Это новое для постсоветской археологии направление исследований отразило, как видно, общие тенденции в современных работах археологов-аграрников.

И в заключение обратимся к обобщающей статье докторанта Оксфордского университета И.С. Салазара «Археология раннесредневековых поселений в Европе», опубликованной в журнале «Средневековые археологические дискуссии» [28]. Автор представил подробный анализ археологического изучения поселений Средиземноморья и Западной Европы от V до X века. Подчеркивается связь процессов упадка старых поселений, их возрождения и появления новых с социальными процессами второй половины I тыс.: упадком римской цивилизации и становлением новых отношений. Формировались новые модели расселения, связанные как с упадком старых аристократических родов в римской ойкумене, так и с занятием запустевших пространств новым населением, что отразилось в появлении небольших поселков и хуторов, которые в VI–VII вв. образуют новые анклавные агломерации. Анализ погребений этого времени свидетельствует о существенном социальном расслоении среди сельского населения. Важной вехой социальных преобразований, подчеркивает автор, стал VIII в., когда отмечается появление резиденций знати, отраженное в укреплениях и появлении разнообразных хозяйственных сооружений при них, например, конюшен. С ростом элиты усиливаются и вооруженные столкновения – внутренние (между англосаксонскими королевствами, среди Каролингов) и внешние (исламское вторжение на Пиренейях). Все это также сказывалось на изменении структуры сельского расселения. Автор отметил возможности проведения параллелей меж-

ду вторжениями англосаксов в Британию в V в. и мусульман на Пиренеи в VIII в., что позволяет лучше понять причины и характер влияния указанных вторжений на изменения в сети поселений. Новый цикл существования сельских поселений отмечен с IX в., когда начался их рост, развитие и усложнение планировочных структур. Отмечаются связи сельских поселений с возникавшими городами. Документы из монастырских архивов свидетельствуют о роли государственной власти в жизни таких поселений. В заключение статьи автор обращает внимание на значение археологических раскопок, чьи «эмпирические реалии... становятся основным инструментом для тех, кто хочет расшифровать историческое прошлое европейского общества в его транзите от античности до средневековья». Как видно, пафос статьи состоит в констатации необходимости вписывания истории поселений, изучаемой по письменным и вещественным материалам, в общий контекст социально-политических процессов в раннесредневековой Средиземноморской и Западной Европе.

Заключение

Рассмотренные исследования, составленные нами по данным на конец XX ст., принципиально не изменили представление о характере развития средневековой деревни в Европе [29]. Но они продемонстрировали новые тенденции: преобладание междисциплинарных исследований со стремлением получить быстрые результаты с помощью новых возможностей так называемой неструктурной археологии (сочетание аэрофотосъемки с лазерным сканированием), что позволяет локализовать объекты до начала земляных работ. Распространение такой методики оказалось связано со стремлением археологов вписаться в современные экологические интересы общества и получать соответствующее финансирование. К тому же новые методы с возможностями локализации хозяйственных угодий средневековых деревень (прежде всего – полей) позволили лучше понять условия существования тогдашнего крестьянства в контексте природного окружения и делать выводы исследователей более убедительными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Риер, Я. Г. Средневековая деревня Восточной и Центральной Европы в археологической литературе / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 237, [2] с.
2. Риер, Я. Г. Проблемы средневековой аграрной археологии Чехословакии в сборнике «Archaeologia historica» / Я. Г. Риер // Советская археология. – 1989. – № 1. – С. 285.
3. Чернов, С. З. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта (экология культурной среды) / С. З. Чернов // История и культура средневекового города. – М., 1989. – С. 168–179.
4. Holata, L. Příspěvek k možnostem studia sídelních forem a mikroreliefu raně středověkých vesnic v lesním prostředí / L. Holata // Archaeologia Historica. – 2011. – № 36. – S. 373–385.
5. Čapek, L. Příspěvek leteckého laserového skenování k poznání dvou zaniklých středověkých vesnic mezi Líšnou a Točnickem / L. Čapek // Gojda, M., John, J. a kol. Archeologie a letecké laserové skenování krajiny. – Plzeň, 2013. – S. 144–149.
6. Vágner, M. Zaniklá středověká ves «Vsisko» z pohledu metod nedestruktivní prospekce / M. Vágner, T. Tencer, M. Prištáková, J. Šimík, P. Dresler // Archaeologica Studia Brunensia. – 2018. – № 23. – 1. S. 105–122.
7. Vágner, M. Nové poznatky k ohrazeným středověkým vesnicím na jižní Moravě z pohledu dálkového průzkumu země / M. Vágner, J. Škvrňák, P. Dresler // Archaeologia historica, 2020. – № 45. – 1. – S. 93–121.
8. Dresler, P. Prospekce zaniklé středověké vesnice Opatovice, k. ú. Hrušky / P. Dresler // Studia Archaeologica Brunensia. – 2015. – No. 20. – 1. – S. 113–132.
9. Janovský, M. Jevany-Dubina – revizní výzkum zaniklého středověkého sídliště na Černokostelecku / M. Janovský, J. Horák, T. Klír // Archaeologia historica. – 2018. – No. 43. – 2. – S. 437–453.
10. Drnovský, P. Zaniklá středověká vesnice Habřinka u Hořiněvsi (okres Hradec Králové). Analýza a interpretace povrchových sběrů a geofyzikálního měření / P. Drnovský, P. Milo, T. Tencer // Archaeologia historica. – 2020. – No. 45. – 1. – S. 123–139.
11. Horák, J. Pedogenesis, Pedochemistry and the Functional Structure of the Waldhufendorf Field System of the Deserted Medieval Village Spindelsbach, the Czech Republic / J. Horák, T. Klír // Interdisciplinary archaeological. Natural Sciences in Archaeology. – 2017. – Vol. VIII–1. – S. 43–57.
12. Vařeka, P. Archeologie zaniklých středověkých vesnic na Rokycansku II / P. Vařeka, M. Buračinská, P. Rožmberský, R. Veselá. – Plzeň, 2008.
13. Vařeka, P. Zaniklé středověké vesnice na Blovicu (Plzeňský kraj) / P. Vařeka, L. Holata, H. Přerodova, J. Švejnova // Archaeologia historica. – 2008. – No. 33. – 2. – S. 85–100.
14. Vařeka, P. Příspěvek ke studiu žijících vsí středověkého původu / P. Vařeka, F. Kostrouch, P. Ko-

- cár, Z. Suvová // Přehled výzkumů. – Brno, 2010. – № 51. – S. 249–265.
15. **Vařeka, P.** Středověké osídlení Rokycanska a problematika zaniklých vsí / P. Vařeka, L. Holata, P. Rožmberský, Z. Schejbalová // *Archaeologia historica*. – 2011. – No. 36. – 2. – S. 319–342.
16. **Čapek, L.** Zaniklá stredovdká a novovdká krajina Velechvinského Polesí / L. Čapek // *Proměny sídelních a sociálních struktur jižních a západních Čech v čase dlouhého trvání*. – Plzeň, 2010. – № 43.
17. **Klír, T.** Zur Problematik der sogenannten Endphase der hochmittelalterlichen Kolonisation und zu den Siedlungsformen in Böhmen. Die Wüstung Kří bei Sadská (Mittelböhmen) / T. Klír // *Prähistorica XXXI-2*. – Univerzita Karlova v Praze, 2014. – S. 373–403.
18. **Pažinová, N.** Stredoveká cestná sieť v okolí Zvolenského Pustého Hradu I. Analýza na základe antropogénnych reliéfnych foriem / N. Pažinová, J. Beljak, M. Slámová, B. Beláček // *Študijné zvesti Archeologického Ústavu Sav*. 2013. – № 54. – S. 153–170.
19. **Fokt, K.** Zanikle wsie Wzgórz Strzelińskich: stan i perspektywy badań / K. Fokt, M. Legut-Pintal // *Więś zaginiona. Stan i perspektywy badań. Muzeum «Górnośląski Park Etnograficzny w Chorzowie»*. – Chorzów, 2016. – S. 113–145.
20. **Zatyko, C.** Medieval villages and their landscape: methods of reconstruction // *People and Nature in Historical Perspective* / C. Zatyko. – Budapest, 2003. – P. 343–376.
21. **Kühtreiber, K.** Zu den mittelalterlichen Wüstungen im Leitharaum / K. Kühtreiber // *Die Leitha – Facetten einer Landschaft. Archäologie Österreichs Spezial 3*. – Wien, 2015. – S. 233–247.
22. **Masini, N.** Investigating lost medieval villages using satellite and airborne laser scanning: the Case of yrsun in Basilicata (Southern Italy) / N. Masini, R. Coluzzi, R. Lasaponara // *Archeologia e Calcolatori*. – 2010. – No. 21. – P. 127–144.
23. **Verbrugghe, G.** Nieuw-Roeselare – landscape archaeological and historical geographical research on deserted medieval settlements in the borderlands of Flanders and Zealand / G. Verbrugghe, V. Van Eetvelde, S. Vanderputten, W. De Clercq // *GeoScape*. – 2020. – № 14(2). – P. 96–107.
24. **Gabor, T.** The Prehistory of Medieval Farms and Villages: From Saxons to Scandinavians / T. Gabor // *Medieval Rural Settlement Britain and Ireland, AD 800–1600*. – Oxford, 2012. – P. 43–62.
25. **Mapplethorpe, K.** Excavation on a deserted medieval village at Casterne Hall, Ilam, Staffordshire / K. Mapplethorpe, J. Brightman // *Archaeological Research Papers*. – 2013. – № 4. – P. 1–11.
26. **Makarov, N.** Rural landscapes of northeastern Rus' in transition From the large unfortified settlements of the Viking Age to medieval villages / N. Makarov // *Medieval Europe; old paradigms and new vistas*. – Leiden, 2019. – P. 267–280.
27. **Макаров, Н. А.** Археологические древности как источник знаний о ранней Руси / Н. А. Макаров // *Русь в IX–XI веках: археологическая панорама*. – М. ; Вологда. 2012. – С. 65–89, 460–495.
28. **Salazar, I. S.** The archaeology of early medieval villages in Europe / I. S. Salazar // *Debates de Arqueologia Medieval*. – 2011. – № 1. – P. 189–194.
29. **Риер, Я. Г.** Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2000. – 264 с.

Поступила в редакцию 04.05.2022 г.

Контакты: rier47@tut.by

(Риер Яков Григорьевич)

Rier Y. G. NEW ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF MEDIEVAL VILLAGE IN WESTERN EUROPE

The article presents a review of the archaeological studies of medieval rural settlements done since the beginning of the 21st century. It underscores the widespread use of methods of non-destructive archaeology based on the capabilities of computer technologies, like surface scanning. Examples and results of such works are cited.

Keywords: non-destructive archaeology, interdisciplinary studies, surface scanning, settlement, settlement structure.

УДК 903.7(476.5)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГРОДНЕНСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ XII в.

С. А. Пивоварчик

доктор исторических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

В статье подводятся результаты археологического изучения гродненской архитектурной школы, которая сформировалась во 2-й половине XII в. Актуальность ее изучения связана с перспективой включения в Список всемирного культурного и природного наследия (ЮНЕСКО) Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви в г. Гродно. Автор выделяет четыре периода в археологическом изучении уникальных памятников архитектуры и приходит к выводу, что наиболее перспективной является возможность включения в Список всемирного культурного и природного наследия не единичного памятника (Свято-Борисоглебская церковь, а гродненской архитектурной школы в составе шести памятников (сохранившихся в виде археологических объектов) как уникального культурного явления XII в. Восточной Европы.

Ключевые слова: архитектурная школа, зодчество, раскопки, наследие, планировка, реставрация, консервация.

Введение

Самобытная архитектурная школа сложилась в г. Гродно во второй половине XII в. К сожалению, только один памятник этой школы (Свято-Борисоглебская (Коложская) церковь) дошел до наших дней, сохранив около трети своей оригинальной планировки. Разрушение памятников началось уже в XII в., о чем свидетельствует летописное сообщение, датированное 1183 г.: «... Того же лета Городен погоре весь и церкы каменная от блистания молние и шибения грома» [1, с. 78]. Поэтому важными источниками по изучению памятников архитектуры гродненской школы являются археологические исследования, которые начали проводиться в конце XIX в. в форме наблюдений за земляными работами и фиксации артефактов в ходе консервации разрушенной Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви. Комплексное историко-археологическое изучение архитектурных памятников на протяжении XX–XXI вв. позволило исследователям с полной уверенностью заявить о существовании уникальной архитектурной школы, выде-

лявшейся своими специфическими чертами. К ним ученые относят равнослойную технику кладки из плинфы; использование в декоративных целях разноцветных майоликовых плиток и шлифованных камней для украшения фасадов и пола, а в конструктивных – голосников (для облегчения конструкции и усиления акустики); оригинальную композицию ряда храмов со скошенными углами и прямоугольной центральной апсидой [2, с. 261–262]. Проблема изучения и использования памятников гродненской архитектурной школы актуализировалась в последнее время в связи с включением Свято-Борисоглебской церкви в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО, реставрацией Старого замка, на территории которого находятся остатки Нижней церкви, княжеского дворца и оборонительной стены XII в. В связи с развитием туризма в Гродненском регионе существуют проекты презентации широкой общественности руин Пречистенской церкви в Гродно и недостроенного храма в Волковыске. Цель статьи – выявить особенности археологического изучения памятников гродненской архитектурной школы и определить перспективы включения в Список всемирного культурного и природного наследия (ЮНЕСКО).

Основная часть

Наиболее масштабные археологические исследования проводились на территории Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви, которая была построена в 80-е гг. XII в. на удалении от центра города, на посаде за р. Городничанкой [1, с. 140]. К моменту начала строительства гродненская артель зодчих уже имела опыт возведения каменных храмов: были построены Нижняя, Воскресенская и Пречистенская церкви и отработана система производства плинфы, майоликовой плитки, связывающего раствора, обработки камня. Иконописцы, ювелиры, столяры-краснодеревщики, литейщики имели опыт сооружения иконостасов, литья колоколов.

Проведение археологических исследований на территории Борисоглебской (Колож-

ской) церкви было вызвано проектами восстановления памятника после разрушения в 1853 г. Об их необходимости было высказано в объяснительной записке гродненского губернского инженера гродненскому губернатору за 1898 г. о предполагаемой реконструкции Борисоглебской церкви. Губернский инженер видел необходимость в археологических раскопках вокруг церкви и был уверен в предстоящих археологических открытиях [3, л. 21].

В 1904 г. была образована специальная комиссия под председательством члена Техническо-Строительного Комитета Хозяйственного Управления при Святейшем Синоде профессора архитектуры Померанцева, членов комиссии гражданского инженера Дмитриева (Гродненская строительная комиссия), представителя Императорской Археологической Комиссии художника-архитектора П.П. Покрышкина, представителя Министерства Путей сообщения инженера И.Р. Петрова. Задача комиссии была в обсуждении вопросов, связанных с реставрацией Свято-Борисоглебской церкви в Гродно и укреплением берега реки, предварительном осмотре самой церкви и исследовании местности, на которой она расположена. В мае, июле и сентябре 1904 г. состоялись заседания комиссии, на которых обсуждались проекты и результаты работ. В протоколах заседания зафиксированы результаты проведенных земляных работ (в документе они обозначены как «научно-археологические исследования») [4, с. 16–25].

Некоторые земляные работы у Борисоглебской церкви были проведены в 1914 г. в связи с проектом реставрации и приспособлением церкви для нужд гарнизона строящейся Гродненской крепости. Военные и гражданские инженеры пришли к выводу, что холм, на котором стоит церковь, по своим малым размерам и по своей ненадежности не может служить местом для возведения большого храма, каковым должен быть крепостной собор. Идея восстановления церкви под крепостной собор не могла быть реализована также по причине неудовлетворительного состояния как самого храма, так и не подходящего характера окружающей местности в связи с тем, что «горизонтальный слой, длиною около 3 сажений в песчаном грунте, наполненный человеческими костями, черепками от древней, битой, синевато-серой глиняной посуды первобытного вида, кремнями, обделанными и необделанными, пеплом, углем, сплавами и т.п., и все это находится на глубине 5-6 сажений по отвесу

от основания Коложской церкви и заставляет каждого задуматься над тем, каким образом на такую большую глубину попали все эти вещи» [5, с. 53–54]. Инженеры высказали уверенность, что должны быть проведены дополнительные археологические исследования под руководством специалистов. Площадка для строительства собора Гродненской крепости была определена в центре Гродно по Каретному переулку (ныне – ул. Парижской коммуны) [5, с. 56].

В 1935 г. археологическое исследование Борисоглебской церкви проводил гродненский историк, директор музея Юзеф Иодковский. Он исследовал фундаменты церкви с северной и северо-восточной стороны. Раскопками было определено, что стены опирались на фундамент, сложенный насухо из валунов, засыпанных песком и землей. Фундамент прорезал культурный слой XI–XII вв. мощностью 0,7 м, а также вокруг церкви были выявлены многочисленные захоронения. В результате раскопок внутри церкви Ю. Иодковский выявил остатки пола из мраморных плиток XVIII в. и полихромных майоликовых плиток XII в., которые после фиксации остались на своем месте. Кроме этого, внутри церкви были выявлены захоронения периода XVI–XVIII вв. [6, с. 37]. Необходимо отметить, что все археологи единодушно во мнении, что научно-методический уровень исследований Ю. Иодковского был низкий, поскольку он не фиксировал стратиграфию раскопок, а памятники архитектуры были отрезаны от культурного пласта.

Кроме археологических исследований в это же время были проведены геологические исследования толщи берега в районе храма. Исследования были поручены доктору Брониславу Галицкому из Виленского университета, который пробурил четыре скважины и провел анализ грунтов. Он определил опасные для состояния храма слои грунта в толще Коложского берега. Для проведения работ по укреплению фундамента была заложена технологическая траншея вдоль сохранившейся части объема церкви [6, с. 64–66]. Как показали наши исследования в 2011 г., эта траншея послужила для укрепления фундаментов бетонной стяжкой, которая полностью закрыла фундамент с наружной стороны и нарушила гигроскопичность, что привело к повышенной влажности внутри церкви.

В 1971–1973 гг. археологические раскопки в непосредственной близости от Борисоглебской церкви проводил Я.Г. Зверуго. Всего им

было вскрыто 624 кв. м. В 1971 г. раскоп площадью 64 кв. м был заложен внутри ограды храма, второй раскоп – на расстоянии 60 м на север. Исследованиями были выявлены христианские могильники. В последующие годы на территории, прилегающей к церкви, были обнаружены жилища земляночного типа, остатки каменных печек, орудия труда, керамика. По мнению Я.Г. Зверуго, неукрепленное поселение на Коложском плато возникло не позднее XII в. [7, л. 1–6; 8, л. 2–8; 9, л. 1–7; 10, с. 64–67].

В 1981, 1983–1984 гг. археологические исследования Свято-Борисоглебской церкви и прилегающей территории проводил О.А. Трусов. В результате исследований в интерьере были вскрыты основания северо-восточного, северного и юго-западных столбов. Выяснилось, что диаметры западных столбов церкви равны диаметрам подкупольных столбов (1,85 и 1,75 м соответственно). Под нижним рядом кладки круглых столбов находилась квадратная в плане платформа в три ряда плинфы. В южной апсиде сохранился фрагмент пола XII в. из квадратных и треугольных поливных плиток. От юго-западного столба осталась только северная часть фундамента. В этот период была снята штукатурка с внутренней части северной стены и колонн, обнаружены остатки фресок и проведена консервация плинфы [11, с. 21].

В 1990 г. на территории Коложского плато археологические исследования проводил А.А. Добрян, в 2002 г. – Г.Н. Семенчук, в 2007 г. – А.М. Медведев. Цель данных работ заключалась в изучении культурного слоя в местах предполагаемых строительных работ (в 1990 и 2002 г. – строительство дома священника, в 2007 г. – разработка проектной документации для последующей реставрации памятника архитектуры XII в. Свято-Борисоглебской церкви; научный руководитель проекта – Г. Лаврецкий). Однако в этот период ни один из строительных проектов не был реализован.

В 2010 г. по решению Гродненского облисполкома была объявлена общественная акция «Восстановим Коложу вместе!», посвященная сбору финансовых средств на реставрацию Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви в Гродно, а также обсуждению проекта восстановления древнего храма. Предполагалось, что после реконструкции Свято-Борисоглебская церковь, как уникальный памятник архитектуры, будет внесена международной комиссией по охране памятников в списки всемирного наследия UNESCO.

В связи с реализацией данного проекта реставрации в 2011 г. были проведены археологические работы на площадке возле самого памятника. Исследования проводили сотрудники кафедры археологии и этнологии ГрГУ С.А. Пивоварчик, Г.Н. Семенчук, А.А. Добрян, Ю.В. Юрковец. Основная цель археологических исследований – изучение стратиграфии культурного слоя возле церкви (по проекту планировалось снятие земляного слоя возле церкви на 1,5 м) и исследования фундамента памятника. На определенных заказчиком местах были разбиты раскоп с восточной стороны церкви общей площадью 40 кв. м и два шурфа размерами 3 x 2 м с северной стороны, которые непосредственно примыкали к стене церкви. Общая раскопанная площадь составила 52 кв. м [12, с. 200].

Археологические раскопки, проведенные в 2011 г. в зоне историко-культурной ценности Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви выявили следующее: культурный слой в зоне строительства Церковно-приходского комплекса (120 м от Борисоглебской церкви) фактически отсутствует и представляет собой остатки жилой застройки XX в.; культурный слой на территории, прилегающей непосредственно к Свято-Борисоглебской церкви с восточной стороны, имеет мощность до 1,5 м и представляет собой остатки кладбища XIII–XVIII вв. Аналогичную стратиграфию культурный слой имеет и с северной части памятника, о чем свидетельствуют археологические раскопки, проведенные тут О.А. Трусовым в 1984 г., А.М. Медведевым в 2007 г., а также результаты археологического надзора, проведенные С.А. Пивоварчиком во время прокладки кабеля от Церковно-приходского комплекса к Свято-Борисоглебской церкви в октябре 2011 г. Большое количество костных останков было зафиксировано и в 2017 г. во время благоустройства территории, прилегающей к храму. Есть все основания считать, что кладбище уничтожило следы первоначального поселения, возникшего на этом месте в XI в., о чем свидетельствуют фрагменты керамической посуды. В середине 30-х гг. XX в. с целью укрепления фундамента сохранившихся стен снаружи Свято-Борисоглебской церкви были проведены бетонные работы и фундамент на глубину 0,9 м залит бетонной стяжкой. Археологические исследования 2011 г. свидетельствовали о необходимости корректировки проекта реконструкции Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви.

В 2017 г. на средства гранта Фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства был реализован проект «Капитальный ремонт памятника культурного наследия категории «0» Борисо-Глебская (Коложская) церковь г. Гродно». Авторам проекта удалось с помощью простых приемов народной архитектуры и использования традиционных материалов сохранить сакральную ценность храма, подлинность его формы и материала [13, с. 90–91].

Кроме Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви, к памятником гродненской архитектурной школы XII в. относятся остатки храмов, исследованные археологами в XX в., – Нижняя церковь на территории Старого замка (30–40-е гг. XX в., археологи Ю. Иодковский, Н.Н. Воронин), Пречистенская церковь на территории женского православного монастыря в Гродно (1980 г., археолог И.М. Чернявский), недостроенная церковь на территории Замчища в Волковыске (археолог М. Каргер), а также остатки княжеского дворца (башни) и оборонительной стены на Старом замке [1, с. 104–148; 14, с. 119–121; 15, с. 118–122]. В ходе земляных работ на территории Нового замка в Гродно неоднократно фиксировались находки фрагментов строительных материалов, характерных для XII в. (плинфа, майоликовая плитка, голосники). В 2018 г. обнаружены остатки строительной конструкции из плинфы и валунного камня, большое количество фрагментов голосников и плинфы с раствором, что может свидетельствовать о находке остатков еще одной церкви гродненской архитектурной школы (возможно, известной в письменных источниках под названием Воскресенская).

Заключение

Анализ археологических и документальных источников позволяет выделить четыре этапа археологического изучения памятников гродненской архитектурной школы XII в. Первый период связан с проектами реставрации Свято-Борисоглебской (Коложской) церкви и датируется 1897–1914 гг. Археологические исследования 1932–1939 гг., проведенные польскими специалистами, выделяются нами во второй период. Именно в это время были выявлены и изучены остатки Нижней церкви, княжеского терема (башни) и стены на мысу Старом замке. В третий, послевоенный (советский) период, с 1945 по 1991 гг., были проведены исследования на известных памятниках, а также выявлены новые – недостроенный храм

в Волковыске и Пречистенская церковь на посаде в Гродно. Четвертый период археологических исследований был вызван проектами реставрации, сохранения и использования уникальных памятников исторического наследия в культурном и экономическом развитии г. Гродно и приходится на 2002–2018 гг.

Анализ особенностей гродненской архитектурной школы показывает взаимосвязь с аналогичными памятниками на территории Болгарии, а также Полоцка, Чернигова и Волыни [16, с. 125–126]. По нашему мнению, наиболее перспективным с точки зрения положительного результата для включения в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО будет номинирование гродненской архитектурной школы (возможно, в коллаборации с памятниками Чернигова и Полоцка) как уникального явления, отражающего существенное влияние взаимообмена общечеловеческими ценностями в пределах определенного периода времени и определенного культурного района мира на развитие архитектуры, технологии, градостроительства и планирования ландшафтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Воронин, Н. Н.* Древнее Гродно / Н. Н. Воронин. – М.: Из-во Академии наук СССР, 1954. – 237 с.
2. *Трусаў, А. А.* Гродзенская архітэктурная школа / А. А. Трусаў // *Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 1. А–К / редкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – С. 261–262.*
3. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 8. – Описание 2. – Дело. 1022.
4. *Семянчук, Г.* Пачаткі гарадзенскай археалогіі: новыя дакументы / Г. Семянчук // *Гарадзенскі гадавік. – 2016. – № 4. – С. 12–25.*
5. *Пивоварчик, С. А.* Нереализованный проект строительства православного собора в Гродненской крепости (к проблеме восстановления Борисоглебской (Коложской) церкви) / С. А. Пивоварчик // *Вестник ГрГУ. Серия 1. – № 3. – 2012. – С. 65–69.*
6. *Jodkowski, J.* Świątynia warowna na Kolożu w Grodnie / J. Jodkowski. – Grodno, 1936. – 72 s.
7. *Зверуго, Я. Г.* Отчет о полевых исследованиях Верхненеманского отряда Белорусской археологической экспедиции в 1971 г. / Я. Г. Зверуго // *ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 408. – 19 с.*
8. *Зверуго, Я. Г.* Отчет Верхненеманского отряда Белорусской археологической экспедиции

о полевых исследованиях в 1972 г. / Я. Г. Зверуго // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 419. – 37 с.

9. Зверуго, Я. Г. Отчет о полевых исследованиях Верхненеманского отряда Белорусской археологической экспедиции в 1973 г. / Я. Г. Зверуго // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 449. – 27 с.

10. Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго. – Мн. : Наука и техника, 1989. – 234 с.

11. Трусаў, А. Археалагічнае даследаванне Барысаглебскай царквы і манастыра ў Гродне / А. Трусаў, А. Краўцэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – № 4. – 1994. – С. 17–21.

12. Пивоварчик, С. А. Историко-археологическое изучение Борисо-Глебской церкви в Гродно / С. А. Пивоварчик // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Полес. гос. ун-т : под ред. Р.Б. Гагуа. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 196–202.

13. Счастливая, Е. В. Коложская церковь. Новый рассвет древнего храма Республики Беларусь / Е.В. Счастливая // Вестник Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. – 2021. – № 44. – С. 82–91.

14. Чернявский, И. М. Пречистенская церковь XII в. в Гродно / И. М. Чернявский // Древнерусское государство и славяне : материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева. – Мн.: Наука и техника, 1983. – С. 119–121.

15. Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.) / Я. Г. Зверуго. – Мн. : Наука и техника, 1975. – 144 с.

16. Ганецкая, І. У. Да пытання аб вытоках гарадзенскай архітэктурнай школы XII ст. / І. У. Ганецкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Выпуск 19. Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны. – Мн. : Беларуская навука, 2010. – С. 125–132.

Поступила в редакцию 17.01.2022 г.

Контакты: pivovar@grsu.by

(Пивоварчик Сергей Аркадьевич)

Pivovarchyk S. A. ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE GRODNO ARCHITECTURAL SCHOOL OF THE XII CENTURY

The results of the archaeological study of the Grodno architectural school formed in the second half of the XII century are discussed in the article. The relevance of the study is related to the prospect of including Sts. Boris and Gleb Church (the Kolozhskaya Church) in Grodno in the List of World Cultural and Natural Heritage (UNESCO). The author identifies four periods in the archaeological study of the unique architectural monuments. He comes to the conclusion that the possibility of including not just the single monument of Sts. Boris and Gleb Church (the Kolozhskaya Church), but the Grodno architectural school of six archaeological monuments as a unique cultural phenomenon in Eastern Europe in the List of World Cultural and Natural Heritage is the most promising.

Keywords: architectural school, excavation, heritage, planning, restoration, conservation.

УДК 930.2:929

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИКИ

С. В. Настусевич

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье выявляются и систематизируются основные теоретико-методологические проблемы изучения биографии, являющиеся составной частью предметного поля исторической биографики. Определяется значение данной проблематики для последующего становления дисциплины. Выявляются взаимосвязи, обуславливающие формирование целей и задач, предметных границ, методологии и источниковой базы биографических исследований. Дается характеристика аксиологическим основаниям биографии. Определяется место и роль биографического метода в научных исследованиях.

Ключевые слова: биографика, историческая биографика, методология биографии, биографическое источниковедение, аксиология биографии, биографический метод.

Введение

В 1990–2010-х гг. в работах российских и украинских исследователей было впервые обосновано существование биографики (биографистики) в качестве самостоятельной дисциплины гуманитарного цикла [1; 2; 3; 4]. Тем не менее общепринятого представления о предметном поле новой дисциплины и теоретико-методологических проблемах, которые она изучает, в академической среде все еще нет. В то же время в современной науке сложились три базовых подхода к изучению биографии как явления: философский (исследует философские основания биографии), литературно-художественный (изучает биографию в качестве произведения искусства и явления культуры) и исторический (рассматривает биографию как способ историко-биографической реконструкции). В связи с этим актуально деление биографики на три соответствующие дисциплинарные области. Под исторической биографией мы понимаем специальную историческую дисциплину, разрабатывающую теоретико-методологические и историографические основания историко-биографической реконструкции. Соответственно, целью данной статьи является выявление и систематизация теоретико-методологических проблем из-

учения биографии, которые рассматриваются в рамках предметного поля новой дисциплины. Их можно разделить на методологические и общетеоретические проблемы.

Основная часть

Разработка системного представления о методологических аспектах историко-биографической реконструкции является наиважнейшей задачей исторической биографики, от решения которой зависит ее последующее дисциплинарное развитие. Наш взгляд, поспособствовать этому может деление поставленной задачи на несколько последовательных ступеней:

1. *Определение предметных границ историко-биографической реконструкции.* Главной целью научной биографии является открытие нового знания о человеке, жившем в прошлом. Выработка основополагающих представлений о человеке как предмете историко-биографической реконструкции относится к задачам философской биографики и требует специальных исследований. Однако среди существующих подходов к данной проблематике оптимальным представляется философско-антропологический подход, согласно которому любой человек может быть рассмотрен в качестве индивида, индивидуальности и личности. Он опирается на идеи философской антропологии, согласно которым индивид является отдельным человеком, его индивидуальность трактуется как набор признаков и характеристик, отличающих одного индивида от другого [5, с. 119], а личность обозначает способ бытия человека в обществе, т. е. то, как индивид реализует себя вовне [5, с. 150]. Индивид познается через раскрытие его индивидуальности, в то время как индивидуальность раскрывается посредством изучения личности. Таким образом, личность и является основным предметом историко-биографической реконструкции. Проблемы взаимодействия личности и общества интересуют историков более ста лет. Базовые положения в этой области изложены

в работах Л. Февра (1878–1956). Французский историк обозначает личность в качестве Творца истории, обладающего уникальной совокупностью черт, каждая из которых опосредована окружающим личностью обществом [6, с. 99–100]. Поскольку личность и общество теснейшим образом взаимосвязаны, то и невозможно противопоставить их друг другу, схематично разделяя индивидуальное и коллективное. Однако расположение личности и общества на фоне друг друга усиливает контраст сходств и различий между ними, что позволяет продуктивно их изучать. Таким образом, изучение социокультурного контекста является обязательным условием и первой предпосылкой познания личности. Поэтому реконструкция историко-биографической реконструкции не может ограничиваться жизнью и деятельностью человека прошлого, так как его жизнь и деятельность обусловлена гораздо более широкими явлениями и процессами. Как указывает Ж. Ле Гофф (1924–2014), «биография превращает своего героя <...> в «глобализующий» объект, вокруг которого организуется все поле исследования» [7, с. 17]. В результате она трансформируется в сложную форму исторического исследования и предъявляет повышенные требования к роли биографа, который должен самостоятельно поставить перед собой научную проблему, определить целесообразность расширения или сужения предметных границ своего исследования, разработать соответствующую своему предмету методологию и подобрать необходимые источники.

2. Адаптация принципов и методов исторической науки к биографическим исследованиям. Поскольку предметные границы историко-биографической реконструкции по мере необходимости могут охватывать все поле исторической реальности, то и биограф должен владеть всеми подходами, принципами и методами исторической науки. Главная задача биографа состоит в поиске и выявлении взаимосвязей между социокультурной реальностью и биографическими событиями. Перспективным представляется метод абдукции, применяемый при строгом соблюдении принципа историзма. Данный метод широко используется в естественных науках для выдвижения гипотез. В исторической науке он чаще всего применяется на интуитивном уровне. Американский историк А. Мегилл описывает логику «абдуктивного рассуждения» следующим образом: «В соответствии с

такой формой умозаключения, на основе того, что данная гипотеза лучше других соотносится с источниками, можно заключить, что эта гипотеза верна» [8, с. 400]. Для определения наилучшего объяснения каждого конкретного случая в истории ученый предлагает использовать три критерия, предложенные в 1978 г. философом науки П. Таггардом: 1) совпадение (чем больше фактов представлено в объяснении, тем лучше); 2) простота (чем меньше вспомогательных гипотез требует то или иное объяснение, тем лучше); 3) аналогичность (чем больше данное объяснение схоже с другими объяснениями, истинность которых установлена, тем лучше). При этом А. Мегилл призывает с большой осторожностью использовать аналогии в качестве аргументации в исторических исследованиях, подчеркивая, что любое свидетельство против гипотезы, основанной на одной лишь аналогии, может ее перечеркнуть [8, с. 406]. Далее А. Мегилл добавляет четвертый критерий, который определяет так: «При оценке исторических построений мы должны помнить, что те объяснения, в которых аргументация идет от следствия к причине, предпочтительнее тех объяснений, в которых аргументация идет от причины к следствию» [8, с. 412]. Поэтому историку следует более «абдуцировать» (утверждать о причинах на основе следствий), нежели «дедуцировать» (утверждать о следствиях на основе причин), так как в таком виде дедукция по своей логике больше «напоминает предсказания будущего» [8, с. 411]. Таким образом, в исторической науке метод абдукции не только позволяет выдвигать гипотезы, но и способствует установлению исторических фактов. Однако в тех случаях, когда речь идет о личности, необходимо помнить про существование нескольких уровней исторической реальности, с которыми сталкивается автор: 1) действия исторических персонажей (объясняют, что произошло); 2) мысли исторических персонажей (объясняют, почему это произошло); 3) исторические обстоятельства (позволяют доказать, почему те или иные объяснения действий или мыслей исторического персонажа являются верными или не верными) [8, с. 412–413]. Следовательно, исторический контекст в биографическом исследовании служит для верификации выводов биографа, и одного лишь обращения к биографическому источнику недостаточно. Работа с историческим контекстом может заставить биографа обратиться к статистическим данным, занять

ся поиском исторических закономерностей, разработкой исторических типологий, выявлением причин происходящих событий и т. д. Для этого в исторической науке существует ряд специальных и вспомогательных методов: историко-генетический, историко-типологический, историко-диахронный, историко-системный, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, количественные методы и пр. Их конкретное сочетание индивидуально для каждого биографического исследования и зависит от специфики изучаемого предмета (личности), предметных границ, включающих исторический контекст, поставленных перед исследователем целей и задач. Оценка результативности методов, применяемых в биографических исследованиях, требует написания соответствующих обобщающих работ, выводящих методологию историко-биографической реконструкции на новый теоретический уровень.

3. *Адаптация теорий, подходов и методов, применяемых для изучения личности в других науках.* Проблемы человеческого поведения, его обусловленность социальным и культурным контекстами, индивидуальные личностные стратегии являются предметом интереса ряда естественнонаучных, социальных и гуманитарных дисциплин. Перспективным представляется междисциплинарное сотрудничество со специалистами, изучающими биологию поведения человека, в частности, с экспертами в области генетики [9], эволюционной психологии [10], нейропсихологии [11], этиологии (изучение болезней) и т. д. Для исторической биографики интересны не только теоретические концепции, разработанные в этих областях, но и прикладные исследования, в особенности если ученые располагают какими-либо биологическими материалами. Создание исследовательской модели, позволяющей изучать данные аспекты, сохраняя этические нормы, является одной из актуальных задач биографики.

Вторая задача дисциплины заключается в изучении практики использования психоаналитической теории в биографических исследованиях. К настоящему времени психобиография проделала длительный путь, оформившись в рамках психоистории и исторической психологии [12]. Это позволяет оценить результативность данного подхода в биографических исследованиях, его слабые стороны и возможные пути дальнейшего развития. Кроме того, не следует отказываться от приме-

нения подходов и методов иных направлений психологии, если по своей природе они могут быть интегрированы в историческое исследование.

Социальные науки также разрабатывают собственные теоретико-методологические подходы к изучению личности: социология рассматривает личность в контексте ее социальных установок, ценностей и ролевого поведения [13]; в культурологии личность исследуется сквозь призму психологических, мировоззренческих и социокультурных практик [14, с. 77]; политология изучает личность как субъект и объект политических отношений [15, с. 10]; в поведенческой экономике личность рассматривается в качестве экономического агента [16]. Каждая из описанных дисциплин дополняет другие, а их подходы в случае практической необходимости могут сочетаться в биографическом исследовании.

Также важной проблемой биографического познания является изучение творчества рассматриваемой личности. Однако экстраполяция результатов изучения творчества на личность его автора содержит в себе множество трудностей. Так, современная теория литературы предполагает изучение литературного произведения как самостоятельную художественную целостную реальность [17, с. 19–68]. В то же время история литературы обращается не только к произведению, но и к его автору. Создавая новую художественную реальность, автор произведения реализует себя вовне в творческом акте. По всей видимости, данный процесс обусловлен его индивидуальным опытом, личностными качествами и социокультурным контекстом. Поэтому создать полноценную биографию писателя или любого другого творческого человека в отрыве от его творчества невозможно. Однако фундаментального понимания того, как именно содержание художественной реальности произведения связано с личностью его автора и исторической реальностью, в современной науке и философии нет¹. Предстоящая разработка данной теории является одной из наиважнейших задач философской, литературно-художественной и исторической биографики.

¹ Как правило, аргументация биографа, опирающегося на художественный анализ произведения, не заходит далее сопоставления художественной и исторической реальности, любые совпадения которых могут оказаться случайными.

Более изучена проблема возникновения и развития научного творчества [18; 19; 20]. Главное его отличие от художественного заключается в том, что ученый в первую очередь опирается на объективированный, научно обоснованный опыт человечества. Более того, каждый исследователь в своих работах сознательно фиксирует этапы построения нового знания. Благодаря этому становится возможным проследить логику рассуждений отдельного автора, сопоставить ее с научной картиной мира, господствовавшей в данное время, и найти внешние и внутренние основания каждой конкретной научной работы или теории. Вместе с тем биография ученого требует от биографа дополнительных компетенций. Он должен иметь представление о том, как формируется новое научное знание, разбираться в изучаемой научной области и видеть ее развитие в исторической перспективе.

4. *Развитие теории биографического историкоисследования.* Наиболее комплексно данная область рассмотрена в монографии И. Ф. Петровской «Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов» [3]. Под биографическим историкоисследованием автор понимает «теорию и практику выявления, изучения и использования соответствующих исторических источников» [3, с. 40]. Отсутствие развитой источниковой базы ограничивает биографа в разработке методологии исследования и расширении его предметных границ. Как изучаемая личность является структурообразующим элементом биографии, так и источники личного происхождения служат основой для источниковой базы всего исследования. Благодаря им биограф получает возможность оценивать мотивы поступков людей, живших в прошлом, и особенности их межличностного общения. Однако для установления исторического или биографического факта данного вида источников недостаточно. Необходимо, чтобы они подтверждались действиями исторических персонажей, а объяснения их действий и мыслей, предлагаемые биографом, соотносились с событиями и явлениями исторической реальности, в которой жила изучаемая личность (историческим контекстом). Поэтому биограф должен опираться на документальные источники, в которых содержится информация о людях прошлого и их поступках, а также на весь комплекс источников, свидетельствующих об исторической реальности, в которой они жили. Отбор конкретных источников в последнем случае опре-

деляется биографом исходя из практической целесообразности расширения или сужения предметных границ исследования, а также с учетом используемой методологии.

Общетеоретические проблемы историко-биографической реконструкции являются наименее разработанной частью проблематики исторической биографики. Они непосредственным образом связаны с предметным полем философской биографики, но имеют важное практическое значение, поскольку участвуют в формировании ценностно-смысловых и теоретико-методологических координат историко-биографических исследований. Данная проблематика также может быть разделена на несколько частей:

1. *Аксиология биографии и границы познания Другого человека.* На наш взгляд, ценность биографического исследования определяется двумя аспектами: актуальностью новых знаний, полученных в его результате, и самооценкой каждого отдельного индивида. Первый аспект зависит от качества проведенного исследования, а второй должен быть принят биографом как данность. Автор биографического исследования, будучи историком, не может избежать оценок поступков и мыслей изучаемой личности. Однако необходимо помнить, что поведение, поступки и мысли людей во многом обусловлены социокультурной средой, и потому оценивать их следует не из личных соображений биографа, а исходя из социальных, культурных и психических норм, соответствующих эпохе, обществу и конкретным социальным группам, в которых жил рассматриваемый индивид. Также биограф вынужден соблюдать баланс между уважением личных границ изучаемого человека и стремлением к получению нового знания. В профессиональном исследовании предпочтение, на наш взгляд, следует отдавать второму. Поэтому биограф может затрагивать любые стороны жизни изучаемой личности, включая самые интимные детали, но имеет на это право только в том случае, если данные аспекты способствуют получению нового знания. Вместе с тем исследователь не может претендовать на обладание абсолютной объективностью. Он в силах лишь разработать наиболее правдоподобную гипотезу, наилучшим образом объясняющую события и явления прошлого. А. Мегилл такой подход называет диалектической объективностью [8, с. 383–388].

2. *Биографический метод, его значение и роль.* В современной исторической науке нет

однозначного понимания того, что из себя представляет биографический метод. В классической интерпретации он сводится к биографии как типу исследования [21, с. 253–255]. Однако в классическом виде существование биографического метода как научной категории не имеет смысла, поскольку его задачи ничем не отличаются от задач биографии. Поэтому, на наш взгляд, изучение личности в истории не может быть основной целью применения биографического метода. Вместо этого он предполагает использование познавательных возможностей историко-биографической реконструкции с целью изучения предметов, каким-либо образом связанных с рассматриваемой личностью (с которыми она взаимодействовала). В его рамках личность человека перестает быть структурообразующим элементом исследования и становится вспомогательным средством познания. Изучение его жизни превращается в одну из многих задач исследования, которая наравне с другими задачами участвует в построении общей объяснительной модели. Биографический метод может быть использован в качестве вспомогательного средства любой из научных дисциплин, исследующих социокультурную реальность и человека¹. Вместе с тем биографический метод опирается на теоретические разработки биографики, которые благодаря ему могут быть взяты на вооружение другими дисциплинами. Таким образом, биографический метод выступает в качестве связующего звена, обеспечивающего междисциплинарные взаимодействия исторической биографики.

3. Обобщение результатов изучения рассмотренных областей. Каждая из вышеописанных областей требует проведения самостоятельных аналитических исследований. Одной из фундаментальных задач исторической биографики является оценка и обобщение результатов данных работ с целью получения нового теоретического знания более высокого уровня. Предположительно, это может способствовать развитию существующих и формированию новых теоретико-методологических подходов и исследовательских стратегий историко-биографической реконструкции, а также обновлению инструментария исторической биографики как специальной исторической дисциплины. Вероятно, в результате этого возрастет количество и качество биографиче-

ских исследований, в научный оборот будут введены новые объекты для анализа, а историческую реальность можно будет рассмотреть с новых неожиданных ракурсов. Синтез теоретического знания, полученного в ходе изучения истории развития биографии и ее методологических оснований, может способствовать созданию общей теории биографического познания, которая объединила бы собой основные методологические пути и практики историко-биографической реконструкции.

Заключение

Таким образом, изучение теоретико-методологических проблем историко-биографической реконструкции является наиважнейшей задачей исторической биографики. Методологические проблемы исторической биографики могут быть разделены на несколько взаимосвязанных областей: определение предметных границ историко-биографической реконструкции, адаптация к биографическим исследованиям принципов и методов исторической науки, адаптация теорий, подходов и методов, применяемых для изучения личности в других дисциплинах, и развитие теории биографического источниковедения. В задачи исторической биографики входит не только формирование общетеоретических представлений о методологических основах изучения личности, но и разработка путей применения отдельных теорий, подходов и методов в конкретных биографических исследованиях.

Общетеоретические проблемы исторической биографики являются наименее разработанной частью ее предметного поля. Однако они имеют важное практическое значение, поскольку участвуют в формировании ценностно-смысловых и теоретико-методологических координат историко-биографических исследований. К ним относится аксиология биографии и поиск границ познания Другого человека, определение места и роли в научных исследованиях биографического метода, обеспечивающего междисциплинарные связи исторической биографики, и обобщение результатов изучения предыдущих областей. Основной задачей синтеза теоретического знания, полученного в ходе исследования истории развития биографии и ее методологических оснований, является разработка общей теории биографического познания, объединяющей собой основные методологические пути и практики историко-биографической реконструкции.

¹ Каждая дисциплина, в которой применяется биографический метод, разрабатывает собственную теорию его использования.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Чишко, В. С.** Біографічна традиція та наукова біографія в історії і сучасності України / В. С. Чишко. – Київ : БМТ, 1996. – 239 с.
2. **Беленький, И. Л.** Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И. Л. Беленький // История через личность : Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. – 2-е изд. – Москва : Квадрига, 2010. – С. 37–54.
3. **Петровская, И. Ф.** Биографика : Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов / И. Ф. Петровская ; Изд. второе, исправл. и доп. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Петрополис». – 2010. – 384 с.
4. **Вахромеева, О. Б.** Биографика. Методика написания биографий : учебник / О. Б. Вахромеева. – СПб. : ЛЕМА. – 2013. – 180 с.
5. Философская антропология : Актуальные понятия : учеб. пособие / Е. С. Черепанова и др.; под общ. ред. Е. С. Черепановой ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 324 с.
6. **Февр, Л.** История и психология / Л. Февр // Бои за историю / под. ред. А. Я. Гуревича. – М. : Наука, 1991. – С. 97–108.
7. **Ле Гофф, Ж.** Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. В. И. Матузовой ; коммент. Д. Э. Харитоновича. – Москва : Ладомир, 2001. – 800 с.
8. **Мегилл, А.** Историческая эпистемология : Научная монография / А. Мегилл ; пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
9. **Тетушкин, Е. Я.** Генетическая генеалогия : история и методология / Е. Я. Тетушкин // Генетика. – 2011. – Том 47. – № 5. – С. 581–596.
10. **Палмер, Дж.** Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens / Дж. Палмер, Л. Палмер. – СПб. : Прайм Еврознак, 2003. – 384 с.
11. **Сапольски, Р.** Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки / Р. Сапольски. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019. – 766 с.
12. **Шутова, О. М.** Психоистория: школа и методы : учебное пособие / О. М. Шутова. – Минск : Веды, 1997. – 160 с.
13. **Узилевский, Г. Я.** Социология личности : учебно-методическое пособие / Г. Я. Узилевский. – Орел : ОРАГС, 2004. – 205 с.
14. **Колобова, Ю. И.** Культурология личности : к проблеме статуса понятия / Ю. И. Колобова // Вестник Вятского государственного университета. – 2007. – № 18. – С. 75–80.
15. **Кальянова, Т. П.** Политическая биографика : учеб.-метод. пособие / Т. П. Кальянова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. – 125 с.
16. **Канеман, Д.** Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 653 с.
17. **Гиршман, М. М.** Литературное произведение : Теория художественной целостности / М. М. Гиршман ; 2-е изд., доп. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 560 с.
18. **Поппер, К.** Логика научного исследования / К. Поппер ; под общ. ред. В. Н. Садовского. – М. : Республика, 2005. – 447 с.
19. **Кун, Т.** Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова. – М. : АСТ, 2009. – 317 с.
20. **Степин, В. С.** Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
21. **Мазур, Л. Н.** Методы исторического исследования : учеб. пособие / Л. Н. Мазур. – 2-е изд. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.

Поступил в редакцию 14.02.2022 г.
Контакты: st.nastusevich@gmail.com
(Настусевич Станислав Валерьевич)

***Nastusevich S. V. THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF HIS-
TORICAL BIOGRAPHICAL RESEARCH***

The article identifies and systematizes the main theoretical and methodological problems of studying biography, which are an integral part of the subject field of historical biographical studies. The significance of this problem for the subsequent formation of the discipline is determined. The interrelations that determine the formation of goals and objectives, subject boundaries, methodology and source base of biographical research are revealed. The axiological basis of biography is characterized. The place and role of the biographical method in scientific research is determined.

Keywords: biographical studies, historical biographical research, methodology of biography, biographical source studies, axiology of biography, biographical method.

УДК 1 (476) (091) + 2 (476)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: РЕЛИГИОЗНАЯ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

В. В. Старостенко

кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории и философии Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В контексте религиозной жизни современной Беларуси рассматриваются характерные черты и особенности конфессиональной структуры и динамики ее развития в регионах республики. Показана специфика регионов в параметрах религиозного разнообразия, конфессиональной активности, уровня религиозности населения. Характеризуется специфика поликонфессиональности регионов, сочетаемая с доминированием христианских направлений, прежде всего Белорусской православной церкви, Христиан веры евангельской, Римско-католической церкви и Евангельских христиан-баптистов.

Ключевые слова: религия, конфессия, регион, конфессиональная структура, христианство, Белорусская православная церковь, Христиане веры евангельской, Римско-католическая церковь, Евангельские христиане-баптисты, религиозная община, конфессиональные процессы, религиозная диверсификация.

Введение

Современное конфессиональное поле Республики Беларусь – результат процесса экстенсивного религиозного роста («религиозного возрождения»), характерного для постсоветской Беларуси главным образом 1990-х гг., когда его действующими мотиваторами на фоне краха прежней официальной идеологической модели и девальвации культивируемых ею смысложизненных ценностей выступали либерализация государственной политики в вероисповедной сфере, утрата атеистического вектора средствами массовой информации, активность миссионерской деятельности, в том числе зарубежных религиозных центров.

Визуализацией этого процесса стало увеличение на фоне роста религиозной самоидентификации граждан количества религиозных направлений (с 8 в 1990 г. до 25 с 1995 г., как и в настоящее время) и религиозных общин (с 939 в 1990 г. до 3389 в 2000 г.) [1, с. 6–8]. Этот рост не имел линейного характера. При перманентном увеличении числа религиозных организаций с середины 1990-х гг. наблюдается «тенденция стабилизации роста», а с конца

1990-х гг. фиксируется «снижение положительной динамики» [2, с. 57], характерное и для современных конфессиональных реалий. Рост религиозной активности был характерен всем регионам страны при сохранении неравномерной интенсивности конфессиональных процессов. Особенности регионов выявляются в параметрах их конфессионального разнообразия, религиозной активности и самоидентификации населения.

Основная часть

Религиозное разнообразие современной Беларуси определяется деятельностью на ее территории общин 25 конфессий. Может быть выведен индекс религиозного разнообразия (диверсификации) регионов, определяемый как процентное соотношение численности конфессий в регионе к количеству конфессий (религиозных направлений) в Беларуси в целом. Более высокий индекс показывает большее религиозное разнообразие региона. Если в условном усредненном регионе индекс на начало 2020 г. составлял 72%, то в Минской области – 52%, что является показателем наименьшего религиозного разнообразия среди регионов страны. Наиболее высокая степень религиозного разнообразия в городе Минске [3, с. 107], что отражает особый мультикультурный статус столицы республики, а также в Могилевской области [Таблица 1].

Таблица 1 – Индекс религиозного разнообразия регионов Республики Беларусь на 1 января 2020 г.

№ п/п	Регион Беларуси	Количество религиозных направлений (конфессий)	Индекс религиозного разнообразия регионов (%)
1	Минск	22	88
2	Могилевская область	20	80
3	Брестская область	17	68
4	Витебская область	17	68
5	Гомельская область	17	68
6	Гродненская область	17	68
7	Минская область	13	52
В среднем в республике		18	72
Всего в республике		25	100

Традиционная особенность религиозной географии Беларуси – более высокая концентрация религиозных общин в регионах прежде всего западной Беларуси. Наибольшая численность общин на начало 2020 г. сохранялась в Брестской (765) и Минской (709) областях. На Гродненщину приходится 483 религиозные организации, на Витебщину – 560. Менее всего религиозных общин в столичном мегаполисе и на востоке страны – в Гомельской (422) и Могилевской (294) областях [4, с. 38].

Наибольшая конфессиональная активность Брестской области подтверждается соотноше-

нием численности населения к количеству религиозных общин – около 1,8 тыс. человек на одну зарегистрированную общину. Более высокий индекс показывает меньшую конфессиональную активность населения. Наиболее близкие в Брестчине индексы имеют Витебская (около 2), Минская (около 2,1) и Гродненская (около 2,1) области. Индексы наименьшей конфессиональной активности среди областей страны – у Гомельщины (около 3,3) и Могилевщины (около 3,5), а в целом среди регионов – у Минска как высокоурбанизированного культурно-образовательного центра [1, с. 78; Таблица 2].

Таблица 2 – Индекс конфессиональной активности населения регионов Беларуси на 1 января 2020 г.

№ п/п	Регион Беларуси	Численность населения		Количество религиозных общин		Индекс конфессиональной активности регионов
		кол-во (тыс. чел.)	в %	кол-во	в %	
1	Брестская область	1 347,0	14,3	765	22,57	1,76
2	Витебская область	1 133,4	12,0	560	16,52	2,02
3	Минская область	1 472,0	15,6	709	20,92	2,08
4	Гродненская область	1 025,8	10,9	483	14,25	2,12
5	Гомельская область	1 386,6	14,7	422	12,45	3,29
6	Могилевская область	1 023,0	10,9	294	8,68	3,48
7	Минск	2 020,6	21,5	156	4,60	12,95
Всего		9 408,4	100	3389	100	2,78

При этом динамика численности общин в регионах демонстрирует опережающий рост религиозных общин на востоке Беларуси. Так, удельный вес общин Витебской области с 1991 по 2020 г. увеличился с 11,9 до 16,5%, Гомельской – с 8,6 до 12,5%, Могилевской – с 6,1 до 8,7%. И, напротив, сегмент общин Гродненской области сократился за тот же период с 23,6 до 14,3%, а Брестской – с 32,7 до 22,6% [1, с. 19–39; 5, с. 236]. Эта тенденция связана с большими возможностями миссионерской деятельности на востоке Беларуси, которая, в отличие от запада страны, в советский период была подвергнута более масштабной атеизации. На территории БССР антирелигиозная деятельность была развернута еще в довоенный период, тогда как Западная Белоруссия до 1939 г. находилась в составе Второй Речи Посполитой, что и позволило в большей мере сохранить там традиции религиозного уклада жизни населения, а с рубежа 1980–1990-х гг. послужить базой религиозного развития республики.

Региональная специфика конфессиональной жизни Беларуси имеет и социологический аспект. Исследования 2000-х гг. показывают, что наиболее высокий уровень формальной религиозной самоидентификации демонстрируют респонденты Гродненской (65,5%), Брестской и Витебской (по 64%) областей. Напротив, в Могилевской области 52,5% респондентов заявляло, что «верят в Бога». Наиболее высокий удельный вес «колеблющихся» в отношении религии социологи отмечают в Гродненской (25,9%) и Могилевской (25,7% респондентов) областях. Наибольшее число «неверующих» – в Витебской (20,3%) и Могилевской (14% респондентов) областях. Совокупную категорию «неверующих» и «колеблющихся» в своем отношении к религии образуют 40,6% респондентов Витебской, 39,7% – Могилевской, 33,6% – Минской, 31,9% – Гомельской, 31,6% – Гродненской и 31,1% – Брестской областей [6, с. 52; 7; 8, с. 105] [Таблицы 3–4].

Таблица 3 – Самоидентификация респондентов в отношении религии в Республике Беларусь и регионах страны, 2006 г., в % [составлена по материалам: 6, с. 52]

Регион	Да, я верю в Бога	Да, я верю в сверхъестественные силы	Не могу ответить однозначно	Нет, я неверующий
Витебская область	64	4,9	20,3	20,3
Гомельская область	61,6	6,5	23,6	8,3

Окончание таблицы 3

Регион	Да, я верю в Бога	Да, я верю в сверхъестественные силы	Не могу ответить однозначно	Нет, я неверующий
Могилевская область	52,5	7,8	25,7	14
г. Минск	50	5,6	28,2	16,2
Минская область	62,5	3,9	20,5	13,1
Брестская область	64	4,9	20,3	10,8
Гродненская область	65,5	2,9	25,9	5,7
Всего в Республике	58,9	4,9	23,9	12,3

Таблица 4 – Конфессиональная самоидентификация респондентов в Республике Беларусь и регионах страны, 2006 г., в % [составлена по материалам: 6, с. 52]

Регион	Православие	Католицизм	Протестантизм	Христианство в целом	К иным конфессиям	Ни к какой
Витебская область	66,2	8,9	0,5	1,0	0,5	22,9
Могилевская область	82,1	1,7	0	0	0,6	15,6
Гомельская область	87,3	1,3	0,9	1,8	0,4	8,3
Минская область	70,3	11,8	0,9	2,2	1,3	13,5
Брестская область	76,1	8,1	0,4	2,3	0	13,1
Гродненская область	56,9	29,9	0	2,3	4,0	6,9
г. Минск	69,2	6,8	1,1	2,6	1,5	18,8
Всего в Республике	72,9	9,3	0,5	1,8	1,2	14,3

Как в республике в целом, так и в ее отдельных регионах отсутствует абсолютное доминирование какой-либо одной конфессии. Крупнейшие религиозные организации страны – Белорусская православная церковь (БПЦ), или Белорусский Экзархат Московского Патриархата (50,4% от численности общин всех конфессий), Христиане веры евангельской (ХВЕ; 15,5%), Римско-католическая церковь (РКЦ; 14,7%) и Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ; 8,3%). При этом лишь две конфессии – БПЦ и ХВЕ имеют общины во всех административных районах всех регионов республики [9, с. 92; 10, с. 82]. Подобная общереспубликанская последовательность основных конфессий на основе численности религиозных общин характерна в регионах

только г. Минска и Минской области. При приоритете БПЦ и в других регионах страны ХВЕ являются второй, а ЕХБ третьей конфессией, опережая РКЦ, в Могилевской, Гомельской и Брестской областях. На Витебщине и Гродненщине, напротив, второе религиозное объединение – РКЦ, а третье – ХВЕ.

В целом четыре ведущие конфессии объединяют в республике около 89% всех религиозных общин, но представлены в регионах крайне неравномерно. Так, 22% общин ХВЕ приходится на Брестскую область и 18% – на Гомельскую, тогда как на Гродненскую – 7%, Витебскую – 9%. Наибольший сегмент ЕХБ на Могилевщине (14%) и Брестчине (12%), наименьший – на Гродненщине (4%) и Гомельщине (6%) [Таблица 5].

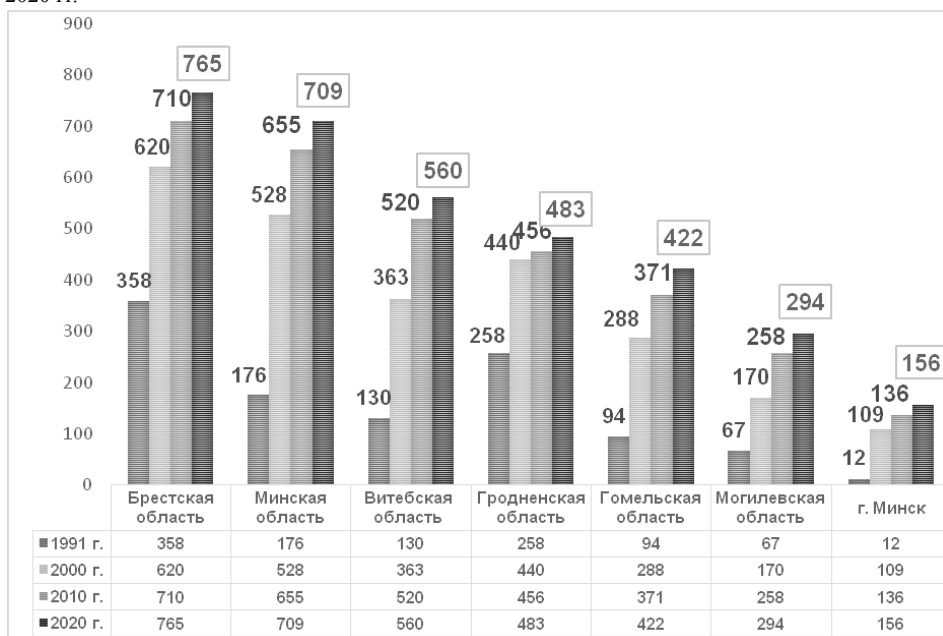
Таблица 5 – Удельный вес конфессий в общем объеме религиозных общин в регионах Республики Беларусь на 1.01.2020 г.

№ п/п	Конфессии	Количество религиозных общин (в %)						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Могилевская область	Минская область	Минск
1	Православная церковь (БПЦ)	50,85	53,04	57,11	43,48	46,60	54,58	30,77
2	Старообрядческая церковь	0,00	3,21	0,47	0,21	2,38	0,56	1,28
3	Римско-католическая церковь	8,63	16,79	4,74	36,44	8,16	13,68	13,46
4	Католики латинского обряда	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,64
5	Греко-католическая церковь	0,39	0,71	0,24	0,41	0,34	0,14	2,56
6	Армянская апостольская церковь	0,00	0,00	0,00	0,00	0,68	0,00	1,28

Окончание таблицы 5

№ п/п	Конфессии	Количество религиозных общин (в %)						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Могилевская область	Минская область	Минск
7	Реформатская церковь	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,64
8	Пресвитерианская церковь	0,00	0,00	0,00	0,00	0,34	0,00	0,00
9	Лютеранская церковь	0,00	2,32	0,95	0,41	1,36	0,00	1,28
10	Христиане веры евангельской	21,57	9,29	17,77	6,63	14,29	19,04	14,74
11	Христиане полного евангелия	0,92	1,25	3,79	1,45	1,02	1,69	6,41
12	Христиане веры апостольской	1,05	0,00	0,00	0,62	0,00	0,00	0,00
13	Евангельские христиане-баптисты	11,76	6,79	6,16	4,14	13,61	6,91	11,54
14	Адвентисты седьмого дня	2,35	2,50	2,84	1,45	2,04	1,41	3,85
15	Свидетели Иеговы	0,39	0,89	1,66	1,04	1,02	0,42	0,64
16	Новоапостольская церковь	0,39	0,54	1,18	1,24	0,68	0,14	0,64
17	Церковь Христова	0,13	0,00	0,00	0,21	0,34	0,00	1,28
18	Мессианские общины	0,13	0,00	0,47	0,00	0,00	0,00	0,00
19	Мормоны	0,00	0,18	0,00	0,00	0,34	0,00	1,28
20	Иудейская религия	0,65	0,89	1,66	0,21	5,10	0,28	1,92
21	Прогрессивный иудаизм	0,26	0,54	0,24	0,41	0,68	0,28	1,92
22	Мусульманская религия	0,26	0,71	0,24	1,45	0,34	0,85	1,92
23	Бахаи	0,13	0,18	0,24	0,00	0,34	0,00	0,64
24	Кришнаиты	0,13	0,18	0,24	0,21	0,34	0,00	0,64
25	Буддизм	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,64
	Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Диаграмма 1 – Численность религиозных общин в регионах Республики Беларусь в 1991, 2000, 2010 и 2020 гг.

Существует ряд не вполне адекватных представлений о конфессиональной географии религий в Беларуси, сохранивших в современном общественном сознании характер устойчивых мифологем. Среди них – утверждение, что «в конфессиональном отношении западная Беларусь католическая, а восточная – православная». Действительно, наиболее влиятельные религии в истории Беларуси – православие и католицизм. Однако и в республике в целом, и во всех ее регионах большее распространение, сравнительно с другими конфессиями, по числу религиозных общин имеет православие в форме БПЦ. В четырех регионах страны (кроме г. Минска, Гродненской и Могилевской областей) оно объединяет свыше 50% совокупного в областях количества общин. Римо-католицизм наиболее широко представлен в Гродненской области [11] (на начало 2020 г. – 176 католических общин, или 35% от их общей численности в республике). Но в сопредельной Брестской области действуют лишь 66 католических общин, или 13% от их республиканской численности [12, с. 149], в Минской – 97, или 19% [1, с. 61-67]. В региональном измерении общины РКЦ составляют на Гродненщине 36% всех зарегистрированных в области религиозных организаций (общины БПЦ – около 43%), на Брестчине – 9% (общины БПЦ – около 51%), на Минщине – 14% (общины БПЦ – около 55%) [1, с. 61-67]. Таким образом, стереотип о «католической Западной Беларуси» безоснователен. Римо-католицизм не является доминирующим вероисповеданием даже в Гродненской области. Более того, по численности религиозных общин в Брестской, Гродненской и Минской областях РКЦ существенно уступает протестантам и имеет равные позиции с их ведущим религиозным объединением в Беларуси – церковью Христиан веры евангельской (339 и 332 организации соответственно).

Впрочем, утверждение о «православной восточной Беларуси» также не вполне корректно. В Гомельской, Витебской и Могилевской областях БПЦ – наиболее распространенная конфессия, но представлена она в этих трех регионах 675 общинами. Их удельный вес в общей численности всех религиозных общин данных регионов составляет менее 53%, т.е. лишь около половины. По отношению же ко всем зарегистрированным в стране православным общинам их численность в Гомельской, Витебской и Могилевской областях составляет лишь около 39% от их общереспубликанского

количества (в Гомельской – 14%, Витебской – 17%, Могилевской – 8%, тогда как в «самой католической области» – Гродненской – 12%). В регионах республики наибольшее количество православных общин действует не на востоке Беларуси, а на западе – в Брестской (23%), а также Минской (23%) областях [1, с. 61-67].

Заключение

Очевидной особенностью региональной конфессиональной географии Беларуси является не конфессиональная специфика «Запада» и «Востока», а неравномерная по регионам интенсивность религиозных процессов. Подобно республике в целом, в ее отдельных регионах отсутствует абсолютное доминирование какой-либо конфессии. Наиболее высокий индекс религиозного разнообразия характерен для г. Минска и Могилевской области, наименьший – для Минской области, что связано с распространением в этих регионах в том числе единичных по количеству общин конфессий. Индекс религиозного разнообразия регионов страны не коррелируется с индексом конфессиональной активности населения. Наиболее высокий уровень религиозной самоидентификации характерен для населения Гродненской, Брестской и Витебской областей. Большая интенсивность конфессиональной жизни свойственна Брестской, Витебской, Минской и Гродненской областям, наименьшая – Гомельщине и Могилевщине. Наибольшей религиозной активностью на западе Беларуси отличается Брестская область, на востоке – Витебская область. Наименее религиозна по всем рассматриваемым параметрам конфессиональной жизни Могилевщина.

Развитие конфессиональных процессов в республике и ее регионах обуславливает необходимость перманентного мониторинга религиозной сферы, актуализацию практики уважительных межконфессиональных взаимоотношений, веротерпимости, последовательной реализации свободы совести как факторов гражданского мира и общественного согласия, развития общегражданской идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Старостенко, В. В.* Религии в Республике Беларусь в статистическом измерении : справочник / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 144 с. : ил.
2. *Старостенко, В. В.* Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории : моногра-

фия / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2011. – 272 с.

3. **Старостенко, В. В.** Конфессиональная структура г. Минска: специфика и развитие в контексте религиозного пространства Беларуси 2000–2020 гг. / В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2021. – № 2 (58). – С. 106–112.

4. **Старостенко, В. В.** Современная Могилевщина в динамике конфессиональных процессов / В. В. Старостенко // Жизнь и творческое наследие А. С. Дембовецкого: к 180-летию со дня рождения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 13 марта 2020 г. / сост.: В. В. Шейбак, Е. Н. Изергина, Я. С. Кнурева. – Минск : Беларуская навука, 2021. – С. 38–42.

5. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 5: Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома Н. В. Смехович ; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 759 с. : ил.

6. Конфессии и культовые сооружения Беларуси: атлас / Беларус. гос. ун-т, геогр. фак. ; под рук. И.И. Пирожника. – Минск : БГУ, 2007. – 56 с.

7. **Старостенко, В. В.** Характер и специфика религиозного самоопределения населения регионов Республики Беларусь (На примере Могилевской области) / В. В. Старостенко // Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов : сборник статей по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 25 марта 2021 г. / под общ. ред. проф. В.Ф. Блохина, проф. Е.В. Петрова, проф. И.В. Алферовой, проф. М.И. Лавицкой. – Брянск : РИСО БГУ, 2021. – С. 48–58.

8. **Старостенко, В. В.** Религии в современном мире (статистика и социология) : справочник / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 128 с.

9. **Старостенко, В. В.** Особенности региональной структуры и динамика развития Белорусской православной церкви в восточной Беларуси в 2000-х гг. / В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2019. – № 2 (54). – С. 91–97.

10. **Старостенко, В. В.** Динамика развития и особенности структуры Христиан веры

евангельской в восточной Беларуси в период 2000-х гг. / В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2020. – № 1 (55). – С. 81–86.

11. **Старостенко, В. В.** Особенности и развитие конфессиональной структуры Гродненской области в 2000–2020 гг. / В. В. Старостенко // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2020 г. : материалы науч.-метод. конф., 28 января – 12 февраля 2021 г. / под ред. Н. В. Маковской, Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 30–31.

12. **Старостенко, В. В.** Особенности конфессиональной структуры Брестской области Республики Беларусь / В.В. Старостенко // Религия и общество – 15 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 148–151.

Поступила в редакцию 29.05.2022 г.

Контакты: vstarostenko@mail.ru

(Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V. V. CONFSSIONAL SPECIFICITY OF THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS: RELIGIOUS STRUCTURE AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT

In the context of the religious life of modern Belarus, the characteristic features and peculiarities of the confessional structure and the dynamics of its development in the regions of the republic are considered. The specifics of the regions regarding the parameters of religious diversity, confessional activity, the level of religiosity of the population are shown. The specificity of the polyconfessionality of the regions, combined with the dominance of the Christian trends, primarily the Belarusian Orthodox Church, Christians of the Evangelical Faith, the Roman Catholic Church and Evangelical Christians-Baptists, is characterized.

Keywords: religion, denomination, region, confessional structure, Christianity, Belarusian Orthodox Church, Christians of the Evangelical Faith, the Roman Catholic Church and Evangelical Christians-Baptists, religious community, confessional processes, religious diversification.

УДК 821.161.3.09

ФОРМЫ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ ВАЕННАГА КАНТЭКСТУ Ў АПОВЕСЦЯХ А. АДАМОВІЧА 1980–1990-х гг.

Т. Р. Багарадава

кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле раскрываецца спецыфіка адлюстравання ваеннай тэмы ў мастацкай спадчыне А. Адамовіча перыяду 1980–1990-х гг., рэпрэзэнтаванай праз разнастайныя мастацкія формы.

Тэма Вялікай Айчыннай вайны праўдзіва інтэрпрэтавана ў творчасці пісьменніка, чый лёс быў непасрэдна звязаны з ваеннымі падзеямі, а ўласны вопыт максімальна дакладна ўзנוўлены ў творчасці.

Інтэрпрэтацыя ваеннага кантэксту характарызуецца адлюстраваннем ваеннага лёсу шляхам эвалюцыі ўзбуджэння жанравых форм праз максімальнае абагульненне ўласных ідэй.

Ключавыя словы: ваенная аповесць, інтэлектуалізацыя, філасафічнасць, гуманізм, дакументалізм, публіцыстычнасць, «плынь свядомасці», аповесць-антыўтопія, аўтабіяграфізм.

Уводзіны

У канцы ХХ ст. запатрабаваным і актуальным з'явіўся дэтальны аналіз гістарычных, ідэалагічных, гуманітарных аспектаў Вялікай Айчыннай вайны, бо яе вынікі ў многім прадвызначылі аблічча сучаснага чалавека і свету.

Шматаспектнае адлюстраванне ваеннай рэчаіснасці знайшло выражэнне ў творчасці аўтараў, якія падчас Вялікай Айчыннай вайны знаходзіліся ў складзе партызанскіх атрадаў, такім чынам, мелі практычны досвед для яе паказу. Творы пісьменнікаў-партызан у жанры аповесці яднае антываенны пафас, спалучаны з фактаграфічным пачаткам і выяўленчай дакладнасцю.

Асноўная частка

Алесь Адамовіч-празаік (1926/27 – 1994, быў у 1942 г. сувязным, а ў 1943 г. – байцом партызанскага атрада імя Кірава 37-й брыгады імя Пархоменкі Мінскага партызанскага злучэння) у перыяд 1980 – 1990-х гг. ужо дастаткова далёка адышоў ад былога сябе – аўтара шырокавядомых і папулярных аўтабіяграфічных раманаў з дылогіі «Партызаны» (1963), напісаных па-руску («Война под крышами», 1960, і «Сыновья уходят в бой», 1963), а менавіта – істотна адышоў ад таго стылю

сацыялістычнага рэалізму (у А. Адамовіча – рэалізм з некаторымі ідэалагічнымі абмежаваннямі), якім вылучалася ўся савецкая літаратура «адліжных» 1960-х гг. Па словах А. Бельскага, «ён шукаў праўду пра вайну, чалавека, сваю эпоху, літаратуру і праблемы часу, жыцця, грамадства» [1]. А. Адамовіч увайшоў у гісторыю літаратуры як наватар у галінах не толькі ідэйных, але і фармальна-жанравых пошукаў. Ён даў прынцыпова новыя імпульсы развіццю дакументальна-мастацкай прозы (у кнігах 1970–80-х гг., напісаных у суаўтарстве, «Я з вогненнай вёскі...» (першае выданне – 1974), «Блакадная кніга» (1977, 1981), а таксама ва ўласна-аўтарскай «Хатынскай аповесці» (1971) і інш.). Даследчыкі заўважылі ў творах пісьменніка пазнейшых гадоў вярганне да традыцыйных жанравых форм, але з неабмежаванай свабодай наратара [2]. М. Тычына адзначаў: «За ўсім, што рабіў Адамовіч у 80–90-я гады як мастак слова, публіцыст, грамадскі дзеяч, адчуваецца подых гераічнай і трагічнай беларускай гісторыі» [3, с. 338].

У працяг папярэдніх кніг «Я з вогненнай вёскі» і «Хатынская аповесць» А. Адамовічам быў напісаны твор «Карнікі» (1980, 1988, з падзагаловак «Радасць нажа, або Жыццё гіпербарэяў»). Вызначэнне жанру твора ў крытыцы разнастайнае: Н. Лейдэрман [4], Д. Бугаёў [5], І. Лаўрыновіч [6], Д. Шпрынгман [7] і іншыя называюць яго аповесцю, а М. Тычына – раманам [3]. Беручы пад увагу вызначаныя С. Прохаравай традыцыйныя і наватарскія пошукі пісьменніка ў межах дадзенага твора [8], адзначым, што А. Адамовіч радыкальна змяніў мастацкі пункт гледжання на падзеі Вялікай Айчыннай вайны. У «Карніках», па-першае, ролю своеасаблівага этычнага камертона аўтар аддаў голасу ахвяры, цяжарнай жанчыны, скінутае ў яму, поўную трупаў забітых мірных жыхароў; а па-другое, з гэтым голасам супастаўлены галасы – унутраныя маналогі забойцаў, тых людзей розных нацыянальнасцей, што сталі ваеннымі злачынцамі, апантанымі катамі, імкнучыся адпомсціць савецкай уладзе за былыя крыўды або вырава-

ца з фашысцкіх лагераў для ваеннапалонных ды выжыць любой цаной. Менавіта праз гэты новы ракурс аповесць «Карнікі» зрабілася ўзорам якасна новай прозы пра падзеі Вялікай Айчыннай і ўвогуле другой сусветнай вайны. Гэтая аповесць заснавана на рэальных фактах, яе тэкст утрымлівае шматлікія фрагменты дакументальных матэрыялаў, што дазваляе казаць пра рэалістычнае адлюстраванне ў ёй ваеннага кантэксту. Разам з тым у сюжэце «Карнікаў» важную ролю адыгрываюць малюнк і сноп, трызненні, фрагменты плыні свядомасці ў рэфлексіі асобных персанажаў, што робіць тэкст аповесці па-сучаснаму ўскладненым, шматфарбным у плане паэтыкі. Напрыклад, адказ на пытанне пра ступень і меру чалавечага падзення аўтар шукае ў эпизодзе ўяўнай размовы Бога з жанчынай.

Аповесць «Карнікі», якая складаецца з чатырох частак, мела доўгую храналогію стварэння: 1970–1980, 1987–1988 гг. Мастацкая рэфлексія аўтара адбывалася пад уздзеяннем перажытых падзей, творчага вопыту і праўды дакумента. Вызначальнай для ўзнікнення твора стала змена гістарычнага кантэксту і магчымасць аб'ектыўнага адлюстравання ваеннай рэальнасці шляхам увядзення напісанай аўтарам яшчэ ў 1979 г. пятай часткі з назвай «Дублёр», у якой узнаўляецца вобраз Сталіна як аднаго з вядучых карнікаў у гісторыі: «*Таварыш Сталін заўсёды перамаае, надабаецца вам гэта ці не. <...> Усіх праз чысцец, усіх! Я вас ссажу з белага каня*» [9]. Наватарскім для айчыннай літаратуры стала супастаўляльнае апісанне ў поўным тэксце аповесці жыцця двух галоўных гіпербарэяў-тыранаў XX ст., вобразаў Гітлера і Сталіна, і паказ на іх прыкладзе функцыянавання таталітарных парадкаў у дзяржавах. Прозвішчы іншых персанажаў таксама маюць рэальных прататыпаў, бо адлюстраваны ў пратаколах судовых працэсаў над нацыстамі. Інавацыйнай з'яўляецца кампазіцыйная пабудова аповесці ў выглядзе раздзелаў, што ўтвараюць спецыфічныя «кругі». Кожны з іх мае свайго персанажа, які раскрываецца праз вядучы аўтарскі прыём «плыні свядомасці». Д. Шпрынгман падкрэслівае ў творы абавязковую наяўнасць сітуацый маральнага выбару для асобы [7], нейкай лёсавызначальнай падзеі, пасля якой чалавек робіцца катом.

Спароджаная інтэлектуальнай літаратурай 1970-х гг. творчая спадчына А. Адамовіча прызначана адказаць на пытанні, звязаныя з трансфармацыяй каштоўнасцей арыентацый

чалавека. Па словах Н. Лейдэрмана, «аўтару такіх твораў асабліва цікавы сам працэс мыслення чалавека як форма яго дзейнасці, як праца па самаарыентацыі ў свеце, як спосаб пошуку шляхоў пераадолення націску бессэнсоўных жорсткіх сітуацый» [4]. У межах твора адбываецца своеасабліва мастацкая «градацыя» антыгерояў – раскрыццё іх псіхалогіі ад ніжэйшых, простых «шрубак» рэпрэсіўнай, карнай машыны да самых складаных і знакавых (Сталін, Гітлер).

Паводле М. Тычыны, «карнікамі <...> не нараджаюцца, карнікамі становяцца. І не толькі ў выніку таго ці іншага збегу акалічнасцей, але ў большасці выпадкаў па ўласнаму жаданню і ўласнай волі» [3]. А. Адамовіч пабудоваў і раскрыў лініі кожнага персанажа, паказаў прычыны, што прымусілі людзей здрадзіць радзіме і ў першую чаргу чалавечнасці ў сабе. У творы прадстаўлены розныя тыпы здраднікаў: ад самых прымітыўных, пакрыўджаных лёсам (персанаж са знакавым прозвішчам Тупіга) да даволі кемлівых і здагадлівых (накшталт былога савецкага афіцэра Мураўёва – дублёра Дзірлевангера), што забыталіся ва ўласных злачынствах. Уздымаючы планку ў паказе перыпетый ваеннай сітуацыі і ступені здрадніцтва, пісьменнік адлюстравваў вобразы Сурава і Белага – падначаленых-выканаўцаў маёра Дзірлевангера – былых ваеннапалонных, якія не выкарысталі магчымасці маральнага выбару, не засталіся людзьмі ў крытычнай сітуацыі. Вобраз Мельнічэнкі з так званай «украінскай роты», які ненавідзіць і сваіх, і немцаў, раскрывае неадназначныя старонкі гісторыі галадзору 1930-х гг., перажытага ўкраінцамі, і з'яву «бандэраўшчыны». Даследуючы вытокі ўзнікнення антыгуманнасці, А. Адамовіч праз вобраз штурмбанфюрэра Дзірлевангера раскрыў сутнасць трансфармаванай нацыстамі ніцшэанскай філасофіі «звышчалавека»: «*Потым, потым над усім светам паўстане і вечна будзе толькі ўсеагульная садружнасць гаспадароў, спадароў! І мноства прыступак-кастаў, якія падаюць уніз*» [10]. Пісьменнік зрабіў своеасаблівыя подступы да стварэння «звышлітаратуры» – мастацкай літаратуры, задача якой заключалася ў выкарыстанні навішых метадаў, прыёмаў і сродкаў уздзеяння на чытача.

І. Лаўрыновіч вызначае наяўнасць філасофскага зместу ў аповесці «Карнікі» [6]. Філасафічнасць перш за ўсё назіраецца ў перадачы біблейскага матыву пакутніцкага лёсу. Пры звароце да падобнай тэмы, паміж іншым,

Д. Бугаёў у артыкуле «Яго сэрца балела» [5] заўважыў вельмі эмацыянальнае стаўленне А. Адамовіча да лёсу ўласных персанажаў. Сюжэты мастацка-дакументальнай прозы не роўныя зыходнай рэчаіснасці, таму вобразы «Карнікаў» не падпадаюць пад катэгорыю «традыцыйных». Письменнік праз унутраныя маналогі такіх персанажаў паказвае, што ніхто з іх не раскаяўся настолькі, каб прызнаць, што яму няма даравання за ваенныя злачынствы. А. Адамовіч стварае гіпербалізаваныя, нават фантастычныя малюнкi, адштурхоўваючыся ад дакументаў: гэта эпізоды пра забойствы бязвінных жанчын і дзяцей, ірэальныя вобразы. У 1985 г. матэрыял твора, разам з «Хатынскай апавесцю», стаў асновай для стварэння вядомай ва ўсім свеце кінастужкі Э. Клімава «Ідзі і глядзі» (сцэнарый А. Адамовіча і Э. Клімава).

Перыяд позняй творчасці А. Адамовіча характарызуецца таксама зваротам да жанру антыўтопіі, распаўсюджаным у сусветнай літаратуры XX ст. Гэты жанр быў запатрабаваны пісьменнікам для праекцыі быццёвых пытанняў на будучыню, для гранічнага абвастрэння нюансаў ваеннага і пасляваеннага быцця, распрацоўкі пытанняў лёсу чалавецтва ў свеце, поўным атамнай зброі. У жанры антыўтопіі напісана апавесць А. Адамовіча «Апошняя пастараль» (1986). Літаратурная антыўтопія, у залежнасці ад тэмы разгляду, маркіруецца рознымі дэфініцыямі. «Апошняя пастараль» падпадае пад вызначэнне «мінус-утопія», ці «негатыўная утопія». Для абазначэння такіх твораў расійскім літаратуразнаўцам-амерыканістам А. Мулярчыкам было ўведзена паняцце «атамнай утопіі» [11]. Галоўная ідэя і пафас такіх твораў – прадухіленне новай сусветнай вайны і разрадка міжнароднай напружанасці. Па словах А. Адамовіча, «да гэтай жанравай формы могуць быць аднесены многія кнігі рознаацыянальных пісьменнікаў, якія яшчэ задоўга да Хірасімы перасцерагалі чалавецтва ад атамнай небяспекі, не кажучы ўжо пра другую палову XX стагоддзя, калі гэтая тэма надзвычай актыўна распрацоўвалася сусветнай мастацкай літаратурай і публіцыстыкай» [10]. У апавесці пісьменніка «Апошняя пастараль» створаны малюнак своеасаблівага апакаліпсісу. Чалавецтва папярэджаецца пра небяспеку новай сусветнай вайны. Тыпізаваныя персанажы апавесці – Мужчына і Жанчына, Ён і Яна – з'яўляюцца алюзіяй на біблейскіх Адама і Еву. У выніку негатыўнага ўплыву цывілізацыі на быццё чалавека людзі

выступаюць носьбітамі самазнішчэння. Такім чынам, наватарскай для кантэксту часу з'яўляецца ідэя трагічнага паказу неабдуманых чалавечых учынкаў, якія прыводзяць да раз'язвання новых ваенных дзеянняў. У «Апошняя пастараль» даследчыкі заўважылі і адносна нова для айчынай літаратуры матывы рабінзанады. Па словах А. Брадзіхінай, у кантэксце апавесці «маецца на ўвазе сітуацыя ізаляцыі чалавека ці групы людзей у тых ці іншых умовах; наяўнасць апазіцыі «чалавек – прырода»; праблема маральнага самавызначэння асобы» [12, с. 470]. У апавесці «Апошняя пастараль» супрацьпастаўляюцца апазіцыйныя паняцці «натура – цывілізацыя», прысутнічаюць тыповыя для рабінзанады праблемы: адчужанасць чалавека, але і немагчымасць яго жыцця без грамадства, пошукі свабоды.

Па словах М. Тычыны, «шмат чаго запамнілася Алесю Адамовічу, які ў час вайны быў у тым узросце, калі чалавек уважліва ўзіраецца не толькі ў самога сябе, але і ў навакольнае, як бы нанова пазнаючы і свет, і знаёмых людзей. Нешта запамнілася мацней, а нешта слабей» [13]. У апавесці А. Адамовіча «Венера, або Як я быў прыгоннікам» (1988 – 1992) таксама шмат аўтабіяграфічнага матэрыялу. Асабістыя ўражанні, спалучаныя з дакументалізмам, спрыяюць аб'ектыўнаму адлюстраванню рэчаіснасці. Па словах Д. Бугаёва, «гэта твор мастацкі, але з моцна выяўленым дакументальна-публіцыстычным і асабістым пачаткам, а таксама з элементамі прамой, адкрытай аўтабіяграфічнасці» [14, с. 109]. Спведзь безыменнага героя раскрывае быццё Венеры Станкевіч. Праз паказ жыцця асобнага чалавека асэнсоўваецца трагедыя беларускай нацыі. Апавесць з'яўляецца твора-пакаяннем, адлюстроўвае працэс «разліку з мінулым». Д. Бугаёў адзначае: «Цяпер жа відавочна, што і яна належыць да найлепшых Адамовічавых кніг» [14, с. 108]. У апавесці праз персаніфікацыю пакутлівага лёсу вясковай жанчыны – Венеры Антонаўны Станкевіч з вёскі В'юнiшчы – паказваецца ваеннае быццё, жыццё пад акупацыяй, паваяенная каласная рэчаіснасць. Праз успрымання адной з вясковых калгасніц А. Адамовіч аб'ектыўна ўзнавіў лагерны побыт і нечалавечыя ўмовы жыцця жанчын: «Костачкі аж шэранню пакрываліся, адагрэцца няма дзе, баракі прасвітвае ветрам, снегам. <...> І калгас нам раем падасца. Для гэтага і зроблена было так» [15, с. 66]. У творы «Vixi» («Пражыта», 1993) пісьменнік тлумачыць псіхалогію галоўнай гераіні

Паліны з аповесці «Нямко» (1993): «У «Нямку» сваёй герайні аддаў тое, што я сам тварыў і што са мною тварылася» [16, с. 344]. Аповесць «Нямко» А. Адамовіч прысвяціў памяці брата. Гэта нявыдуманая гісторыя з эпіграфам «Я цябе абараню», напісаным на нямецкай мове. Твор мае пралог, які датуецца 1992 г. і змяшчае аўтарскае тлумачэнне звароту да тэмы вайны. Ваенная тэматыка звязана з сучаснасцю і адлюстроўвае высвятленне «нацыянальных, кланавых і палітычных прэтэнзіяў адно да аднаго» [16, с. 193]. Увядзенне варварызмаў з нямецкай мовы ў тэкст аповесці «Нямко» адначасова стварае гістарычны кантэкст і бытавую сітуацыю: «Зараз Паліна малачка свежага прыняе, а вы трошкі шпацырэн. Будзе апетыт гут» [16, с. 203]. Наватарскім з'яўляецца адлюстраванне А. Адамовічам актуальнай праблемы шавінізму. Письменнік даводзіў слушную думку пра тое, што «шавінізм «малога» народа такі ж агідны, як і любы іншы, што імперскія замашкі ў дачыненні да ўласных «меншасцяў» падрываюць і твае правы на самастойнасць» [16, с. 194]. Паводле аповесці ў Расіі ў 2006 г. на беларускай, рускай і нямецкай мовах зняты кінафільм «Франц + Паліна». Аповесць «Vixi» напісана ў жанры мастацкай аўтабіяграфіі. Твор А. Адамовіча з'яўляецца скончаным раздзелам незавершанай кнігі, своеасаблівым вынікам пражытага жыцця, пераасэнсаваннем і аналізам працяглага адрэзку гістарычнага часу. Структура недапісанай аповесці «Vixi» неаднародная. У ёй відавочны сінтэз розных жанраў – мемуарнай літаратуры, навель, прытчы. А. Бярозка адзначаў: «Назву выніковага твора – «Vixi» – аўтару навеяла думка, запазычаная ў вядомых філосафаў смерці – Сенека, Плутарха, М. Манцэня. У апошні год жыцця «Вопыты» французскага мыслера сталі настольнай кнігай А. Адамовіча, пры дапамозе якой ён імкнуўся выпрацаваць у сябе правільныя адносіны да жыцця» [17, с. 195].

Заклучэнне

Па словах Д. Бугаёва, проза 1980–2000-х гг. «асабліва хораша высвечвае неспакойную душу Алеся Адамовіча, якому балелі ўсе болі беларусаў (і чалавецтва таксама!) як свае ўласныя, пераканальна сведчыць пра ягоную сумленнасць ва ўсім» [14, с. 130]. А. Адамовіч пайшоў шляхам узбуйнення і абнаўлення жанравых форм у асэнсаванні праблем вайны і міру. Пасля творчага вопыту ў галіне рэалістычнай і дакументальна-мастацкай прозы беларускі письменнік звярнуўся да жанру аповесці-антыўтопіі, аўта-

біяграфічнай прозы, дзе выказаў свае ідэі максімальна абагульнена.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Бельскі, А.* Ідэя праўдашукальніцтва ў творчасці А. Адамовіча: традыцыйнае і наватарскае [Электронны рэсурс] / А. Бельскі // Elib.bsu.by. – 2015. – Рэжым доступу: <https://docviewer.yandex.by>. – Дата доступу: 02.09.2021.

2. *Сінькова, Л. Д.* Беларуская «звышлітаратура»: літаратуразнаўчыя і літ.-крыт. артыкулы / Л. Д. Сінькова. – Мінск: Кнігазбор, 2019. – 224 с.

3. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, АДДЗ-не гуманітарн. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы; рэд.кал.: У. В. Гніламёдаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 1999–2015. – Т. 4, кн. 1: 1966–1985. – 2004. – 928 с.

4. *Лейдерман, Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. / Н. Лейдерман, М. Липовецкий. – М.: Академия, 2003. – Т. 1: 1953–1968. – 413 с.

5. *Бугаёў, Д. Я.* Яго сэрца балела за ўсіх пакутнікоў: аповесць «Карнікі» Алеся Адамовіча / Д. Я. Бугаёў // Род. слова. – 2008. – № 6. – С. 26–29.

6. *Лаўрыновіч, І.* Філасофскі змест аповесці А. Адамовіча «Карнікі» / І. Лаўрыновіч // Слова ў мове, маўленні, тэксце: зб. навук. пр. маладых вучоных-філосафаў / Брэст. дзярж. ун-т; рэд.кал.: Н.Р. Якубук (старш.) [і інш.]. – Брэст, 2011. – Вып. 3. – С. 46–48.

7. *Шпрингман, Д.* Проблема моральнага выбора і судыбы в повести А. Адамовіча «Каратели» / Д. Шпрингман // Studia Wschodnioslowianskie. Т. 1 / Uniw. w Białymstoku; red.-nac.: Н. Twaranowicz. – Białystok, 2001. – С. 47–60.

8. *Прохорова, С. М.* А. Адамовіч «Каратели»: традиции и новаторство / С. М. Прохорова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. – 1990. – № 2. – С. 9–15.

9. *Адамовіч, А.* Каратели [Электронны рэсурс] / А. Адамовіч // Электронная бібліятэка Iknigi.net. – 2019. – Рэжым доступу: <https://iknigi.net/avtor-ales-adamovich/29546-karateli-ales-adamovich/read/page-16.html>. – Дата доступу: 02.09.2021.

10. *Адамовіч, А.* Последняя пастораль [Электронны рэсурс] / А. Адамовіч // Электронная бібліятэка RoyalLib.com. – 2019. – Рэжым доступу: <https://royallib.com/book/adamovich-ales-poslednyaya-pastoral.html>. – Дата доступу: 02.09.2021.

11. *Мулярчык, А.* Американская литература и общественно-политическая борьба: 60-е – начало 70-х годов XX века / А. Мулярчык. – М.: Наука, 1977. – 235 с.

12. *Брадзіхіна, А.* Спосабы рэалізацыі сюжэтнай мадэлі рабінзанады ў беларускай літаратурнай прасторы / А. Брадзіхіна. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – 473 с.

13. *Тычына, М.* Аб мінулым дзеля будучыні [Электронны рэсурс] / М. Тычына // Хатынская аповесць. – 2012. – Рэжым доступу: <http://mreadz.com/read-287539/p2>. – Дата доступу: 02.09.2021.

14. *Бугаёў, Д. Я.* Справядальнае слова. Літаратура, крытыка, успамін / Д. Я. Бугаёў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2001. – 325 с.

15. *Адамовіч, А.* Венера, или Как я был крепостником / А. Адамович // Нёман. – 1992. – № 6. – С. 23–71.

16. *Адамовіч, А.* Выбраныя творы / А. Адамовіч. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 608 с.

17. *Березко, А.* «Vixi» Алеся Адамовіча: ісповедзь на пороге События / А. Адамовіч // Нёман. – 2016. – № 9. – С. 193–207.

Bagaradava T. R. FORMS OF MILITARY CONTEXT REPRESENTATION IN A. ADAMOVICH'S NOVELS OF THE 1980–1990s

The article reveals the specifics of the reflection of the military theme in the artistic heritage of A. Adamovich in the period of the 1980–1990s, represented through a variety of artistic forms. The theme of the Great Patriotic War is truthfully interpreted in the work of the writer, whose fate was directly connected with military events, and his own experience is recreated as accurately as possible in his work. The interpretation of the military context is characterized by the reflection of military fate by the evolution of the enlargement of genre forms through the maximum generalization of ideas.

Keywords: military novel, intellectualization, philosophy, humanism, documentalism, journalism, «stream of consciousness», dystopian novel, autobiography.

Паступіў у рэдакцыю 17.12.2021 г.
Кантакты: bogoradova1974@yandex.ru
(Багарадава Таццяна Робертаўна)

УДК 811'42:070:004.77:616-036.21

ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА COVID-19 (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-СТАТЕЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ТЕМАТИКИ)

О. Н. Чалова

кандидат филологических наук, доцент

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

В статье выявляются основные стратегии и тактики медийного дискурса Covid-19. Выясняется, что тактико-стратегическая составляющая изучаемого дискурса зависит от его типа (статистический дискурс, селебрити-дискурс, социально ориентированный и научно-популярный дискурс). Так, если статистический дискурс, селебрити-дискурс и научно-популярный дискурс характеризуются довольно скромным набором тактик, реализующих их основные стратегии, то диапазон тактических приемов социально ориентированного дискурса Covid-19 оказывается намного шире (тактики шокирования, иллюстрирования, апелляции, порицания, наказания, поощрения, приглашения, рекомендации и уникализации), что обусловлено спецификой той стратегии, которую они репрезентируют – стратегии убеждения.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, медийный дискурс, новостной дискурс, речевая стратегия, речевая тактика.

Введение

Как только в той или иной сфере человеческой деятельности появляется новая форма общения, она незамедлительно становится объектом лингвистического анализа. Так, в фокусе внимания современных лингвистов можно обнаружить такие виды коммуникации, как общение в формате видеоконференций, блоггинг-дискурс, дискурс грантовой деятельности, бьюти-дискурс и т. д. [1, 2, 3, 4, 5].

При таком устойчивом лингвистическом интересе к инновационным речевым жанрам парадоксальным кажется тот факт, что из поля зрения специалистов выпадает весьма востребованный сегодня тип дискурса – **дискурс Covid-19**, под которым в рамках настоящей статьи понимается любое общение коронавирусной тематики (как бытовое, так и официальное). Вероятно, такое «упущение» лингвистов объясняется абсолютной новизной данного коммуникативного и социального феномена, его относительно недавним появлением.

При этом изучать дискурс Covid-19, его устройство и аспекты функционирования очень важно, поскольку исследование лингво-прагматической стороны «коронавирусного» общения могло бы помочь вскрыть механизмы порождения суггестивного, информационного и развлекательного дискурса, внести вклад в развитие теории персуазивной коммуникации и разработать перечень рекомендаций по укреплению и преумножению воздействующего потенциала различных типов речи на адресата.

Вышесказанное обуславливает актуальность нашего исследования, **целью** которого является определение и характеристика тактико-стратегической структуры дискурса Covid-19. **Объектом** же анализа выступает такая разновидность дискурса Covid-19, как новостные интернет-статьи о коронавирусе. Смещение фокуса нашего внимания на новостные публикации обусловлено их высокой популярностью среди населения, разносторонностью и многоплановостью, регулярностью выхода и размещения в новостных лентах различных поисковых систем и социальных сетей, открытым доступом, большими воздействующими возможностями и проч.

Основная часть

По нашим наблюдениям, все статьи коронавирусной тематики, публикующиеся в качестве официальных новостей на различных интернет-порталах, можно условно разделить на **четыре основных типа**, каждый из которых характеризуется специфическим набором речевых стратегий и тактик: **статистический** дискурс, **селебрити-дискурс**, **социально ориентированный** дискурс и **научно-популярный** дискурс. Ниже рассмотрим тактико-стратегическую организацию каждого из них подробнее.

Статистический дискурс Covid-19 представляет собой сообщения о случаях заражения, регистрации заболевших, количестве выздоровевших, то есть, по сути, носит

учетный характер и имеет основной целью **оперативное** информирование населения о текущей ситуации в связи с коронавирусом: *За прошедшие сутки в России зарегистрировали 25 140 случаев заражения коронавирусом, это на 0,43% больше, чем накануне (25 033), сообщил оперативный штаб по борьбе с COVID-19. Общее число заразившихся достигло 5 808 473.* Ведущей коммуникативной стратегией (основной линией речевого поведения, ориентированной на достижение конкретной цели общения) подобных новостных интернет-статей является **оперативно-информативная** (незамедлительная и емкая передача информации), которая в изучаемом типе дискурса может реализовываться, как это видно из примера выше, посредством таких тактик, как **генерализация/обобщение** информации (абстрагирование от конкретных, частных случаев заражения и предоставление суммарной информации), **речевой экономии** (языковой и стилистической компрессии текста, проявляющейся в устранении избыточных лингвистических элементов: синонимов, эпитетов, метафор и т. д.), а также противоположной им по направленности тактики **детализации** данных (подкрепление количественными данными, четкое указание на дату и страну/город, к которым относятся сообщаемые количественные сведения и проч.), **апелляции к авторитетному лицу** (ссылки на специалистов).

Селебрити-дискурс содержит сообщения о госпитализации, выздоровлении, состоянии здоровья популярных людей на фоне коронавируса: *У поп-дивы диагностировали двустороннюю пневмонию. Поражение легких Марины достигло 80%, ее ввели в искусственную кому, подключили к аппарату ИВЛ, а затем – к ЭКМО (экстракорпоральная мембранная оксигенация). В минувшие выходные директор певицы Маргарита Соколова сообщила, что ее подопечная почувствовала себя лучше.*

На первый взгляд, может показаться, что селебрити-дискурс похож на статистический дискурс, поскольку также нацелен на оперативную передачу определенной информации (пусть и не в предельно обобщенном виде, а детализированном – о частном и единичном случае). В действительности же задачи и характер этих двух типов текста резко отличаются. Если статистический дискурс ориентирован на максимально объективную и беспристрастную передачу проверенных сведений, то селебрити-дискурс субъективен по своей природе. Эта субъективность мо-

жет проявляться в ссылках на недостоверные источники (*Ранее в Сети появилась информация, что у Максим ухудшилось состояние. Она сейчас находится в медикаментозном сне, подключена к ИВЛ и ЭКМО*), — **рассказала подруга артистки «КП»**), а также в способности селебрити-дискурса вызывать ажиотаж, шок, потрясение. Таким образом, основной стратегией селебрити-дискурса, на наш взгляд, стоит признать **сенсационную стратегию превращения трагедии в шоу** (сенсационность – «неожиданность определенной информации и порождаемый ею эмоциональный аффект» [6, с. 169]), реализующуюся посредством нескольких тактик, которые описываются ниже.

Тактика шокирования – предъявление информации, способной поразить и взволновать; шокированный новостью читатель готов как минимум дочитать статью до конца и, таким образом, гарантировать более высокие рейтинги периодическому изданию, помочь ей занять приоритетное место в новостной ленте (*В результате в больницу Алферова поступила в тяжелом состоянии*); как правило, сенсационный компонент обнаруживается еще в заголовке новостной статьи (*«Сальма Хайек едва не умерла от коронавируса»*).

Путем подробного описания плохого состояния известного лица, его последних моментов активной жизни журналист заставляет читателей сопереживать больному. Пособием такого приема реализуется, на наш взгляд, сразу несколько тактик сенсационной стратегии: **тактика интимизации** и **тактика побуждения к сочувствию**: *«Обследование показало, что в ее легких сильнейший гнойно-воспалительный процесс. Судя по всему, начался сепсис. Врачи делают все возможное, чтобы облегчить ее состояние», — пояснила девушка. Поклонники знаменитой певицы Максим просят Господа, чтобы он сжалился над девушкой и помог ей вылечиться от коронавируса. Артистка уже несколько недель не выходит на связь, а последнее фото, которое было опубликовано в ее Instagram, – это результат ПЦР-теста на коронавирус.*

Тактика создания определенного образа больного предполагает героизацию артиста на фоне его болезни коронавирусом (*«Правда одна, она борется с болезнью. И надежда есть, и есть подвижки позитивные», – заключила представительница артистки*). Создание же образа примерного семьянина, успешного профессионала и прочее заставляет читателя

сопереживать артисту еще больше (*Исполнительница хита «Знаешь ли ты» оказалась под наблюдением врачей в первой половине июня. Однако после этого самочувствие мамы двоих детей ухудшилось*).

Реализация **тактики драматизации событий** (усиления психологического напряжения), происходящая, например, в форме сравнения рассматриваемого случая с другим, но печально известным, позволяет осознать ужас трагедии в еще более полной мере: *Аналогичный диагноз был и у 38-летней Юлии Началовой. В 2019 году у исполнительницы хита «Герой не моего романа» началась гангрена, которая перетекла в сепсис*.

Тактика солидаризации (общности проблем) обусловлена тем специфическим эффектом, который производят новостные сообщения о состоянии здоровья публичных людей на почве коронавируса. Такие сообщения почти всегда показывают, что болезнь не щадит никого и что артист – это обычный человек со своими слабостями, ничем не отличающийся от немедийных персон (см. примеры выше).

Несмотря на отсутствие в селебрити-дискурсе экспрессивной лексики и синтаксиса, он имеет ярко выраженную субъективно-оценочную природу, носит преувеличенно-эмоциональный характер, что, как выяснилось ранее, достигается благодаря специфической организации информации и манипулированию фактами. В этом смысле селебрити-дискурс, в котором событие подается как шоу, кардинально отличается от рассмотренного ранее статистического дискурса.

Социально ориентированный дискурс содержит сообщения об ограничительных мерах, принимаемых в условиях пандемии, о введении локдаунов, о важности вакцинации, социального дистанцирования и использования защитных средств в условиях распространяющейся коронавирусной инфекции. Другими словами, целью такого типа статей является побуждение граждан к соблюдению мер безопасности. В связи с этим ведущей стратегией социально ориентированного дискурса следует признать **стратегию убеждения**, которая актуализируется в ряде тактик, большинство из которых апеллируют к чувству страха перед тяжелой болезнью и/или смертью:

- **шокирование статистикой** – приведение большого количества статистических данных, впечатляющих цифр, демонстрирующих

сложность эпидемиологической обстановки или показывающих вполне вероятные трудности, с которыми можно столкнуться в профессиональной или любой другой сфере в случае несоблюдения антикоронавирусных рекомендаций (*Выживает 1 из 10! или Каждому девятому искавшему работу россиянину отказали из-за прививки*);

- **тактика «ставка на негативное развитие событий»** – констатация неизбежности печального развития событий в случае отказа от соблюдения противовирусных мер (*Ранее случай двойного заражения зафиксировали в Бельгии. Там женщина заразилась «альфа-» (британский) и «бета-» (южноафриканский) штаммами вируса. Она скончалась в марте в возрасте 90 лет. Вакцинацию от COVID-19 она не проходила*);

- **тактика открытого призыва (прямой рекомендации) к соблюдению мер предосторожности (уговаривания)**: *Жителям Москвы, которые намерены сделать прививку от COVID-19, не стоит откладывать вакцинацию на потом, дожидаясь окончания жаркой погоды. Рекомендации в этом случае ничем не отличаются от тех, что обычно даются при жаре, сообщил в интервью ТАСС главный внештатный специалист по первичной медико-санитарной помощи взрослому населению Департамента здравоохранения Москвы Андрей Тяжельников*;

- **апелляция к здравому смыслу (пояснения/обоснования необходимости использования защитных средств, введение локдаунов и т. д.)**: *В мире начинается третья волна пандемии коронавируса, заявил глава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Аданом Гебрейесус. Он пояснил, что после прошлого всплеска заболеваемости COVID-19 в мире усилия Европы и Северной Америки по вакцинации своих граждан начали приносить результаты и случаи заболевания и смертность стали снижаться*;

- **иллюстративная тактика** – приведение примеров из жизни, показывающих всю опасность и серьезность болезни (*Светлане Сироткиной столкнуться с ковидом пришлось лично, и это чуть не стоило ей жизни*), сочетающихся с приемами эскалации проблемы и драматизации (*В один миг жизнь Светланы разделалась на до и после. Когда стало совсем плохо, девушка решила проститься с близкими*) и, таким образом, косвенно побуждающих адресата к соблюдению санитарных ограничений;

- **тактика порицання** – пряма или косвенная критика граждан, безосновательно отказывающихся от соблюдения санитарных норм (*Привычка носить одну и ту же маску долгое время и нежелание закрывать ей нос давно превратились в мем*);

- **тактика апелляции к эксперту** – указание на авторитетное лицо, подтверждающее всю серьезность эпидемиологической ситуации; манифестируется данная тактика с помощью прямых и косвенных цитат, а также ссылок на специалистов и других уполномоченных лиц (*В пользу ограничений для невакцинированных говорит «сама логика развития ситуации с пандемией», сказал Песков*);

- **тактика уникализации** – подчеркивание исключительной роли мер предосторожности и защитных средств в стабилизации обстановки и защите от катастрофических последствий; в ряде случаев проявляется в широком употреблении слов с ограничительной семантикой (*Сейчас это единственный способ сохранить жизнь и здоровье*);

- **тактика солидаризации** – ссылка на то, что коронавирус не пощадит никого и так или иначе затронет каждого: *Вряд ли сегодня найдется хоть один человек, которого так или иначе не коснулась бы пандемия коронавируса. Болеют наши знакомые, коллеги, близкие друзья и члены семьи*;

- **тактика персонификации**: наделение инфекции и соответствующего заболевания негативными человеческими качествами: *Эта инфекция очень противная, подлая изначально, а сейчас еще подлее, которая вызывает постковидный синдром. Он длится от двух месяцев до полугода, когда нарушается работа внутренних органов, когда отсроченные летальные исходы происходят и мы их можем видеть по избыточной смертности. Будет официальная статистика, которая регистрируется в ЗАГСах*;

- **тактика приглашения (демонстрации заботы о населении)**: *В Москве можно бесплатно сделать прививку от коронавирусной инфекции по предварительной записи в одном из центров вакцинации на базе поликлиник, а также без записи в павильонах «Здоровая Москва» или точках работы выездных бригад в популярных общественных местах, в том числе в крупнейшем пункте в Гостином Дворе. Для жителей столицы старше 60 лет также действует поощрительная акция «Миллион призов»; Косвенно: «Евросоюз сдержал свое слово. В эти выходные мы доставили доста-*

точно вакцин странам-членам, чтобы в этом месяце полностью вакцинировать не менее 70% взрослого населения ЕС», — сказала она.

- **тактика поощрения**: *Вечером 14 июля состоится розыгрыш автомобилей среди москвичей, сделавших прививку против COVID-19. Победителей выберут из числа тех, кто получил первый компонент вакцины на прошлой неделе. Прямая трансляция розыгрыша состоится на телеканале «Москва 24»;*

- **тактика наказания**: указание на неизбежность расплаты за любые действия, препятствующие борьбе с коронавирусом: *«После вмешательства Басманной межрайонной прокуратуры возбуждено уголовное дело по факту предоставления подложных сертификатов о вакцинации от коронавируса на портал госуслуг по ч. 5 ст. 327 (“Использование заведомо подложного документа”)*», — сказала она;

- **тактика предупреждения**: предупреждающий дискурс нацелен на уведомление об опасности какого-либо события в коронавирусном контексте (*«В настоящий момент вакцинировано 48,6% совершеннолетних граждан», — заявила премьер, отметив, что иммунизация в последние недели идет «тяжело и медленно». «Я боюсь следующей волны пандемии», — подчеркнула премьер, призвав граждан активнее прививаться*).

Таким образом, все тактики, репрезентирующие стратегию убеждения (в использовании средств защиты от коронавируса), ориентированы, главным образом, на представление ситуации в трагическом свете в случае отказа от превентивных мер.

Стоит отметить, что в рассмотренных выше примерах речь шла о дискурсе, ссылающемся на необходимость нести индивидуальную ответственность за свое здоровье и здоровье других людей. Однако к социально ориентированному дискурсу однозначно относится и дискурс, констатирующий и обосновывающий введение коллективных средств защиты, — сообщения о введении локдаунов, разведении транспортных потоков и других способах сдержать или замедлить распространение вируса, закрытии сервис-центров и проч. (*Первый регион России ограничил работу транспорта из-за новой волны COVID. Кроме того, власти Тувы решили прекратить регистрацию браков и запретить кафе и ресторанам обслуживать клиентов в помещениях — после вступления поправок в силу обцепит сможет работать только на вынос и с доставкой*).

Если социально ориентированный дискурс, поднимающий вопрос об индивидуальной ответственности граждан, носит рекомендательный характер, то, дискурс о массовых мерах защиты – констатирующий.

Как известно целью любого научно-популярного дискурса (в том числе, и «коронавирусного») является популяризация объективного знания, а его ведущей стратегией стоит признать **стратегию просвещения**.

Научно-популярный дискурс коронавирусной тематики обычно представлен интернет-статьями об эволюции, истории возникновения, штаммах коронавируса, возможных проявлениях (симптомах) болезни, влиянии коронавируса на организмы людей разных возрастов и под.: *Антиген-презентирующая клетка запускает две части иммунитета. Клеточный иммунитет и его основное действующее звено – это так называемые Т-лимфоциты – убийцы. Они узнают клетку, в которой сидит вирус, и ее убивают вместе с вирусом, но и клетку не жалко в данном случае.* Очевидно, что в научно-популярных публикациях активно используются термины, однако форма подачи материала является упрощенной по сравнению с научными текстами.

Упомянутая выше стратегия просвещения представлена в научно-популярном дискурсе вполне прогнозируемым и стандартным набором тактик наподобие **разъяснительной/пояснительной тактики** (*Врачи связывают состояние [головную боль] с интоксикацией организма вирусами, вызывающей спазм сосудов головного мозга.*), **тактики аргументирования/рассуждения/причинно-следственной тактики** (*Следовательно, при индийском штамме коронавируса риск госпитализации примерно в два раза выше по сравнению с британским.*), **дефинирования/определения** (*Вирус состоит из генетического материала в виде ДНК или РНК и защищающей их белковой оболочки*), **тактики апеллирования к авторитетному мнению**, ссылки на проверенные данные/исследование/эксперта (*Новое исследование провели в кампусе Университета Среднего Запада в штате Иллиной. В нем приняли участие 12 960 студентов. По возвращении в университетский городок в августе они проходили тестирование на COVID-19. В результате было выявлено 1556 подтвержденных случаев, в том числе пресимптоматических и бессимптомных.*), **рекомендательной тактики** (*Когда возникают сомнения, лучше свести к минимуму социаль-*

ные контакты и обратиться к врачу) и некоторых других.

Как видно, прагматика научно-популярного дискурса сильно отличается от прагматического потенциала рассмотренных ранее разновидностей дискурса Covid-19.

Главное же отличие научно-популярного дискурса от социально ориентированного заключается в отсутствии неприкрытого воздействия на адресата, а также прямых, наступательных, напористых и императивных способов изменить поведение реципиента. Научно-популярный дискурс, наоборот, оставляет за читателем право принимать решения самостоятельно.

Основное отличие научно-популярного дискурса Covid-19 от статистического состоит не только в характере передаваемой информации, но и в форме: беспристрастная и ровная подача информации, характерная для научной речи, в противовес оперативной и максимальной концентрированной передаче данных статистического дискурса, который фактически представляет собой сообщения с пометкой «молния» (*Covid-19: последние новости* или *За сутки ковид выявили в двух городах и пятинадцати районах*), в то время как научно-популярные статьи еще не скоро утратят свою актуальность.

По сути, коронавирусный дискурс, представленный в новостных лентах современных интернет-площадок, ограничивается указанной выше тематикой.

Заключение

В заключение стоит отметить, что, несмотря на специфические стратегии и тактики каждого из описанных видов «коронавирусного» дискурса (статистического, социально ориентированного, научно-популярного и селебрити-дискурса), конечной прагматической целью каждого из них можно считать повышение рейтинга статьи, ее автора, а также новостного агентства, которое он представляет, что возможно благодаря привлечению и удержанию внимания читательской аудитории, побуждению адресата оформить подписку на соответствующее интернет-издание и провести на соответствующем интернет-ресурсе как можно больше времени.

Таким образом, дискурс Covid-19 направлен не только на оперативное предоставление информации (статистический дискурс), развлечение и шокирование аудитории (селебрити-дискурс), убеждение адресата в совер-

шении определенных действий (социально ориентированный дискурс) и просвещение аудитории (научно-популярный дискурс), но и на победу в конкурентной борьбе за читателя с другими интернет-изданиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бойко, А. В.** Санкционный дискурс как формат политического дискурса / А. В. Бойко // Studium Juvenis : межвуз. сб. трудов молодых ученых / Н. Н. Кошарова (отв. ред.). – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=44049911>. – Дата доступа : 11.02.2022.
2. **Киттлер, Ф.** Оптические медиа: Берлинские лекции / Ф. Киттлер. – М. : Логос; Гнозис, 2009. – 271 с.
3. **Кочкин, М. Ю.** Политический скандал как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Ю. Кочкин ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2003. – 17 с.
4. **Оломская, Н. Н.** К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 250–259.
5. **Олянич, А. В.** Лингвосомиотика театральности в англоязычном политическом общении: монография / А. В. Олянич, А. А. Распаев. – Волгоград : ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2015. – 212 с.
6. **Халгаева, Д. Д.** Светская хроника как жанр женских электронных журналов (на мате-

риале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. Д. Халгаева. – Волгоград, 2015. – 200 л.

Поступила в редакцию 28.02.2022 г.
Контакты: oksana-chalova@mail.ru
(Чалова Оксана Николаевна)

Chalova O. N. STRATEGIC AND TACTIC ORGANIZATION OF THE COVID-19 DISCOURSE (BASED ON NEWS INTERNET ARTICLES ABOUT CORONAVIRUS)

The main strategies and tactics of the COVID-19 media discourse have been identified. The article shows the dependence of the tactical and strategic structure of the discourse under study on its type (statistical discourse, celebrity discourse, socially oriented and popular science discourse). Thus, while statistical discourse, celebrity discourse and popular science discourse are characterized by a rather limited set of tactics that implement the main strategies of these types of discourse, the range of tactics of the socially oriented COVID-19 discourse turns out to be much wider (tactics of shocking, illustrating, appealing, censoring, punishing, encouraging, inviting, recommending, forecasting, personification, solidarization and unicalization), which is due to the specifics of the strategy that they represent – the strategy of persuasion.

Keywords: discourse, institutional discourse, media discourse, news discourse, speech strategy, speech tactics.

УДК: 811.111'37(045)

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ ПРЕДЛОГОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А. О. Жукова

аспирант

Минский государственный лингвистический университет

В статье освещаются проблемы исследования предлогов, требующие дальнейшего анализа. К этим проблемам относятся вопросы разграничения предложных значений, описания семантической структуры предлогов, механизмов образования новых предложных значений и видов связи между ними. Намечаются некоторые пути решения перечисленных проблем.

Ключевые слова: предлог, многозначность, семантическая структура, значение, английский язык.

Введение

Изучению семантики предлогов и особенностей их функционирования посвящены многие труды. На разных этапах исследований предлоги рассматривались с разных точек зрения: лингвисты обращались к их количеству, функциям, частеречной принадлежности. Полисемия предлогов также анализировалась в целом ряде работ (О.Н. Селиверстова, Т.Н. Маляр, И.С. Бороздина, И.В. Барина, О.В. Волгина, Ю.Р. Юсупова, А. Герсковитс, Д. Беннет, А. Ченки, С. Линдстомберг и др.). Предлоги изучались на материале как одного языка, так и нескольких. К числу наиболее исследуемых относятся предлоги английского языка, которые рассматривались в трудах зарубежных и российских лингвистов (Б.Н. Аксененко, И.В. Барина, И.С. Бороздина, Т.Н. Маляр, Е.А. Рейман, Д. Беннет, А. Герсковитс, Р. Квирк, К. Ковентри и др.). Проведенные исследования позволили расширить представление о месте и роли предлогов в системе языка, а также обозначить новые проблемы, требующие решения. Открытыми остаются вопросы о количестве предложных значений и их разграничении и видах и характере связи между этими значениями. В данной статье анализируются результаты исследований предложной полисемии, а именно: подходы к решению вопросов о лексическом значении предлогов, описании их семантической структуры, механизмах образования новых предложных значений и видах связи между этими значениями.

Основная часть

До второй половины XX в. служебные слова в целом и предлоги в частности исключались из исследований, посвященных полисемии языкового знака. Считалось, что лексическое значение присуще только самостоятельным частям речи. Данная точка зрения оспаривалась в 60–70-е гг. XX в. В.В. Виноградовым, Е.Т. Черкасовой, Р.П. Рогожниковой и др. (см. [1; 2; 3]). Как отмечает И.В. Барина, «в настоящее время вопрос о наличии или отсутствии лексического значения у предлогов и других «служебных» частей речи не ставится: проведены многие исследования, результаты которых убедительно доказали, что значения предлогов не являются «опустошенными» – в их основе лежат сложные концепты» [4, с. 6]. О. Л. Мальцева подчеркивает, что предлоги являются полноправными единицами языка с собственным лексическим значением, так как испытывают влияние тех лексико-грамматических процессов, которые свойственны знаменательным частям речи, в частности, вступают в синонимические и антонимические отношения и обладают многозначностью [5, с. 7].

Несмотря на то что многозначность предлогов отмечается во всех грамматиках и словарях, к анализу полисемии предлогов лингвисты стали подходить относительно недавно. Результаты их исследований показывают, что предлоги являются не только одним из самых употребительных, но и одним из самых многозначных классов слов. Так, на примере русского языка в работе А.И. Ольховской «Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии» проведен анализ 1193 словарных статей (5615 лексико-семантических вариантов) «Русского универсального словаря». Целью анализа было выявление количественного потенциала семантических структур многозначных слов на фоне их языковых свойств (частеречная принадлежность, лексико-грамматическая характеристика, длина и словообразовательная ценность). В результате анализа установлено, что индекс многозначности предлогов – 6.27, приближается к индексу

многозначности глагольной лексики – 6.82. Как отмечает автор предпринятого исследования, «факт высокой семантической производности структурных слов вполне объясним ввиду их малого количества и высокой употребительности в речи» [6].

Здесь необходимо отметить, что утверждение о малочисленности предлогов опровергается в ряде работ (Н.В. Всеволодова [7], Л.А. Тарасевич [8], Е.М. Пруссакова [9]). Рассматриваемый класс слов неоднороден в структурном и семантическом планах. В него входят первообразные (наиболее древние предлоги с немотивированной внутренней формой) и непервообразные (предлоги, появившиеся позже, с мотивированной внутренней формой), простые, сложные и составные предлоги. Данные предлоги образуют семантические группы (пространственные, темпоральные, модальные и т.п. предлоги) и подгруппы (например, пространственные предлоги подразделяются на топологические, димензиональные и дирекциональные (см. Л.А. Тарасевич [8])). Вероятно, вывод А.И. Ольховской о соотношении многозначности и частотности относится лишь к простым первообразным предлогам, которые в языке представлены ограниченным количеством единиц. Вопрос о том, насколько многозначность присуща другим группам и подгруппам предлогов, требует решения.

Если факт наличия нескольких значений у предлогов отмечается многими исследователями, то решение вопроса точного количества значений у одного и того же предлога сопряжено с рядом трудностей.

Во-первых, не существует четких критериев разграничения значений, что подтверждается в первую очередь разным количеством значений предлогов, фиксируемых в словарях. Так, Oxford Learner's Dictionary приводит 18 значений для предлога *in* [10], Longman Dictionary of Contemporary English выделяет для него 28 значений [11], Cambridge Advanced Learner's Dictionary 11 значений [12]. Одно и то же значение предлога в разных словарях может значиться как отдельное значение, как вид употребления, как подтип одного из значений [цит. по 13, с. 32].

Во-вторых, при описании спектра значений предлога последнему может приписываться значение связанного с ним существительного или глагола, что ведет к увеличению числа значений предлога (О.Л. Мальцева [13], Л.А. Тарасевич [8]). Кроме того, некоторые словари описывают значения предлогов через

значения синонимичных им предложных единиц, что не дает возможности дифференцировать их семантику. Например, в словарных статьях Oxford Learner's Dictionary одно из значений предлога *in* передается как *into something*; а *within – inside something/somebody* [10]. Longman Dictionary of Contemporary English описывает значения *inside* как *in or into a container, a building, an area etc* [11]. Стоит отметить, что в словарях и грамматиках зачастую приводятся не только синонимичные, но и антонимичные пары предлогов. Однако определение антонимичных пар предлогов также не является однозначным. Как подчеркивает С. Линднер, хотя «большинство говорящих по-английски считает само собой разумеющимся, что антонимом к *up* является *down*, а антонимом к *in – out...* такое понимание соотношений между *up, down, in* и *out* является сильным упрощением реального положения вещей» [14, с. 55]. По мнению автора, подобные соотношения должны выстраиваться не между предлогами как лексическими единицами, а между их отдельными значениями, как это наблюдается у знаменательных многозначных частей речи. Например, одно прилагательное может иметь антоним для каждого из своих отдельных значений (*smart* 'опрятный, модный, умный, быстрый, сильный' – *scruffy* 'неопрятный', *unfashionable* 'немодный', *stupid* 'глупый', *slow* 'медленный', *gentle* 'нежный').

Проблема неудовлетворительного толкования предложных значений в словарях и сложность их дифференциации свидетельствуют о недостаточной изученности предложной семантики. По замечанию И. С. Бороздиной, для изучения семантики предлогов проблемой является «тот факт, что в современных словарях толкование значений предлогов не дает полной и четкой информации об их семантике и употреблении» [15, с. 84].

Со второй половины XX в. сформировались различные подходы к описанию предложной семантики, в рамках которых предлагались различные модели. Основными из них являются композиционные модели; дескриптивистские модели; инвариантные модели и когнитивные модели. Остановимся на них подробнее.

Композиционные модели предлагались в рамках компонентного анализа семантической структуры предлогов. Семантика предлогов при таком подходе представляется в виде комбинации элементарных составляющих – сем. Одним из примеров таких работ является ма-

трица семантических признаков, предложенная Х.-В. Эромсом для немецких предлогов. Эта матрица включает 17 семантических признаков (например, «контакт», «длительность» и т.д.), которые, комбинируясь между собой, формируют значения предлогов [16, с. 150]. Данная модель, однако, не дает ответов на вопросы о том, можно ли объективно ограничить выделяемые признаки и каково их количество в целом, а также о том, какие механизмы лежат в образовании новых предложных значений.

Дескриптивистские модели, исходя из их названия, опираются на простое перечисление различных значений предлога (так называемое «списочное решение» [17, с. 302]) и не предполагают описания связей между этими значениями. Примером таких работ, по мнению А. Ченки, можно считать исследование К. Линдквиста, который в своих трудах о пространственных предлогах в английском языке описывает большое количество контекстов, сравнивая употребления разных предлогов в них [18, р. 4-5] (ср. О.Н. Селиверстова [19]). При использовании такого способа, однако, семантическая дифференциация синонимичных предлогов затруднена.

Инвариантные модели основываются на выделении одного значения предлога, от которого затем выводятся все остальные. Такой подход использовался многими авторами, называющими это одно значение прототипическим [20], общим [21], инвариантным [19], идеальным [22] или центральным [20]. Так, Е.А. Рейман в своем исследовании выделяет одно общее значение для каждого отдельного предлога и описывает оставшиеся значения через значения тех слов, с которыми данный предлог употребляется [20]. Полученные данные, однако, не дают возможности сделать вывод о собственном значении предлога независимо от употребляемых с ним слов. В труде А. Герсковитц выделяется идеальное значение каждого рассматриваемого предлога. Как отмечает исследователь, одного этого значения недостаточно для того, чтобы пояснить все употребления предлога. Идеальное значение подвергается определенным адаптационным сдвигам, характеризуется через геометрические дескриптивные функции и дополняется функциональными вариантами [22]. Отсюда следует, что такое идеальное значение должно быть и обобщенным, чтобы учитывать все случаи употребления предлога, и специфичным, чтобы отличать одну единицу от другой, что делает анализ предложной семантики слиш-

ком громоздким. Д. Беннет предлагает схему для описания как пространственных, так и временных значений ряда английских предлогов [23], формулируя при этом обобщенное значение в виде набора признаков. Сам исследователь, однако, признает, что многие выделенные признаки во многих случаях требуют дальнейшего толкования.

Когнитивные модели опираются на представление семантической структуры предлога в виде сети, задача которой показать связь всех значений многозначной единицы [24, с. 15]. Как пишет Л.М. Лещёва, «семантические связи значений полисеманта при этом трактуются как фреймовые или метафорические и метонимические концептуальные связи, базирующиеся на отношениях имидж-схем, первично сформированных в сознании человека на основе его индивидуального опыта наблюдения за работой собственного тела» [25, с. 10]. В имидж-схемах то или иное значение выдвигается на первый план, оставляя прочие за пределами поля зрения или на его периферии. В данном ключе Х. Кюкенс разработал семантическую структуру голландского предлога *in*. Часть пространства, профилируемая предлогом *in*, получает в работах название *активная зона*. Исследователь выделяет несколько признаков данной активной зоны и подчеркивает, что большинство из них являются взаимоисключающими [цит. по 26, с. 23–24].

Несмотря на многообразие подходов к описанию предложной семантики, следует отметить, что оно осуществлялось в большей степени на материале их ядерного состава – первообразных пространственных предлогов. Этот факт не является случайным. Пространственные отношения признаются базовыми, так как «пространство в качестве объекта когнитивной деятельности отдельного субъекта и социума в целом а priori является более доступным для его концептуализации» [27, с. 24]. Обозначение непространственных смыслов с помощью пространственных единиц языка интерпретируется как «результат переосмысления пространственных представлений, как освоение нефизических ситуаций с помощью предикатов физических ситуаций, как метафора семантических пространств» [28, с. 156]. Считается, что значения предлогов образуются посредством проецирования пространственного предложного значения. Однако, как отмечают В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина, «понятие пространственного прото-типа как единственный инструмент анализа

семантики предложения неудовлетворительно» [19, с. 118]. В пользу этого утверждения говорят результаты работ, в которых подчеркивается, что пространственное значение предлогов негомогенно (Л.А. Тарасевич [8], О.Л. Мальцева [5]). С учетом сложной организации пространственного значения предлогов возникает вопрос о том, все ли пространственные семы в одинаковой степени способны проецироваться на другие типы отношений.

До сих пор также остается неизученным, как связаны между собой пространственные и непространственные значения предлога. Известно, что с учетом отношений мотивированности/производности между отдельными значениями многозначного слова выделяются радиальная (параллельная), цепочечная (последовательная) и радиально-цепочечная (последовательно-параллельная) разновидности многозначности [6, с. 79–80]. Согласно одной из существующих в семантике гипотез, «многозначные слова, в их числе пространственные предлоги, имеют так называемую радиальную структуру, в центре которой находится прототип» [19, с. 116]. Наши исследования подтверждают этот вывод. Установлено, что значения многозначных пространственных предлогов английского языка, обозначающих отношение *включения*, организованы по принципу радиальной связи с центральным звеном – пространственным значением, отдельные компоненты которого, проецируясь на непространственные сферы, ведут к образованию новых значений [29, с. 47–48]. При этом характер организации семантики других подгрупп пространственных предлогов остается неизученным.

Негомогенность семантики постулируется и для темпорального значения предлогов. Как отмечает И. В. Барина, «в некоторых словарях выделяются не просто пространственные или временные значения, но и само временное значение оказывается не единым, а существует более одного значения, и каждое из них состоит из ряда компонентов» [4, с. 7]. Наше исследование семантической структуры предлога *in* доказывает утверждение И.В. Бариновой о неоднородности темпорального значения. У предлога *in* выделяется два варианта темпорального значения: темпоральное значение, образованное в результате проецирования семы *включение* (*I wish you all every possible success in the future* ‘Я желаю вам всяческих успехов в будущем’), и темпоральное значение, выводимое из семы + дирекционал

(*I'll be back in a second* ‘Я вернусь через секунду’) [29, с. 47]. Проецирование разных пространственных сем приводит к образованию разных темпоральных значений. Существуют ли закономерности в проецировании сем и образовании ими новых значений, еще предстоит выявить в дальнейших исследованиях.

Следует отметить, что при анализе предложной семантики именно пространственные предлоги в основном становятся объектом исследований (О.В. Анисимова, И.С. Бороздина, О.В. Волгина, Т.В. Гофман, Т.Н. Маляр, Л.А. Тарасевич, Т.Д. Шабанова, А. Герсковитс, А. Тайлер, К.Р. Ковентри и др.). Вопрос о том, присуща ли полисемия другим семантическим подгруппам предлогов, пока остается открытым. Отбор многозначных предлогов современного английского языка свидетельствует о том, что из 41 полисемантической предложной единицы 28 являются пространственными, 4 – непространственными и 9 – непространственными с пространственным происхождением. Изучение непространственных подгрупп предлогов позволило бы ответить на вопрос о возможности образования значений предлогов посредством проецирования сем непространственных значений.

Помимо изучения разных подгрупп предлогов, открытым остается и вопрос о механизмах образования предложных значений. Известно, что развитие новых лексических значений слова происходит на основе семантической деривации посредством метафорического или метонимического переноса значения. Метафорический перенос значения является самым распространенным видом связи между значениями в семантической структуре слова. По представлению Анны А. Зализняк, данный тип деривации – «одна из наиболее фундаментальных связей, формирующих семантическую структуру языковых единиц всех уровней» [30, с. 18], которая касается как значений полных слов, так и значений служебных слов и морфем (предлогов, приставок). Это подтверждается и исследованием Т. Н. Маляр, которая подчеркивает, что переносные значения рассмотренных ею предлогов основываются на метафоризации пространственных представлений [31]. Проведенное нами исследование многозначных пространственных предлогов английского языка, обозначающих отношения включения, демонстрирует, что значение предлога в некоторых случаях может быть обусловлено не метафорическим переносом, а идиоматизацией пред-

ложной конструкции с пространственным значением. Ряд употреблений предлогов, обозначающих отношения *включения*, не обнаруживает связи с пространственным значением [29, с. 47]. Из этого следует, что выявление связей между значениями предлогов также остается актуальной задачей для исследований.

Заключение

Несмотря на то что проблема предложной полисемии находит свое отражение в трудах многих лингвистов, ряд вопросов требует решения. В первую очередь это касается определения количества предложных значений и их дифференциации. Изучение не только пространственных, но и непространственных групп предлогов позволило бы ответить на вопрос о возможности образования предложных значений посредством проецирования сем непространственных значений, а также определить, существуют ли закономерности в проецировании сем. Вопросы о механизмах образования новых предложных значений и характере связи пространственных и непространственных значений предлогов также требуют разработки. Анализ значений многозначных предлогов английского языка, установление сем, входящих в их семантическую структуру, выявление связи между пространственными и непространственными значениями предлогов, определение характера этих связей позволит получить новые сведения о полисемии предлогов как служебного класса слов, находящегося на границе лексики и грамматики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грамматика русского языка : в 2 т. Т. 1 : Фонетика и морфология / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 721 с.
2. Черкасова, Е. Т. Переход однозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. – М. : Наука, 1967.
3. Рогожникова, Р. П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания : автореф. ... д-р филол. наук : 10.02.01 / Р. П. Рогожникова ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М., 1974. – 25 с.
4. Барина, И. В. Семантика предлогов, выражающих временные отношения, в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Барина ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1999. – 24 с.
5. Мальцева, О. Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Л. Мальцева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2004. – 18 с.
6. Ольховская, А. И. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии : монография / А. И. Ольховская. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 456 с.
7. Всеволодова, М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – 2-е изд., доп. – М., 2008. – 288 с.
8. Тарасевич, Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением : (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.
9. Пруссакова, Е. М. Система производных предлогов современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Е. М. Пруссакова ; Бишкек, 2002. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/sistema-proizvodnykh-predlogov-sovremennogo-russkogo-yazyka>. – Дата доступа : 24.09.2020.
10. Oxford Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access : 12.03.2020.
11. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ldoceonline.com>. – Date of access : 12.03.2020.
12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://dictionary.cambridge.org>. – Date of access : 12.03.2020.
13. Мальцева, О. Л. Семантический анализ предлогов с позиции формально-лингвистического подхода / О. Л. Мальцева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 30–34.
14. Линднер, С. То, что движется вверх (*up*), не обязательно может следовать вниз (*down*): сопоставление *in* и *out* / С. Линднер // Исследования по семантике предлогов : сб. ст. / отв. ред.: А. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М., 2000. – С. 55–82.
15. Бороздина, И. С. Вариативность исследовательских подходов к изучению предложной семантики: история вопроса / И. С. Бороздина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2009. – № 2 (10). – С. 83–92. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12041570>. – Дата доступа : 20.03.2020.
16. Eroms, H. W. Valenz, Kasus und Präpositionen / H. W. Eroms. – Heidelberg : Universitätsverl., 1981. – 390 S.
17. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е. В. Рахилина // Семантика и информатика. Вып. 36. – М., 1998. – С. 274–323.

18. *Cienki, A. J.* Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish and Russian / A. J. Cienki. – München : Sagner, 1989. – 172 p.
19. *Селиверстова, О. Н.* Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 960 с.
20. *Плунгян, В. А.* По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *pod* / В. А. Плунгян, Е. Е. Рахилина // Исследования по семантике предлогов : сб. ст. / отв. ред.: А. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М., 2000. – С. 115–133.
21. *Рейман, Е. А.* Английские предлоги: значения и функции / Е. А. Рейман ; под. ред. В. Н. Ярцевой. – Л. : Наука, 1982. – 241 с.
22. *Herskovits, A.* Semantics and pragmatics of spatial prepositions / A. Herskovits // Cognitive Science. – 1985. – Vol. 9. – P. 341–378.
23. *Bennet, D. C.* Spatial and Temporal uses of English Prepositions / D. C. Bennet. – London : Longman, 1975. – 344 p.
24. *Кустова, Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 472 с.
25. *Лещева, Л. М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте : монография / Л. М. Лещева ; Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2014. – 254 с.
26. *Тарасевич, Л. А.* Предлоги в системе языка: проблемы и решения : учеб.-метод. пособие / Л. А. Тарасевич ; Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2011. – 72 с.
27. *Бондарева, Л. М.* К проблеме интерпретации концепта «пространство» в отечественной и зарубежной лингвистике / Л. М. Бондарева // Вестник Балт. федерал. ун-та им. И. Канта. – Калининград, 2015. – Вып. 2. – С. 23–30.
28. *Горбунова, Л. И.* Роль локативного компонента в семантической структуре адъективной приставки с пространственным значением / Л. И. Горбунова // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 156–163.
29. *Гурская, А. О.* Семантическая структура многозначных пространственных предлогов, обозначающих отношения включения (in, inside, into, within) / А. О. Гурская // Вестник МГЛУ – Серия 1. Филология. – Минск, 2020. – № 6 (109). – С. 42–49.
30. *Зализняк, А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Яз. славян. культуры, 2006. – 671 с.
31. *Маляр, Т. Н.* Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Т. Н. Маляр ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2002. – 44 с.

Поступила в редакцию 01.03.2022 г.

Контакты: anna.lyumi@mail.ru

(Жукова Анна Олеговна)

Zhukova A. O. THE PROBLEM OF THE RESEARCH OF POLYSEMOUS PREPOSITIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The article highlights the problems of prepositional research that require further analysis. These problems include the issues of differentiation of prepositional meanings, description of the semantic structure of prepositions, mechanisms for the formation of new prepositional meanings and types of connection between them. Some ways of solving the listed problems are outlined.

Keywords: preposition, polysemy, semantic structure, meaning, the English language.

УДК 811.161.1+81'32(070):450(321)

ЯДЕРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА *ИТАЛИЯ* 'СТРАНА' В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Р. А. Кампаделли

аспирант

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

В статье рассматривается концепт ИТАЛИЯ, представленный в публицистических текстах Национального корпуса русского языка как результат процесса восприятия и актуализации итальянской действительности. На основе компонентного, контекстуального и интерпретативного анализа лексемы «Италия» и ее семантического поля выявлены ядерные значения концепта ИТАЛИЯ ('страна', 'государство', 'территория'). Объектом настоящего анализа является ядерное значение 'страна' и его периферийные значения. Представлены выявленные области употребления лексемы «Италия», а также слова-конкретизаторы, характеризующие Италию как страну.

Ключевые слова: концепт, Италия, публицистические тексты, Национальный корпус русского языка, языковая картина мира.

Введение

Концепты являются мыслями, идеями, понятиями, возникающими в сознании индивида и отражающими основные характеристики и константы конкретного предмета или явления действительности. В изучение концепта большой вклад внесли Н. Д. Арутюнова (1999), В. И. Карасик (2010), Дж. Лакофф (2004), З. Д. Попова (2001) и др. В данной статье рассматривается концепт ИТАЛИЯ и его ядерное значение 'страна', представленные в подразделе «Публицистика» Национального корпуса русского языка.

Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью, во-первых, выявить языковые способы и средства актуализации когнитивной и культурологической информации в публицистических текстах; во-вторых, изучить основные составляющие культурного концепта: его понятийное значение, ценностные характеристики и представления в пространстве Национального корпуса русского языка; в-третьих, осмыслить представление об Италии в русской языковой картине мира.

Активное появление в последние годы научных работ, трактующих национально-гео-

графические концепты (АМЕРИКА, ГЕРМАНИЯ, КИТАЙ, РОССИЯ и др.), подтверждает востребованность подобных исследований. Описание национально-географического объекта и его тематического поля расширяет представления о ядерной зоне концептуальной системы современного русского языка (куда включается концепт ИТАЛИЯ, который еще не был предметом лингвоконцептологических исследований) и демонстрирует значимость соответствующего культурного концепта для национального языкового сознания.

При изучении концепта ИТАЛИЯ применялись методы компонентного, контекстуального и интерпретативного анализа лексемы *Италия* и ее семантического поля.

Основная часть

Поиск лексемы *Италия* в подкорпусе «Публицистика» Национального корпуса русского языка и анализ материалов, созданных с 2000 по 2020 гг., позволили выявить в представленных 838 вхождениях 3 ядерных значения концепта ИТАЛИЯ: 'страна' (456), 'государство' (252) и 'территория' (130). Менее частотными являются ядерные значения 'государство' и 'территория' [1]. Оба выявляются в двух областях употребления лексемы *Италия*: внутренняя политика и внешняя политика, география и локация соответственно.

Ядерное значение 'страна' обнаружено в 19 областях употребления лексемы *Италия*.

Самой частотной областью является история (91), где выявлено периферийное значение 'страна с долгой и богатой историей', а также представлены следующие характеристики Италии: *Северная Италия* (5), *фашистская Италия* (4), *север Италии* (3), *южная Италия* (3), *средневековая Италия*, *северная часть страны*, *послевоенная Италия*, *единая Италия*, *сама Италия*, *побежденная Италия*, *«побежденная в лагере победителей»*. Из 76 слов-конкретизаторов данного периферийного значения главными являются *Муссолини* (6), *Северная Италия* (5), *фашистская*

Италия (4), *южная Италия* (3), *север Италии* (3), *война* (3), *Наполеон* (3), *этруски* (3) и др.: *Эти слова были написаны в 1931 году, когда в Италии господствовала фашистская диктатура Муссолини, а в России – не менее жестокий сталинский режим* (статья, журнал «Наука и жизнь»); *Так эта постыдная сделка состоялась в самом центре Венеции – городе, который издавна славился своими шпионами и правительство которого всеми силами стремилось не допустить французского проникновения в Северную Италию!* (статья, журнал «Наука и жизнь»).

Вторая область – спорт (75). Ее периферийное значение – 'страна, одной из главных составляющих жизни которой является спорт', – представлено частотными словами-конкретизаторами (61): *чемпионат мира* (7), *«Рома»* (6), *матч* (5), *гонки* (3), *«Интер»* (3) и др. *На чемпионате мира 1978 года в матче Нидерланды–Италия голландский защитник Эрни Брандтс сначала забил автогол, а затем и гол в ворота соперников* (статья, журнал «Наука и жизнь»); *За дебатами следило примерно столько же телезрителей, сколько смотрит в Италии выдающиеся футбольные матчи – около 13 млн человек* (статья, журнал «Русский репортер»). Италия охарактеризована как спортивная страна, активная на спортивной мировой арене, где футбол является одним из наиболее популярных видов спорта.

Третья по частоте область – 'наука' (47). В периферийном значении 'страна, занимающаяся научными исследованиями и сотрудничающая с зарубежными странами' проявляется характеристика Италии как страны, которая гордится всемирно известными учеными. Основные лексемы-конкретизаторы – *проект* (6), *ученый* (5), *исследование* (5), *Галилео Галилей* (2) и др.: *В рамках этого исследования группа ученых из Великобритании, Италии и Бельгии под руководством Кристофера Конселайса получила новые данные о свойствах темной материи при исследовании галактического скопления Персей – скопления тысяч галактик суммарной массой в триллионы масс Солнца, находящегося от нас на расстоянии 250 миллионов световых лет* (статья, журнал «Знание – сила»); *20 июня 1633 года Галилей – гражданин Флоренции, ученый, чье имя было известно не только в Италии, но и во всей Европе, – получил предписание явиться в инквизиционный суд Рима* (статья, журнал «Наука и жизнь»).

Четвертая область, в которой проявляется ядерное значение 'страна', – туризм (31). В ней обнаружено периферийное значение 'посещаемая страна' и представлены следующие характеристики Италии: *Северная и Центральная Италия, любимая Италия*. Частотны лексемы-конкретизаторы *путешествие* (4), *путешественники* (3), *агротуризм* (2): *На Апеннинях путешественников интересовали в основном города Северной и Центральной Италии, во всяком случае, южнее Неаполя никто из путешественников, как правило, не отправлялся* (статья, журнал «Родина»); *В Италии разработано более 70 вино-гастрономических маршрутов, которые в значительной степени связаны с агротуризмом* (статья, журнал Интернет-альманах «Лебедь»).

Пятая область – отношение к Италии (29). В ней обнаружено периферийное значение 'страна, которая вызывает интерес, восхищение, любовь и вдохновение': *Как Наполеон, он разбивает ретроградов под Аустерлицем, затем действие переносится в милую Гоголю Италию* (статья, журнал «Октябрь»); *Книга содержит как наблюдения автора над собственно пушкинскими текстами, связанными с итальянскими реалиями, так и его заметки о переключках творчества великого русского поэта со страной «Петрарки и любви» и об отношении в Италии к Пушкину* (рецензия, журнал «Родина»). Основные лексемы-конкретизаторы – *милая Гоголю Италия, один из главных источников вдохновения, вся Италия, вторая родина, десяти Италий, Пушкинская Италия, соседняя Италия*. К данной области относятся упоминания о знаменитых зарубежных музыкантах, художниках, писателях, поэтах, об их отношении к стране, об их произведениях, в которых упоминается Италия или написание которых повлияла Италия.

Шестой областью является образование (26). В ней выявлено периферийное значение 'страна, где находятся престижные учебные заведения и университеты, обеспечивающие получение знаний в различных областях'. Частотны слова-конкретизаторы *университет* (3) и *библиотека* (2); ключевыми являются также *геммологические образования, Всемирная кардиохирургическая школа, латинский и итальянский языки, естественные и математические науки, морское дело, теология*, которые подчеркивают обширный перечень предметов, изучаемых в Италии: *В городе Бергамо в Италии есть Всемирная кардиохирургическая школа* (статья, газета

«Известия»); *Потом в Падуе (Италия) освоил латинский и итальянский языки, естественные и математические науки* (статья, журнал «Наука и жизнь»). В этой области проявляется характеристика Италии как страны, придающей особое значение образованию, процессу усвоения знаний, умений, навыков, развитию личности обучающегося.

Седьмая по частоте область – литература (22), в которой обнаружено периферийное значение 'страна, где издаются и читают книги итальянских и зарубежных авторов'. Ключевые слова-конкретизаторы: *книга* (5), *трактаты* (2), *издание*, *Агамбен*, *антология современной русской поэзии* и др. *В то же время в Италии Агамбен через несколько лет опубликовал «Грядущее сообщество», и с тех пор интерес к сообществу там не ослабевал* (монография, Елена Петровская. Безымянные сообщества); *Несколько лет назад в Италии вышла антология современной русской поэзии, куда вошло 16 российских авторов* (беседа, журнал «Волга»).

В области изобразительного искусства (21) выявлено периферийное значение 'страна, изобразительное искусство которой имеет давнюю историю, поддерживается и популяризуется на национальном и международном уровне'. Слова-конкретизаторы: *фреска* (3), *гравюры* (2), *музей* (2), *мировая живопись*, *глубокая древность*, *биеннале* и др. Италия представлена как страна искусства; страна, где располагаются знаменитые музеи, проходят международные выставки: *Когда Блок путешествовал по Италии и в ее музеях изучал мировую живопись, он отметил (в 25-й записной книжке): «Carl Bloch датчанин (1834–1890) – очевидно родственник»* (статья, журнал «Знамя»). Венецианская биеннале является новатором в плане исследований и распространения новых современных художественных тенденций [2].

Девятая область – обычаи и ценности (19). К ней относится периферийное значение 'страна, для культуры которой характерны определенные обычаи, материальные и моральные ценности'. Лексемами-конкретизаторами (23) являются *нравы* (2), *шумно*, *два итальянца – это двести человек*, *фестивали*, *друг*, *Карнавал*, *Бабо Натали*, *вечные ценности*, *женственная по своей природе Италия*, *амулеты*, *кораллы*, *зубы акул*, *традиция*, *«маленькая Италия»* и др.: *Он помогает заказчикам избежать ошибок, сконцентрировать внимание на главном и вернуть в обиход вечные ценности,*

источником которых продолжает оставаться классическое наследие Италии – колыбели европейской культуры (статья, журнал «Мир & Дом. Residence»); *В Италии зубы акул наряду с окаменевшими кораллами использовали для амулетов особого вида: они должны были оберегать от дурного глаза и от колдовства* (статья, журнал «Наука и жизнь»). В проанализированных источниках проявляются следующие характеристики Италии: *два итальянца – это двести человек*, *женственная по своей природе Италия*, *«маленькая Италия»*. Первое высказывание подчеркивает идею, согласно которой итальянцы являются шумными, говорят громко. Что касается имени прилагательного *женственная* применительно к Италии, оно не подразумевается дословно. В «Энциклопедии практической психологии» под «женственными обществами» подразумеваются общества, в которых «доминируют скромность, приоритет взаимоотношений по сравнению с деньгами, забота о качестве жизни, окружающей среде, помощь другим, особенно, слабым. В герои превозносятся неудачники» [3]. Выражение *«маленькая Италия»* указывает на существование «итальянских сообществ» в зарубежных странах.

В области языка, национальности, религии (16) обнаружено периферийное значение 'страна, являющаяся многоязычной, многонациональной, многоконфессиональной': *Здесь многоязычие часто закреплено законодательно: посмотрите на ситуацию в Швейцарии, Бельгии, Финляндии, Македонии или Италии* (интервью, журнал «Дипломатический вестник»); *Более того, через эти греческие старостильные группировки к РПЦ возводят линию своего иерархического преемства такие неканонические религиозные организации, как «Православная церковь Франции», «Католическая православная церковь Португалии», «Православная церковь Италии», «Православная автономная митрополия Западной Европы и Америки», «Католическая православная церковь Испании»* (статья, «Журнал Московской Патриархии»). Данное значение представлено такими словами-конкретизаторами (21), как *Михаил Шувар* (2), *служение* (2), *Северная Италия* (2), *Римско-католическая церковь*, *многоязычие*, *«Православная церковь Италии»*, *национальные меньшинства* и др. Проявляющимися характеристиками Италии являются следующие: *Северная Италия* (2); страна, на территории которой наряду с литературным итальянским языком суще-

ствуют его диалекты, а также другие языки, на которых говорят представители разных национальностей; страна, где католицизм занимает важное место наряду с другими менее исповедуемыми религиями.

В области кино (16) выявлено ядерное значение 'страна, которая вошла в мировую историю кино'. Характеристиками Италии являются *родная Италия, послевоенная Италия*; родина режиссеров, сценаристов и актеров, которые получили всемирное признание. Основными лексемами-конкретизаторами являются «Оскар» (3), *Лукино Висконти* (3), *Антониони* (3), *Феллини* (2) и др.: *После выхода фильма на экраны, совсем не фантастическая, а автобиографическая история так понравилась членам Американской киноакадемии, что Феллини, не любящий покидать родную Италию, в третий раз был вынужден лететь в Америку – за очередным «Оскаром» в номинации «лучший иностранный фильм»* (статья, газета «Экран и сцена»); *В середине 80-х в Италии громко заявил о себе молодой режиссер Джузеппе Торнаторе* (статья, газета «Экран и сцена»).

Двенадцатой областью является архитектура (12), ее периферийное значение – 'страна, которая имеет разнообразные архитектурные стили и может гордиться плеядой талантливых архитекторов и инженеров', – представлено словами-конкретизаторами (16) *известный инженер Аристотель Фиорованти* (2), эпоха *Ренессанса*, тип жилища, «*маленькая Италия*» и др. Это родина архитекторов и инженеров, которые создали архитектурные шедевры также в зарубежных странах: *В эпоху Ренессанса XIV–XV вв. в Италии в новом типе жилища – городских палаццо и загородных виллах распространился балкон небольшого выноса, поставленный на уступ или карниз стены* (статья, журнал «Мир & Дом. City»); *С большим энтузиазмом изучил труды о том, как известный инженер Аристотель Фиорованти выстроил в XV веке в Италии башню и построил в Московском Кремле Успенский собор* (статья, журнал «Наш современник»).

В области информатики и технологии (12) Италия показана как технологически развитая страна, 'страна, проявляющая активность в технологической области'. Лексемы-конкретизаторы (14) – *поисковые системы* (2), *телевидение в УКВ-диапазоне, беспроводная передача, телеграфные знаки, интернет* и др.: *Регулярные передачи электронного телевидения в УКВ-диапазоне в 1936 году начались в*

Англии (405 строк), в 1938 году – в Германии (441 строка), Италии (441 строка) и Франции (455 строк) (статья, журнал «Наука и жизнь»).

В области СМИ (11) представлено периферийное значение 'страна, освещающая события, имеющие международное значение'. Слова-конкретизаторы (12) – *итальянский медиарынок, газеты, статья, сегодняшняя Италия, «медийная демократия», Берлускони* и др.: *Многие газеты Италии, Франции, Германии, Англии тогда восторженно писали о самоотверженности и мужестве русских моряков при спасении пострадавших в катастрофе* (статья, журнал «Знание – сила»); *Однако для политической истории Италии, да и всего западного мира, важнее то, что Берлускони был живым воплощением «медийной демократии» новейшего времени* (статья, журнал «Русский репортер»).

Пятнадцатой областью является кулинария (9), к которой относится периферийное значение 'страна, имеющая национальные кулинарные традиции, которые известны и ценятся за ее пределами'. Слова-конкретизаторы (14) – *север Италии, пицца, море вина, разнообразные рецептуры, оливковое масло, рукола, макароны, рис, кухня потрясающе разнообразна* и др.: *В Италии повара жарят руколу на оливковом масле и добавляют к блюдам из макарон и риса* (статья, журнал «Наука и жизнь»); *Да и немудрено было бы античному историку удивиться, ведь не только Турция и Греция, но и Испания, Италия и другие страны Средиземноморья сегодня изобилуют различными овощами и фруктами, а их кухня потрясающе разнообразна* (статья, журнал «Огонек»). Италия охарактеризована как страна с *потрясающе разнообразной кухней*. Средиземноморская диета входит в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Под данной диетой подразумевается целый образ жизни, который включает в себя ряд навыков, знаний, привычек, традиций, касающихся выращивания, сбора урожая, рыболовства, земледелия, консервирования, приготовления и, прежде всего, совместного использования и потребления пищи [4].

В 8 вхождениях, относящихся к области музыки, обнаружено периферийное значение 'страна, которая славится своими музыкальными произведениями и где признают зарубежную музыку'. Лексемы-конкретизаторы (10) – *ансамбль* (2), *национальные герои* (2), *международный конкурс, выдающийся русский музыкант, мелодии южной Ита-*

лии и др.: *Лишь в 2001 г. ансамблю удалось выехать на международный конкурс в Италию* (статья, журнал «Народное творчество»); *Тем самым выдающийся русский музыкант причислен к национальным героям Италии* (статья, журнал «Коммерсантъ-Власть»). Характеристиками Италии являются следующие: *мелодии южной Италии*; страна, где проводятся международные музыкальные конкурсы; страна, где выпускаются альбомы известных зарубежных музыкантов; страна, признающая заслуги и вклад российских выдающихся артистов.

Семнадцатой областью является театр (4). В нем выявлено периферийное значение 'страна, которая славится своими оперными театрами', слова-конкретизаторы – *премьера, знаменитая «Ла Скала», опера, родина оперы: Ктати, программу по «Тоске» Пуччини мне помогал ставить хореограф из Италии Джузеппе Арена, который работал в знаменитой «Ла Скала»* (интервью, журнал «100% здоровья»); *Опера как жанр родилась в Италии в XVI–XVII веках* (статья, газета «Вестник США»).

Восемнадцатая область по частоте – мода (4). Значение 'страна, мода которой считается эталоном стиля и элегантности', представлено лексемами-конкретизаторами, такими как *мода, итальянские дома мод, коллекция*. В данной области проявляется характеристика Италии *светско-пляжная Италия: Первая коллекция называлась La Perla (то есть «жемчужина») – это купальники-бикини, украшенные полудрагоценными камнями и натуральным жемчугом. Светско-пляжная Италия дрогнула. К концу сезона Ада Мазотти много раз на заказ дошивала модели этой коллекции* (интервью, журнал «Домовой»).

В области танца (1) выявлено периферийное значение 'страна, где проходят международные танцевальные конкурсы': *В Италии выступают и два наших танцевальных дуэта* (статья, журнал «Русский репортер»).

Заключение

Таким образом, концепт ИТАЛИЯ и его ядерное значение 'страна', представленные в подразделе «Публицистика» Национального корпуса русского языка с 2000 по 2020 г., обнаружены в следующих тематических областях: история, спорт, наука, туризм, отношение к Италии, образование, литература, изобразительное искусство, обычаи и ценности, кино, язык, национальность и религия, архитектура,

информатика и технологии, СМИ, кулинария, музыка, мода, театр, танец.

Материал, в котором больше всего приводится информации об Италии, был создан в 2004 г. (163). Это можно объяснить тем, что 2004 был годом активного сотрудничества между Россией и Италией. В этом году президенты России и Италии приняли решение создать Российско-итальянский Форум-диалог по линии гражданских обществ; вступило в силу Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, которое Россия и Италия заключили в 2000 г.; в Средиземном море проводились совместные учения российских и итальянских ВМС; с 2004 г. в итальянских и русских общеобразовательных школах проводятся Недели культуры и языка Италии и России [5].

Самое низкое количество упоминаний об Италии отмечается в 2000 г. (3), несмотря на то что существовали возможности для сотрудничества между двумя странами: было заключено Соглашение о сотрудничестве в области архивов [6].

В проанализированных материалах единственный год, в котором не приводится информация об Италии, – это 2020 г. Однако в этом году Италия в качестве страны-партнера приняла участие в Международной выставке «ИННОПРОМ», являющейся важным мероприятием в России [6].

Информация об Италии приводится чаще всего в статьях (634), интервью (79), монографиях (48) и рецензиях (29). Среди источников, в которых были опубликованы вышеуказанные материалы, отмечается преобладание журналов (585) и газет (157).

В свете проведенного анализа концепта ИТАЛИЯ можно утверждать, что самими частотными характеристиками Италии как страны являются следующие: *Северная Италия (7), север Италии (4), фашистская Италия (4), южная Италия (3), послевоенная Италия (2), «маленькая Италия» (2)*. Самое большое количество вхождений отмечается в следующих периферийных значениях: 'страна с долгой и богатой историей' (91) и 'страна, одной из главных составляющих жизни которой является спорт' (75). Преобладание вхождений в вышеуказанных периферийных значениях доказывает, что история и спорт являются одними из главных составляющих жизни Италии как страны. Данные области являются одними из самых частотных тем разговора в русских публицистических текстах.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. Кампаделли, Р. А. Ядерное значение 'территория' концепта ИТАЛИЯ и его репрезентация в публицистических текстах Национального корпуса русского языка / Р. А. Кампаделли // Российская наука в современном мире: сб. науч. статей XLII международной научно-практической конференции. Часть 2. – М. : Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2021. – С. 15–18.
2. L'Istituzione // La Biennale di Venezia [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.labiennale.org/it/listituzione>. – Дата доступа: 09.12.2021.
3. Влияние национальных культур на становление и развитие менеджмента в разных странах. Исследования Герта Хофстеде // Энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс]. – 2009–2022. – Режим доступа: <https://www.psychologos.ru/articles/view/84039-vlianie-nacionalnyh-kultur-na-stanovlenie-i-razvitiemenedzmenta-v-raznyh-stranah-issledovania-gerta-hofstede>. – Дата доступа: 09.12.2021.
4. Dieta Mediterranea // UNESCO [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.unesco.it/it/patrimonioimmateriale/detail/384#:~:text=La%20Dieta%20Mediterranea%20costituisce%20un,particolare%2C%20il%20consumo%20degli%20alimenti>. – Дата доступа: 22.01.2022.
5. История российско-итальянских дипломатических отношений // Генеральное консульство России в Милане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://milan.mid.ru/istoria-rossij-sko-ital-anskih-diplomaticheskikh-otnoshenij>. – Дата доступа: 22.01.2022.
6. Доклад Российско-итальянские связи: вчера, сегодня, завтра // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/3mycYu4fL2wCBtJfLI45Q7kyiA9AdkiQ.pdf>. – Дата доступа: 22.01.2022

Поступила в редакцию 15.02.2022 г.
Контакты: campadellirosali@gmail.com
(Кампаделли Розалия Аннарита)

**Campadelli R. A. THE CORE MEANING
OF THE CONCEPT ITALY 'COUNTRY' IN
PUBLICISTIC TEXTS OF THE RUSSIAN
NATIONAL CORPUS**

The article is dedicated to the concept ITALY, presented in the publicistic texts of the Russian National Corpus, as a result of the process of perception and conceptualisation of the Italian reality. On the basis of the interpretative, componential and contextual analysis of the lexeme "Italy" and its semantic field, the core meanings of the concept ITALY ('territory', 'country', 'state') are revealed. The object of the analysis is the core meaning 'country' and its peripheral meanings. The fields of application of the lexeme "Italy", as well as the words concretising Italy as country, are highlighted.

Keywords: concept, Italy, Russian National Corpus, publicistic texts, language picture of the world.

УДК 81'367.625=161.1

**ГЛАГОЛЫ РЕЧИ: ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ,
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДИНЫ РУБИНОЙ
«НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ»)**

А. И. Паламарчук

аспирант

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

В статье рассматриваются словообразовательные и стилистические особенности глаголов речи в тексте Дины Рубиной. Уточняются определения используемых в статье терминов: глаголы речи, стилистическая маркированность, словообразовательное гнездо. Представлена сводная семантическая классификация глаголов речи, основанная на работах Л.М. Васильева, В.И. Кодухова, И.А. Сколотовой. На материале романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» показано, как глаголы речи актуализируют семантические, прагматические и стилистические аспекты речевого поведения героев произведения и участвуют в формировании индивидуально-авторской художественной картины мира.

Ключевые слова: глаголы речи, лексико-семантическая группа, стилистическая маркированность, словообразовательное гнездо, Дина Рубина.

Введение

Языковая сущность художественного текста невозможна без участия глаголов речи, так как именно они являются оптимальной моделью для познания связей и отношений языковой системы. Изучению лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов речи посвящено много трудов. Наиболее известными учеными, работающими в этой области, являются Л.М. Васильев [1], В.И. Кодухов [2], Р.П. Козлова [3] и др.

Под глаголами речи в нашем исследовании понимается ЛСГ, включающая в себя глаголы не только устной, но и письменной речи, объединенные инвариантным семантическим признаком – семой речи.

Цель статьи – определить лексико-семантическое пространство глаголов речи (215 лексем в 1392 реализациях) на материале романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» [4], выявить их стилистический и словообразовательный потенциал.

Исследование роли глаголов речи в художественном тексте актуально ввиду высокого текстообразующего потенциала глагола в русском языке. Анализ данной ЛСГ очень важен, поскольку именно глаголы речи составляют основу речемыслительной деятельности любой языковой личности. Актуальность исследования обусловлена и тем, что функционирование группы глаголов речи рассматривается на материале современной женской прозы, в частности, в тексте Дины Рубиной, что делается впервые.

Основная часть

Количество ЛСГ, особенности организации в структуре художественного текста зависят от его жанровых параметров, индивидуального стиля автора. В работе использовалась сводная семантическая классификация глаголов речи, основанная на работах Л.М. Васильева [1], В.И. Кодухова [2], И.А. Сколотовой [5]. Лексико-семантическое пространство исследуемого романа образуют глаголы речи 5 ЛСГ. Глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде, представлены 36 лексемами в 800 словоупотреблениях: *говорить* (162), *проговорить* (43), *рассказывать* (38), *ответить* (28), *назвать* (21). Это самая частотная подгруппа, поскольку является функционально и коммуникативно универсальной, нейтральной в экспликации человеческой способности говорить. Вторая подгруппа – глаголы, которые обозначают не только акт говорения, но и его особенности, манеру, способ произнесения речи (54 – 216): *кричать* (29), *крикнуть* (22), *пробормотать* (14), *воскликнуть* (12), *бормотать* (10). Частотность этой подгруппы связана с манерой письма Дины Рубиной (для ее стиля характерны эмоциональность, образность, метафоричность). Третью подгруппу составляют глаголы переносного значения, выражающие сравнение человеческой речи со звуками, издаваемыми животными, птицами, насекомыми (18 – 30): *взвять* (4),

гудеть (4), *рычать* (3). Четвертая подгруппа – глаголы, обозначающие не только сам акт говорения, но и характеризующие содержание речи (37 – 134): *объяснить* (24), *договориться* (12), *объяснять* (11), *договариваться* (8), *согласиться* (8). Пятую подгруппу составляют глаголы со значением побуждения, выраженные посредством устной или письменной речи (38 – 144): *просить* (18), *звать* (16), *велеть* (8), *послать* (7), *вызвать* (6). Многие анализируемые глаголы находятся на периферии ЛСГ (32 – 68), ибо совмещают в себе смысловые признаки нескольких лексико-семантических зон глаголов речи. Например, лексема *скандалить* совмещает в себе признаки глаголов речи, обозначающих не только акт говорения, но и характеризующих содержание речи, особенности процесса говорения, манеру речи.

Представление глагольного слова как многокомпонентной, иерархически организованной структуры способствует выявлению стилистической окраски (маркированности) глаголов речи. Стилистическая окраска языковой единицы – «дополнительные к выражению основного номинативного, предметно-понятийного значения экспрессивные или функциональные компоненты, ограничивающие возможность ее употребления определенными сферами и условиями общения» [6, с. 54]. «Выделяют два типа стилистической маркированности: функционально-стилистическую и эмоционально-оценочную» [6, с. 58]. Функционально-стилистический аспект обусловлен регулярным употреблением той или иной единицы языка в определенном функциональном стиле. При помощи слов с эмоционально-оценочной маркированностью выражается отношение к обозначаемым объектам и явлениям, производится их оценка. Эта окраска органически свойственна языковой единице, неотделима от ее значения.

При определении стилистической маркированности глаголов речи в качестве лексикографических источников нами использовались «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [7], «Большой толковый словарь» под редакцией С.А. Кузнецова [8], «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [9].

В функционально-стилистическом аспекте в романе выделяются глаголы речи с книжной окраской (112 лексем в 563 словоупотреблениях) и разговорной (68 – 83). Наиболее частотные лексемы с книжной окраской: *сказать* (232), *говорить* (162), *спросить* (113),

проговорить (43), *рассказывать* (38). Наиболее частотные лексемы с разговорной окраской: *пробормотать* (14), *заорать* (7), *пробубнить* (6). В романе книжная и разговорная маркированность глаголов речи свидетельствует о том, что в ее значении присутствуют особые компоненты, соотносящие лексему с реальными, в том числе и социальными характеристиками элементов ситуации. Так, глаголы с книжной функционально-стилистической маркированностью характерны для речи Миши Лифшица, Леонида Волошина, Клары Нухимовны. Все они *изменили уровень интеллигентности на душу населения*. Эти герои в значительной степени являются той «пространственной формой» [10, с. 319], в которой выражено авторское отношение к главной героине – Вере Щегловой. Лексика же разговорной функционально-стилистической окраски в романе служит для психологической характеристики всех героев, показа их эмоционального состояния, создания необходимой атмосферы повествования, отношения субъекта к адресату, для конкретизации предмета мысли: «Одной из специфических стилистических черт разговорной речи является конкретизированный (а не понятийный) характер» [11, с.40]. Например, в романе Дины Рубиной среди глаголов речи мы находим следующие разговорные синонимы: *болтать*, *бормотать*, *бубнить*, *орать* и т.д. Каждое из этих слов обладает «экспрессией чувственной конкретности» [11, с. 40]. Также количественное преобладание разговорной лексики связано со стремлением автора обеспечить живость, образность, динамику изложения.

В анализируемом романе преобладают глаголы речи, которые не содержат в своем значении элемента оценки (93 лексемы в 385 словоупотреблениях). Самые частотные среди них следующие лексемы: *говорить* (162), *проговорить* (43), *рассказывать* (38), *ответить* (28), *назвать* (21), *ответать* (18). Нейтральная лексика лежит в основе словарного состава языка, составляет важнейший фонд производящих основ, вокруг которых формируются разнообразные деривационные связи. Это обуславливает ее количественное преобладание в тексте. Группа глаголов речи с просторечной окраской (55–72). Самые частотные из них: *буркнуть* (6), *гудеть* (4), *щебетать* (4), *цыркнуть* (2), *рякнуть* (2). *Следует отметить, что четкие критерии разграничения разговорной и просторечной лексики отсутствуют, что приводит к размытию границ*

между данными группами. В нашем исследовании доминантной является следующая черта просторечной лексики: «Слово свойственно простой, непринужденной или даже грубоватой речи, не связанной нормами литературного языка, и стоит на границе литературного употребления» [9, с. 7]. Следующую группу составляют глаголы с бранной окраской (12–23), например: *брехнуть*, *сволочиться*. Лексика с просторечной и бранной окраской в большей степени репрезентирует языковую картину главной героини романа Кати Щегловой. Она попадает в общество воров и мошенников, а впоследствии и сама становится профессиональным наркоторговцем по кличке Артистка. Менее представлена группа глаголов речи с торжественной окраской (8 лексем в 9 словоупотреблениях): *велеть* (2), *присовокупить* (2), *воспеть* (1), *благословить* (1). Стоит отметить, что в определенном контексте глаголы речи с торжественной окраской приобретают насмешливо-ироническую тональность: – *Ты?! Ты?! Ты меня посадишь, помазилка драная?! – И присовокупила* длинно. *И еще присовокупила*. Высокая лексика в соединении со сниженной создает комический эффект.

Эмоциональность глагольных лексем в тексте не определена особыми аффиксами, а появляется благодаря контексту, т.е. «сопровождает» значение слова.

Таким образом, в романе в функционально-стилистическом аспекте выделяются глаголы речи с книжной (112 лексем в 563 словоупотреблениях) и разговорной окраской (68–83). В исследуемом произведении преобладают глаголы речи, которые не содержат в своем значении элемента оценки (93 лексемы в 385 словоупотреблениях). Дина Рубина использует эмоционально-оценочные слова в речи тех, кто обладает либо высоким уровнем образованности (Миша Лившиц, Леонид Волошин, Вера), либо низким (Катя Щеглова, Циля, Слива, Пинц). При этом у Веры, Миши Лившица, Леонида Волошина глаголы речи имеют положительную коннотацию. У остальных персонажей (Катя, Циля, Слива, Пинц) слова имеют негативную коннотативную окраску.

«Глагольное производящее слово участвует в словообразовательном процессе всеми своими формально-содержательными свойствами» [12, с. 4]. Особое место при рассмотрении словообразовательного потенциала глаголов речи занимает словообразовательное гнездо (СГ). Под СГ мы понимаем «совокупность однокоренных слов, упорядоченных отноше-

ями последовательной словообразовательной мотивации» [13, с. 17]. Потенциально существуя в парадигматике, в системе языка, СГ или ряд актуализируются в синтагматике, в тексте.

В романе «На солнечной стороне улицы» выявлено 52 СГ внутривербального (нетранспозиционного) характера. Из них 24 СГ являются сильноразвернутыми, 28 – слабо-развернутыми. Представленные СГ в художественном тексте имеют свою специфику. Они определяются не системными (языковыми), а текстовыми (жанр, тема, авторская интенция) характеристиками. Релевантны такие текстовые особенности СГ, которые отображают связь глаголов речи с категориями текста: полнота / неполнота СГ, количество лексем в гнезде, частотность употребления в тексте.

Следует отметить, что в художественном нарративе манифестируется лишь какая-то определенная часть составляющих СГ. Глаголы с актуализированными в тексте деривационными отношениями составляют 52 лексемы в 942 употреблениях. Например, *говорить* (162), *бормотать* (10), *звать* (16), *кричать* (29), *орать* (8). Деривационно не связаны с другими языковыми единицами в тексте 163 глагола в 450 употреблениях (например, *баюкать* (1), *болтать* (2), *визжать* (2), *воспроизвести* (1), *всхлипывать* (1)).

Наиболее полно в романе представлены СГ с вершиной *говорить*. В словообразовательном словаре А.Н. Тихонова [14] СГ с вершиной «говорить» включает 61 производное. В романе же манифестируется лишь определенная часть СГ и 20 производных:

Говар-ива-ть (чередование о/а)
вы-говорить → выговорить-ся → выговар-ива-ться (о/а)
 выговар-ива-ть
 до-говорить → договар-ива-ть-ся (о/а)
 за-говорить ‘начать разговор’
 на-говорить
 недо-говорить
 о-говорить → оговорить-ся
Говорить от-говорить
 пере-говорить → переговар-ива-ть-ся (о/а)
 по-говорить
 про-говорить ‘произнести что-либо’
 про-говорить ‘говорить в течение некоторого времени’
 раз-говаривать
 у-говаривать (о/а)

СГ с вершиной *говорить* является сильноразвернутым, так как состоит из 20 производных. На парадигматическом уровне данное

гнездо представлено 2 парадигмами. Первая парадигма с вершиной *говорить* имеет 14 производных слов: *говаривать, выговорить, договорить, заговорить* 'начать разговор', *наговорить, недоговорить, оговорить, отговорить, переговорить, поговорить, проговорить* 'произнести что-либо', *проговорить* 'говорить в течение некоторого времени', *разговаривать, уговаривать*. Вершиной второй парадигмы является слово *выговорить*. Данная парадигма представлена двумя производными словами: *выговориться, выговаривать*.

Синтагматический уровень данного гнезда представлен 15 словообразовательными цепями, из которых 10 являются бинарными: *говорить* → *говаривать, говорить* → *заговорить, говорить* → *наговорить, говорить* → *недоговорить, говорить* → *отговорить, говорить* → *поговорить, говорить* → *проговорить* 'произнести что-либо', *говорить* → *проговорить* 'говорить в течение некоторого времени', *говорить* → *разговаривать, говорить* → *уговаривать*.

5 словообразовательных цепей являются полинарными: *говорить* → *выговорить* → *выговориться, говорить* → *выговорить* → *выговаривать, говорить* → *договорить* → *договориться, говорить* → *переговорить* → *переговариваться*.

Первая ступень СГ включает 14 производных: *говаривать, выговорить, договорить, заговорить* 'начать разговор', *наговорить, недоговорить, оговорить, отговорить, переговорить, поговорить, проговорить* 'произнести что-либо', *проговорить* 'говорить в течение некоторого времени', *разговаривать, уговаривать*.

На второй ступени СГ находятся 5 производных: *выговориться, выговаривать, договориваться, оговориться, переговариваться*.

Преобладает в СГ с вершиной *говорить* (13 производных) префиксальный способ словообразования. В качестве наиболее активных словообразовательных формантов используются приставки: *вы-, до-, за-, на-, недо-, о-, от-, пере-, по-: вы-говорить, до-говорить, за-говорить, на-говорить, недо-говорить, о-говорить, от-говорить, пере-говорить, по-говорить*.

Вторым по частотности в рассматриваемом СГ представлен суффиксальный способ (3 производных): *говар-ива-ть, выговар-ива-ть, выговар-ива-ться*.

Постфиксальным способом образовано 2 производных: *выговорить-ся, оговорить-ся*; префиксально-суффиксальным – также 2 про-

изводных слова: *раз-говар-ива-ть, у-говар-ива-ть*; суффиксально-постфиксальным – 2: *договар-ива-ть-ся, переговар-ива-ть-ся*.

Таким образом, количественный анализ обнаруживает преобладание в глагольном словообразовании префиксального способа (63 лексемы в 638 словоупотреблениях), следующими по продуктивности является суффиксальный (42 – 75) и постфиксальный (21 – 42). Минимально представлены в романе префиксально-постфиксальный способ (9 – 15) и суффиксально-постфиксальный способ (4 – 9).

Продуктивность глагольной префиксации сопровождается количественным (14 формантов) и семантическим (7 значений) разнообразием. Это обусловлено тем, что в сочетании с приставками глаголы речи получают дополнительное аспектуальное значение: начальности (*заговорить*), завершительности (*договорить*), ограничительности (*прокричать*). Суффиксация имеет меньшее значение для функционального и семантического развития глагольного слова, а словосложение для словообразования глагола в исследуемом тексте вовсе не характерно.

Заключение

Таким образом, лексическая информативность превращает глаголы речи в организующий элемент художественного текста. Лексико-семантическое пространство глаголов речи в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» представлено 5 лексико-семантическими группами, единицы которых различны по частотности и семантической структуре. В тексте данные группы выполняют как собственно номинативную, так и номинативно-экспрессивную, информативную, характерологическую функции. В анализируемом произведении выявлено 52 СГ словообразовательных гнезда, из которых 24 являются сильноразвернутыми, 28 – слабо-развернутыми. Наиболее полно в романе представлены СГ с вершиной *говорить* (включает 20 производных). Количественный анализ обнаруживает в романе преобладание в глагольном словообразовании префиксального способа, следующими по продуктивности являются суффиксальный и постфиксальный. В романе в функционально-стилистическом аспекте эксплицировано взаимодействие глаголов речи с книжной и разговорной окраской. Это помогает автору создать яркие и запоминающиеся образы, передать речь персонажей романа во всем ее своеобразии.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Васильев, Л. М.** Семантика русского глагола : учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1981. – 184 с.
2. **Кодухов, В. И.** Прямая и косвенная речь в современном русском языке / В. И. Кодухов. – Л. : Прибой, 1957. – 86 с.
3. **Козлова, Р. П.** Глагольное слово в лексической системе современного русского языка / Р. П. Козлова. – М. : Темплан, 1994. – 206 с.
4. **Рубина, Д. И.** На солнечной стороне улицы / Д. И. Рубина. – М. : Эксмо, 2013. – 512 с.
5. **Сколотова, И. А.** Функционирование фразеологизмов со значением речи в предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Сколотова ; Мос. гос. пед. ин-т. – Горький, 1990. – 23 с.
6. **Азнаурова, Э. С.** Очерки по стилистике слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент : ФАН, 1973. – 405 с.
7. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук, ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ЭЛПИС, 2003. – 944 с.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. С. А. Кузнецова. – М. : Норинт, 2000. – 1536 с.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2000. – 1239 с.
10. **Алексеева, Н. В.** Хронотопические «поля» героя и автора в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» / Н. В. Алексеева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – Сер. 1. Филология. – 2011. – № 4. – С. 316–321.
11. **Гузина, О. С.** Языковая реализация конкретизированного характера текстов разговорного стиля речи / О. С. Гузина // Strategiczne pytania swiatowej nauki : materialy X Miedzynarodowej

naukowi-praktycznej konferencji, Przemysl, 07–15 lutego 2014 roku ; Российский университет дружбы народов. – Przemysl : Nauka i studia, 2014. – Vol. 21. – С. 40–42.

12. **Яценецкая, М. Н.** Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Яценецкая. – М. : Просвещение, 1973. – 241 с.

13. **Никитевич, А. В.** Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 348 с.

14. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. более 145 000 слов / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – Т. 1 : А–П. – 860 с. ; Т. 2 : Р–Я. – 941 с.

Поступила в редакцию 16.11.2021 г.
Контакты: alena.derechenik@mail.ru
(Паламарчук Алена Игоревна)

***Palamarchuck A. I. VERBS OF SPEECH:
LEXICAL PRESENTATION, WORD FOR-
MATION AND STYLISTIC FEATURES
(BASED ON THE MATERIAL OF DINA
RUBINA'S NOVEL «ON THE SUNNY SIDE
OF THE STREET»)***

The article is devoted to the consideration of the word-building and stylistic aspects of speech verbs in the novel by Dina Rubina. Such concepts as speech verbs, stylistic marking, family of words are defined. The semantic classification of speech verbs based on the works of L.M. Vasilyev, V.I. Kodukhov, I.A. Skolotova is presented. The study of Dina Rubina's novel "On the Sunny Side of the Street" has shown how the verbs of speech actualize the semantic, pragmatic and stylistic aspects of the characters' speech behavior and participate in the formation of the author's individual artistic picture of the world.

Keywords: verbs of speech, lexical-semantic group, stylistic marking, family of words, Dina Rubina.

ПЕРСАНАЛІІ

УДК 347.098

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАРЕВ –
ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИОГРАФИИ**М. В. Стрелец**доктор исторических наук, профессор
г. Брест

Статья посвящена памяти доктора исторических наук, профессора Дмитрия Владимировича Карева. Он 42 года трудился в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. Автор показывает, что ученый и педагог за все эти годы много сделал в науке и был признан научным сообществом, однозначно считающего Дмитрия Владимировича одним из столпов белорусской историографии.

Ключевые слова: исследование, историография, источниковедение, Карев, наука, сотрудничество.

7 октября 2021 г. я получил печальную весть из Гродно. В этот день скончался Дмитрий Владимирович Карев, доктор исторических наук, профессор. Я знал покойного много лет. У нас были теплые человеческие отношения. Скорблю вместе с его родными и близкими, коллегами по работе, учениками.

Дмитрий Владимирович появился на свет 25 декабря 1949 г. в городе Уфе РСФСР. Через три с половиной года семья Каревых пополнила ряды жителей города Запорожье Украинской ССР [1, с. 10].

После окончания средней школы Дмитрий Карев начал трудовую деятельность. Первая запись в трудовой книжке: сотрудник Запорожского областного краеведческого музея. Затем последовало второе место работы: Запорожский областной архив. Это предопределило выбор на всю жизнь [2, с. 11].

Дмитрий Владимирович получил фундаментальное образование в результате окончания факультета архивного дела Московского государственного историко-архивного института. Здесь он специализировался по кафедре вспомогательных исторических дисциплин в области источниковедения, историографии и специальных исторических дисциплин [3, с. 285–286].

Первые шесть лет после окончания вуза трудился во Владивостоке. Отлично себя зарекомендовал во время работы в Институте

истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР и Дальневосточном государственном университете [4; 5, с. 93].

Далее стартовал белорусский этап трудовой биографии, продолжавшийся до самой смерти. А это 42 года. И все эти годы трудовая книжка лежала в отделе кадров Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (ГрГУ) [6; 7; 8, с. 215]. Начинать ассистентом кафедры всеобщей истории исторического факультета. С течением времени дорос до профессора. С его легкой руки появился Гуманитарный центр исследования Восточной Европы, просуществовавший 22 года. Д.В. Карев все время им руководил. Последние шесть лет своей жизни этот талантливый человек возглавлял еще одно свое детище – Центр междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения [9, с. 133].

Многие выпускники университета с восхищением вспоминают лекции Дмитрия Владимировича по курсу «История средних веков». Он впервые в отечественной медиавистике сформулировал установку изучать социальную психологию, менталитет средневекового человека, влияние индивидуальных особенностей личности на исторический процесс. Школа Карева – это в первую очередь уникальная методика отбора источников. Вот что постоянно слышали из его уст студенты: «Историк должен обращать внимание, прежде всего, не на что говорится, а как говорится в источнике» [2, с. 12].

Перефразируя незабвенного Василия Сухомлинского, можно так сформулировать главный девиз, которому всегда следовал профессор: «Сердце отдаю студентам!». За ним прочно закрепилась репутация педагога от бога, покорившего сердца молодежи, грызущей гранит исторической науки в стенах ГрГУ. На каждом занятии демонстрировал мастер-класс, умело находил контакт с аудиторией, виртуозно использовал внутривидеоматериалы и межпредметные связи, учил студентов

проблемному мышлению, структурированной подаче учебного материала.

Ученый и педагог являлся самым авторитетным исследователем жизни и творчества академика М. К. Любавского [10–12; 13, с. 64]. В 33 года Д.В. Карев отметил себя весьма успешной защитой кандидатской диссертации «Академик М. К. Любавский как историк феодальной России» по специальности «07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования». Научным руководителем был крупнейший ученый доктор исторических наук В.И. Буганов (впоследствии член-корреспондент АН СССР). Защита прошла в весьма авторитетном учреждении – Институте истории СССР АН СССР. Через 13 лет последовала защита докторской диссертации Д. В. Карева на тему «Белорусская историография конца XVIII – начала XX в.». Она проходила в Институте истории Национальной академии наук Беларуси (специальность «07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования»). В 46 лет впервые избирается на должность профессора, в 56 лет получает ученое звание профессора. Годы после защиты докторской отмечены как заведением ряда кафедр, так и работой профессором кафедры [14].

Во время нашей первой встречи Дмитрий Владимирович продемонстрировал восемь книг историко-культурного альманаха «Наш Радавод». Их содержательная сторона: материалы конференций, семинаров, круглых столов [10; 15–18].

«Дмитрий Владимирович был преподавателем «золотого века» гродненского истфака конца 80-х – начала 90-х годов XX века, – писал о покойном его коллега, доцент, кандидат исторических наук Виталий Корнелюк. – Это он открыл нам, студентам того времени, европейское Средневековье. Но, наверное, пиком его деятельности стала конференция «Наша родословная» – действительно, еще один «истфак» для того времени. Вроде бы таких конференций было восемь, но первые были событием как в научном, так и в образовательном плане. Что не выступление, так открытие своего прошлого, открытие новых имен. Этой ипостаси деятельности и жизни Дмитрия Владимировича, несомненно, благодарно целое поколение его студентов, аспирантов и преподавателей. Скромная полиграфия, первые сборники его конференций, тем не менее, превратились в настоящие учебники по отечественной истории и гродноведению» [19].

Материалы научных форумов публиковались также в других изданиях. Счет форумов научного характера, организованных Д.В. Каревым, идет на десятки. Самый большой резонанс в научном сообществе имели следующие международные научные конференции, которые выстраиваются в хронологический ряд.

1991 год. «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII – начало XX в.».

1992 год. «Церковь и культура народов Великого княжества Литовского и Беларуси XIII – нач. XX в.».

1996 год. «Историческая память народов Великого княжества Литовского и Беларуси XIII–XX вв.».

1999 год. «Белорусы и поляки: диалог народов и культур X–XX вв.».

2010 год. «Народы, культуры и социальные процессы на пограничье».

2012 год. «Восточнославянский мир Великого княжества Литовского и его культурное наследие в исторической памяти народов Восточной Европы».

2017 год. «Європейська реформація і культура Великого княжества Литовского и Беларуси».

2018 год. «1918: Беларусь и народы Центрально-Восточной Европы в геополитическом контексте (проблема возрождения государственности: планы и реализация)» [15–20].

Д.В. Карев запомнился отечественным, польским, литовским, украинским, российским, германским коллегам и как отличный координатор 20 исследовательских и издательских научных проектов с их участием. Наиболее плодотворным было сотрудничество с черкасскими учеными.

Внес серьезный вклад в развитие отечественной археографии. На протяжении многих лет был председателем Гродненского отделения Археографической комиссии при Белкомгосархиве Республики Беларусь. Взвалил на свои плечи большой груз ответственности, согласившись стать научным консультантом издательств «Белорусская энциклопедия» и «Большая Российская энциклопедия». Главное – достойно выдержал этот груз.

Д.В. Карев – автор без малого 300 публикаций, включая 8 монографий. Он снял ряд проблемных комплексов, связанных с историей и культурой народов Центрально-Восточной Европы [16, с. 287–289; 17–27]; внес вклад в исследование теории и истории менеджмента; заполнил ряд пробелов по экономической

истории [28-31]; поднял острые проблемы государственно-правового регулирования социально-культурной сферы, проанализировал современное состояние зарубежного белорусоведения [32], предложил капитально обоснованную периодизацию истории архивного дела в Беларуси [33].

Попытаемся выделить самое главное, самое важное в наследии покойного коллеги. Был дан исчерпывающий ответ на следующий вопрос: «Как же происходил процесс формирования белорусской историографии в рамках «российского» периода истории Беларуси (конец XVIII – начало XX в.), каковы специфические его особенности?» При этом ученый внес основательный вклад в развитие исторической науки по следующим позициям.

Во-первых, раскрыл информационные возможности источниковой базы по истории белорусской историографии конца XVIII – начала XX в.

Во-вторых, показал влияние социально-политического и социокультурного контекста эпохи на ход и характер формирования белорусской историографии того времени. В раскрытии данного вопроса особое значение имело исследование проблемы влияния политики царизма в отношении Беларуси на характер и направленность исторического видения белорусского прошлого как в российской, так и в белорусской историографии.

В-третьих, проанализирована и определена специфика развития белорусской историографии на каждом из этапов полуторавекового пути ее становления – от «историографии краевой» до историографии национальной.

В-четвертых, выработана научная периодизация процесса формирования белорусской историографии конца XVIII – начала XX в.

В-пятых, изучена роль дореволюционного поколения белорусских историков в формировании источниковой документальной базы о белорусской «минувшине». При этом имелись в виду периоды Великого Княжества Литовского и дореволюционной Беларуси.

В-шестых, выявлены роль и место официально-охранительного, либерального, демократического направлений белорусской историографии периода капитализма в изучении истории Беларуси.

В-седьмых, изучены и показаны особенности базовых концепций исторического прошлого ВКЛ и дореформенной Беларуси в трудах историков XIX – начала XX в. [9–12; 20, с. 24; 21, 27].

Впервые в отечественной исторической науке исследовалась проблема рождения и становления белорусской национальной историографии конца XVIII – начала XX в. в сопоставлении с аналогичными процессами становления украинской национальной историографии этого периода. Судьба белорусской и украинской историографии раскрывалась на базе широкого круга опубликованных источников, впервые вводимых в научный оборот из архивов Восточной Европы. Прослеживались тесная связь развития исторических знаний в Великом Княжестве Литовском и Белоруссии (XVIII – начала XX в.) с украинской историографией, социокультурным и политическим контекстом эпохи, влияние белорусской и украинской историографии на процесс становления исторического сознания белорусского и украинского этноса [34, 35].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ровба, Е. А.** Карев Дмитрий Владимирович. К 60-летию со дня рождения / Е.А. Ровба [и др.] // *Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы*. Сер. 1. Гісторыя. – 2010. – № 1. – С. 9–11.
2. **Васюк, Г.** Карев Дмитрий Владимирович – историк-исследователь и профессор (К 70-летию со дня рождения) / Г. Васюк, Н. Козловская, Ю. Михайлюк // *Народы и культуры славянского мира Восточной Европы в исторической ретроспективе* (Беларусь, Украина, Россия, Польша) : сборник научных статей / ред.-сост. А.Д. Дудько – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – С.11–15.
3. **Шумейко, М. Ф.** «Обладает неиссякаемой энергией и увлеченностью»: (к 60-летию со дня рождения Д. В. Карева) / М. Ф. Шумейко // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. – 2009. – Вып. 10. – С. 285–290.
4. **Карев, Д. В.** Библиографический указатель работ по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока / АН СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока / Д. В. Карев, И. Ф. Кулакова. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1980. – Вып. 6. Советская литература и источники по истории организации КПСС Дальнего Востока : Издания 1922–1972 гг. – 222 с.
5. Караў Дзмітрый Уладзіміравіч // *Габрусевіч С. А. Прафесары Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. 1940–2012: біябібліяграфічны слоўнік* / С. А. Габрусевіч, Я. А. Роўба. – Мінск : Друкарня Макарава і К, 2013. – С. 92–94.
6. Караў Дзмітрый Уладзіміравіч // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Т. 4. Кадэты – Ляшчэня. – Мн. : БелЭн, 1997. – С. 113.*

7. Караў Дзмітрый Уладзіміравіч // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Т. 8: Канто – Кулі. – Мн. : БелЭн., 1999. – С. 59.
8. Караў Дзмітрый Уладзіміравіч // Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: Біябібліяграфічны даведнік / пад рэд. В. М. Чарапіцы. – Гродна: ГрДУ, 1999. – С. 214–216.
9. *Михайлюк, Ю. М.* Відомому білоруському історику Дмитру Кареву – 70 років! / Ю. М. Михайлюк // Вісник Черкаського університету. Серія Історичні науки. – 2019. – № 2. – С. 133–135.
10. *Карев, Д. В. М. К. Любавский и его наследие* / А. Я. Дегтярев, Ю. Ф. Иванов, Д. В. Карев // Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А. Я. Дегтярев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 682 с.
11. *Карев, Д. В.* Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества / Д. В. Карев // Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – Минск : Беларуская навука, 2012. – С. 5–93.
12. *Карев, Д. В.* «Очерк...» М. К. Любавского в контексте восточнославянских историографий России XIX – начала XX в. Д. В. Карев // Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – Минск : Беларуская навука, 2012. – С. 94–106.
13. *Яноўская, В.* На перасячэнні вузлавых пытанняў беларускай гісторыі: (да 60-годдзя з дня нараджэння Дзмітрыя Уладзіміравіча Карава) / В. Яноўская, А. Яноўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 12. – С. 44–45.
14. Дзмітрый Уладзіміравіч Караў – Вікіпедыя [Электронны ресурс]. – Режим доступа : <https://be.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа: 27.02.2022.
15. *Карев, Д. В.* Политика правящих кругов Речи Посполитой по отношению к православному населению государства. XVI–XVIII вв. / Д. В. Карев, Г. В. Васюк // Наш Радавод : матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.», Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992 г. / адказ. рэд. і ўклад. Д. Караў. – Гродна: [б. в.], 1992. – Кн. 4. – Ч. 1: Доклады на пленарным пасяджэнні. Гістарыяграфія і крыніцазнаўства. – С. 361–416.
16. *Карев, Д. В.* Белорусская историография конца XVIII – начала XX веков (Политика царизма и формирование исторической науки Беларуси) / Д. В. Карев // Наш Радавод: матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.», Гродна, 28 верас. – 1 каст. 1993 г. / адказ. рэд. і ўклад. Д. Караў. – Гродна: [б. в.], 1993. – Кн. 5. Ч. 2. – С. 234–393.
17. *Карев, Д. В.* Белорусская историография в конце XVIII – начале 60-х годов XIX в. / Д. В. Карев // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в. / П. Т. Петриков, Д. В. Карев [и др.]; редкол.: П. Т. Петриков (пред.) [и др.]; Акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Комис. по истории науки. – Минск : Навука і тэхніка, 1996. – С. 24–39.
18. *Карев, Д. В.* Белорусская историография во второй половине XIX – начале XX в. / Д. В. Карев // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в. / П. Т. Петриков, Д. В. Карев [и др.]; редкол.: П. Т. Петриков (пред.) [и др.]; Акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Комис. по истории науки. – Минск : Навука і тэхніка, 1996. – С. 40–47.
19. Умер гродненский историк, исследователь, профессор... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.hrodna.life/pamiornizmicer-karau/> – Дата доступа: 28.02.2022.
20. Карев Дмитрий Владимирович // Корзенко, Г. В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: Библиографический справочник / Г. В. Корзенко. – Минск: Белорусская наука, 2007. – С. 150–151.
21. *Стралец, М. В.* Дзмітрый Уладзіміравіч Караў: партрэт навукоўца і педагога / М. В. Стралец // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2009. – № 12. – С. 62–63.
22. *Карев, Д. В.* Хрептович. Род и его предшественники в истории и культуре Восточной Европы / Д. В. Карев // Книжное собрание рода Хрептовичей [Электронный ресурс] / Национальная библиотека Беларуси, Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, Национальная комиссия Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО. – Минск : НББ, 2009. – 1 электронный оптический диск (DVD-ROM). – С. 3–19.
23. *Карев, Д. В.* Гродно: город в контексте истории и культуры Европы (XI – нач. XXI в.) / Д. В. Карев. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2018. – 158 с.
24. *Караў, Д. У.* Даследчык гісторыі ўсходнеславянскіх народаў (М. В. Доўнар-Запольскі: старонкі жыцця і творчай спадчыны) / Д. У. Караў // Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. – Мінск : Беларуская навука, 2009. – С. 5–27.
25. *Карев, Д. В.* Белорусская историография и формирование исторического сознания белорусов в 1914–1945 годах: (основные тенденции развития в геополитическом контексте эпохи) / Д. В. Карев. – Гродно : ЮрСаПринт, 2016. – 112 с.
26. *Карев, Д. В.* Западная Беларусь в историко-культурном и историографическом контекстах Восточной Европы / Д. В. Карев. – Гродно : ЮрСаПринт, 2017. – 208 с.

27. **Карев, Д. В.** Историография и источники // В. Л. Лакиза, А. Н. Белицкая, Е. Ф. Касюк, О. Н. Левко, В. Ф. Голубев, Д. В. Карев // История белорусской государственности: в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев. – Минск, 2018. – Т. 1. : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. – С. 13–55.
28. **Карев, Д. В.** Человек, общество, государство в мире экономики: Человек в системе экономических отношений: Пособие для учащихся и абитуриентов / Д. В. Карев. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2004. – 202 с.
29. **Карев, Д. В.** Человек в системе экономических отношений: учеб. пособие по курсу «Человек. Общество. Государство» для слушателей ФДП, школ, гимназий и лицеев гуманитар. профили / Д. В. Карев. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 200 с.
30. Экономическая теория: учебно-метод. комплекс по курсу для студ. неэкономич. спец. вузов / Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы, Гуманитарный центр исследований Восточной Европы (г. Гродно); авт.-сост.: А. Н. Чернякевич, Н. В. Юргель, С. И. Рапецкая, Д. В. Карев, М. О. Швеиц; отв. ред. Д. В. Карев. – 2-е изд. – Гродно : ЮрСаПринт, 2012. – 188 с.
31. **Карев, Д. В.** Очерки истории развития бухгалтерского учета, анализа и аудита: учеб. пособие / Д. В. Карев, Е. И. Платоненко. – Гродно : ЮрСаПринт, 2017. – 227с.
32. **Карев, Д. В.** Зарубежное белорусоведение XVI–начала XXI вв.: основные этапы и проблемы становления и развития / Д. В. Карев, А. Д. Дудько. – Гродно : ЮрСаПринт, 2016. – 140 с.
33. **Карев, Д. В.** Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в. – 1991 г.) / БелНИИ-ДАД; науч. ред. А. Н. Михальченко / Д. В. Карев, С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко. – Мн. : БелНИИ-ДАД, 1999. – 292 с.
34. **Карев, Д. В.** Белорусская и украинская историография конца XVIII в. – начала 20-х гг. XX в. В процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. В. Карев. – Вильнюс : ЕГУ, 2007. – 310 с.
35. Белорусская историография на рубеже XX–XXI вв. ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://hist.bsu.by/materialy-konferentsij-xxi-vek>. – Дата доступа : 20.09.2009.

Поступила в редакцию 08.03.2022 г.

Контакты: mstrelez@mail.ru

(Стрелец Михаил Васильевич)

Strelets M. V. DMITRY VLADIMIROVICH KAREV – OUTSTANDING SCHOLAR IN THE FIELD OF HISTORIOGRAPHY

The article is dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Dmitry Vladimirovich Karev. He worked for 42 years at Yanka Kupala Grodno State University. The author shows that the scientist and teacher has done a lot in science over the years and has been recognized by the scientific community. It unequivocally considers Dmitry Vladimirovich one of the pillars of the Belarusian historiography.

Keywords: research, historiography, source study, Karev, science, cooperation.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанав

Тэхнічныя рэдактары: *А. Р. Роскач, Л. І. Будкова*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *Г. В. Кармянкова*

Падпісана да друку .08.2022 г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 11,8. Ул.-выд. арк. 14,5. Тыраж 100 экз. Заказ № .

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў